

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Факультет психологии и социальной педагогики
Кафедра психологии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Материалы
VI-ой ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Таганрог, 09 декабря 2022 г.

**Ответственный редактор -
зав. кафедрой психологии
Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,
кандидат психологических наук, доцент
Оксана Александровна Холина**

Ростов-на-Дону
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)
2023

УДК 159.99
ББК 88.9
А43

Редакционная коллегия:

- О.А. Холина – зав. кафедрой психологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), канд. психол. наук, доцент;
- Е.А. Макарова – д-р психол. наук, профессор, кафедра психологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ);
- А.В. Макаров – канд. филол. наук, доцент кафедры психологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ);
- Е.Г. Петрова – канд. филол. наук, доцент кафедры психологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ).

А43 Актуальные проблемы аддиктивного поведения: материалы VI-й Всероссийской научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». 09 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2023. – 1 электрон., опт диск (CD-ROM); 12 см. – Систем. требования: MS Windows XP/Vista/7; VideoCard; SoundCard; DVD R/RW 4x; память 512 Мб. – **ISBN 978-5-7972-3141-7**

В сборнике публикуются научные статьи и материалы, представленные на ежегодную VI-ю Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения», ее участниками являются преподаватели вузов, колледжей, педагоги школ, психологи образовательных учреждений, магистранты, студенты.

УДК 159.99
ББК 88.9

ISBN 978-5-7972-3141-7

© Коллектив авторов, 2023
© РГЭУ (РИНХ), 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1

ФАКТОРЫ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ДИАГНОСТИКЕ

Абрамова М.М. , г. Москва АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	6
Игнатенко А.П., Лещанова Д.В. , г. Ростов-на-Дону ГАДЖЕТ-АДДИКЦИИ: ФАКТОРЫ И ДИАГНОСТИКА.....	13
Извекова И.В. , г. Таганрог ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ НАРКОЗАВИСИМЫХ ОСУЖДЕННЫХ.....	19
Макарова Е.А. , г. Таганрог КОФЕИНОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. ЕСТЬ ЛИ ПОВОД ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА?.....	26
Макарова Е.А., Тищенко И.А. , г. Таганрог ТАТУ-АДДИКЦИЯ: МИФЫ И ФАКТЫ О «ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧЕРНИЛ».....	33
Потапова А.А. , г. Таганрог СЕЛФХАРМ КАК ФОРМА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	42
Скуднова Т.Д., Бех Е.В. , г. Таганрог СКЛОННОСТЬ К ФАНАТИЗМУ КАК ФОРМА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	48
Странцов А.Н. , г. Таганрог ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП НА ФОРМИРОВАНИЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	55
Ушакова А.А. , г. Таганрог ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДОГОЛИЗМА КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ УРГЕНТНОЙ АДДИКЦИИ.....	61

РАЗДЕЛ 2
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЦ
С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Гаврилов М.Д., Меньшикова Т.И., г. Таганрог ТРУДОВАЯ АДДИКЦИЯ КАК ЧАСТЬ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА.....	69
Казанцева Е.В., Чичкала М.Б., г. Таганрог СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКЛОННОСТЕЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПО- ВЕДЕНИЮ У УЧАЩИХСЯ 9-х И 11-х КЛАССОВ.....	78
Макаров А.В., Усатова А.А., г. Таганрог ВАНДАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА..	85
Мищенко В. И., г. Таганрог АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ.....	94
Петрова Е.Г., Смоленская А.М., г. Таганрог ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕ- НИЯ У ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ.....	99
Петрова Е.Г., Смоленская А.М., г. Таганрог ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ.....	105
Ракитина М.М., г. Таганрог ВОЛОНТЕРСТВО – СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ.....	110
Ушакова А.А., г. Таганрог ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРУДОГОЛИЗМА.....	115
Юрьева А.М., Меньшикова Т.И., г. Таганрог АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЛЮБВИ.....	122

РАЗДЕЛ 3
ПРЕВЕНЦИЯ И ИНТЕРВЕНЦИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ
ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Бушуев В.А., г. Таганрог ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В АДВОКАТ- СКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	132
---	-----

Воронченко А.А., Новикова Е.И., г. Таганрог АРТ-ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	138
Воронченко А.А., Новикова Е.И., г. Таганрог РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ КАК УС- ЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	144
Извекова И.В., г. Таганрог МОТИВАЦИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ У ЖЕНЩИН В ПО- СЛЕРОВОДОЙ ПЕРИОД.....	148
Исаев М.Ю., г. Таганрог ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СКЛОННОСТИ К ЭМОЦИО- НАЛЬНОМУ ВЫГОРАНИЮ СОТРУДНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ	153
Исаев М.Ю., г. Таганрог ИССЛЕДОВАНИЕ СКЛОННОСТИ К ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ВЫГОРА- НИЮ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.....	159
Макаров А.В., Переверзева А.В., г. Таганрог РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОМАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	164
Миняйло И.О., г. Таганрог ФЕНОМЕН ЛЖИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ.....	171
Потапова Я.С., Мищенко В.И., г. Таганрог ГРУППОВАЯ ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С ВИКТИМНЫМИ СТУДЕНТАМИ.....	177
Рытjikова А.В., г. Таганрог ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РПП И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЕДАНИЯ У ЖЕНЩИН.....	184
Холина О.А., Огурцова А.Н., г. Таганрог САДИЗМ КАК НОРМА ИЛИ ПСИХИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ.....	192
Холина О.А., Огурцова А.Н., г. Таганрог ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ОБЩЕНИЯ.....	197
Холодняк О.А., г. Таганрог ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ УДОВЛЕТВО- РЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ.....	202
Холодняк О.А., г. Таганрог ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ САМООТНОШЕНИЯ У СТУДЕН- ТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА.....	207

РАЗДЕЛ 1
ФАКТОРЫ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПОДХОДЫ К ЕГО ДИАГНОСТИКЕ

Абрамова М.М.,
капитан внутренней службы,
старший инспектор группы по связям
со средствами массовой информации
УВД по Зеленоградскому АО ГУ МВД России по г. Москва

**АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЦ,
СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка объяснить «странное» поведение лиц, совершающих одни и те же преступления: что заставляет их делать одинаковые ошибки и снова лишаться свободы? Это стечение обстоятельств, злой рок или зависимость? Постараемся разобраться с этим на примерах рецидивистов, совершающих преступления на территории столичного региона.

Ключевые слова: зависимость, рецидивист, преступление, социализация, угон, кража, наркотики.

Abramova M.M.,
internal service captain,
Senior Inspector of the Media Relations Group,
Directorate of Internal Affairs for the Zelenograd Administrative District of the
Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow

ADDICTIVE BEHAVIOR OF PERSONS COMMITTING CRIMES

Annotation. The article attempts to explain the "strange" behavior of persons committing the same crimes: what makes them make the same mistakes and lose their freedom again? Is it a combination of circumstances, bad luck or addiction? We will try to deal with this using the examples of repeat offenders who commit crimes in the capital region.

Key words: addiction, recidivist, crime, socialization, theft, theft, drugs.

Для начала определимся со значением термина «аддиктивное поведение». В переводе с английского «addiction» означает пагубная привычка, порочная склонность, следовательно, аддиктивное поведение – это форма отклоняющего-

ся, девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности [1]. Различные факторы такого поведения – «(неотреагированный негативный опыт разных периодов жизни, приводящий к внутреннему дискомфорту, неспособности противостоять неудачам и трудностям, отсутствию четких ориентиров в жизни, неумению «быть взрослым» и брать ответственность за свою жизнь, невротизация личности) могут порождать различные зависимости, которые становятся инструментом ухода от дискомфортной реальности в искусственно созданный беспроблемный (хотя бы на время) мир» [2, 32–33].

Казалось бы, при упоминании данного типа поведения и правоохранительной системы на ум приходят только наркозависимые и больные алкоголизмом граждане. Действительно, эта категория лиц, независимо от пола и возраста, постоянно возвращается к совершению преступлений, связанных с распространением и потреблением запрещенных веществ. В связи с тем, что наркозависимые физически не могут существовать без постоянного получения «дозы», то им необходимы денежные средства на приобретение наркотиков [5]. И если раньше данная категория лиц промышляла кражами и грабежами, то сейчас, в качестве заработка, они распространяют информацию о приобретении наркотических средств и сами наркотические средства, за что в вознаграждение получают заветную дозу. И данная категория всегда попадает под наказание за одно и то же деяние, а после лишения свободы в большинстве случаев возвращается к прежнему образу жизни, который привел их на скамью подсудимых.

Алкогозависимых приводят на скамью подсудимых такие преступления, как нанесение телесных повреждений различной степени тяжести: неадекватное состояние, выплеск агрессии, и человек, теряя свой облик, совершает преступление, подчас не контролируя себя. Это физические зависимости, которые кардинальным образом меняют личность человека, полностью перекраивая его. И если он не будет получать свой допинг, то будет испытывать не только моральные, но и физические страдания.

Любая форма аддикции, будь то физическая или эмоциональная, связана с эффектом привыкания: острота удовольствия от определенного действия по-

степенно снижается, организм привыкает, эмоции притупляются, но в то же время человеку необходима хотя бы крошечная доза эндорфинов, положительных для него всплесков, поскольку без этого он не может нормально функционировать [8].

Аддиктивное поведение, по своей сути, в конечном итоге может привести к полному разложению личности. Как правило, выделяется пять стадий развития аддикции, и если первые две считаются относительно безопасными и обратимыми, то последняя – разрушительная. Первая стадия – знакомство. Человек впервые пробует запрещенное вещество или совершает определенное действие, которое может вызвать зависимость. Соответственно, лицо не допускает мысли о том, что может стать зависимым, а посему ему кажется, что то, что он делает или пробует, – вполне безопасно. Вторая стадия – интерес. Становится интересно, что будет, если попробовать еще раз. То есть он ищет определенные ситуации, раздумывает и рассматривает альтернативу. Опасности еще нет. Третья стадия – аддикция. Человек ещё не осознает себя зависимым, однако привычка уже сформировалась. У него появляется внутренний конфликт, ощущается желание все бросить, которое борется с принятием этой зависимости. Четвертая стадия – подчинение. Человек перестает сопротивляться и принимает свою зависимость. Он полностью готов отказаться от обычной жизни, а его личность начинает разрушаться. При этом он увеличивает дозу, риски, ищет больше ярких эмоций, но не получает удовлетворения. Последняя, пятая стадия – аддиктивная катастрофа. Личность уже полностью разрушена, к нормальной жизни вернуться невозможно. Необратимо разрушается не только психическое здоровье, но и физическое, даже если зависимость не связана с употреблением запрещенных веществ [1].

Более интересная ситуация состоит с выделением так называемых «профессиональных преступников», специализирующихся на определенном виде преступления. Как правило, основной мотив личностей, которые склонны к аддиктивному поведению, – это активное изменение психического состояния, не удовлетворяющее его: все кажется ему «серым», «скучным», «обычным»,

«унылым». Подобные люди не могут найти в реальной жизни определенные сферы деятельности, которые смогли бы увлечь, вызвать положительную реакцию, сильные эмоции. Это существование сложно назвать жизнью ввиду серости и однообразности. Данный тип личности не приемлет нормы окружающего общества: занятие общественной деятельностью, соблюдение традиций, законов. У человека с аддиктивным поведением жизненная активность носит избирательный характер: то есть он ищет ситуации, направления, которые временно приносят ему удовлетворение и вырывают из ощущений эмоциональной стагнации [7].

Классическим антиподом личности с аддиктивным поведением выступает человек, живущий интересами семьи, родственников, близких людей, окружающего общества и хорошо приспособленный к такой жизни. Именно эта категория людей вырабатывает определенные устои и традиции, которые впоследствии становятся общественно поощряемыми нормами. То есть по своей сути он является консервативным, не склонным что-то менять в своем окружении и мире, довольствуясь тем, что у него есть, старается не рисковать и свести до минимума любой риск. В свою очередь, аддиктивной личности абсолютно претит традиционная жизнь с ее нормами и устоями, размеренностью и прогнозируемостью, все это вкупе является раздражающим фактором для данных людей. Однако какие-либо кризисные, непредсказуемые ситуации, связанные с риском и выраженными аффектами являются для аддиктивных личностей именно той почвой, на которой они становятся уверенными в себе, их захлестывает самоуважение и чувство превосходства над другими [6]. Чаще всего именно у подобного типа людей отмечается феномен «жажды острых ощущений», который побуждает к деятельности, связанной с риском и неким опытом преодоления созданных трудностей и опасностей.

Это типичное поведение преступников-рецидивистов. Они могут жить в обеспеченных полных семьях, но настоящие эмоции, жажду жизни им дарит совершение преступлений, причем, чаще всего, определенного серийного характера [4].

Так, сотрудники столичной полиции задержали подозреваемого в кражах автоаксессуаров из транспортных средств. Оперативниками установлено, что фигурант уголовного дела в ночное время на неохраняемой автостоянке путем повреждения стекла похитил три автомагнитолы и два видеорегистратора. Общий материальный ущерб составил более 22 тысяч рублей. В результате оперативно-розыскных мероприятий на автобусной остановке задержан 44-летний ранее судимый гражданин. По данным фактам дознания возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 158 УК РФ «Кража». В отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Что характерно, данный 44-летний гражданин уже неоднократно был судим за аналогичные деяния. И после освобождения он снова взялся за свое: разбивает стекла автомобилей, ворует регистраторы и автомагнитолы. В принципе оперативники уже знают почерк злоумышленника, и его поимка – дело времени. Известно, что с детства он жил и воспитывался в адекватных условиях, но ему для нормального существования необходима его сфера деятельности: воровство, желание «обыграть» полицейского, скрываясь от него как можно дольше, затем суд, помещение в места лишения свободы, отбывание срока и новые кражи.

Когда по долгу службы удалось пообщаться с ним, на вопрос «Почему он занимается воровством гаджетов из автомобилей?» он ответил, что именно это у него очень хорошо получается и он испытывает настоящее удовольствие, когда ему удастся осуществить задуманное, а опасность, возможность быть замеченным и задержанным сотрудниками правопорядка придает его жизни яркую эмоциональную окрашенность, как «катание на крутом мотоцикле на огромной скорости».

То же самое касается «профессиональных» автоугонщиков, похитителей велосипедов, а также мошенников. Преступники, выбирающие себе определенную категорию, чаще всего остаются именно в ней, не переходя на другие направления преступной деятельности. Ярким примером может служить очеред-

ное раскрытое преступление: сотрудниками правоохранительных органов был задержан житель Подмосковья, который совершил несколько краж велосипедов. В полицию обратился гражданин с заявлением о краже велосипеда из общего коридора многоквартирного дома. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий полицейские получили фотопортрет подозреваемого, зафиксированного одной из уличных камер. По имеющимся приметам стражи порядка в тот же день задержали 33-летнего мужчину. В результате работы оперативников с мужчиной тот признался в совершении кражи и сообщил, что украденный велосипед он успел продать в соседнем городе. Выяснилось также, что задержанный уроженец Ульяновской области, неоднократно судимый, причастен к двум другим кражам, совершённым на территории города. По всем фактам возбуждены уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ (кража). Подозреваемый взят под стражу. То есть, даже поменяв регион своего промысла, подозреваемый совершает одни и те же преступления: кража велосипеда, его продажа и снова кража, продажа. Причем уже он понимает, что весь город, все дома в камерах видеонаблюдения, однако, подстегнутый яркими эмоциями, ощущением опасности он продолжает свою деятельность до известного финала, и даже знание неминуемого наказания его не останавливает.

Что касается профессиональных мошенников, то в этом случае ключевую роль играет жажда денег и легкое их получение. Человек не ощущает свою вину, не видит, как он обманывает и что от его деятельности страдают люди. Чаще всего в конечном итоге он живет на постоянной основе в местах лишения свободы, не ощущая дискомфорт, продолжая свою деятельность из тюрьмы. Деньги тратит на свои нужды, полностью разрывает связь с действительностью и близкими людьми и существует только для себя. То есть, по сути, данная категория лиц настроена на постоянное обогащение, получает наслаждение от обмана и получает настоящее удовольствие от своей деятельности.

Есть хорошее выражение: от суммы и от тюрьмы не зарекайся. Существует небольшой процент тех, кто, однажды совершив преступление, полностью рас-

кался, пересмотрел свои взгляды на жизнь и начал её заново. Но чаще всего за решеткой оказываются именно люди с аддиктивной формой поведения. И, раз преступив закон, они обязательно снова совершат преступление, чтобы еще раз ощутить весь спектр эмоций, ярких красок, которые они получают [3].

Подводя итоги, хочется отметить, что практически все зависимости разрушают психику человека, они крайне тяжело лечатся, и у личности всегда остается огромный риск рецидива. Самостоятельно избавиться от аддикции возможно только на первых двух стадиях, однако, у человека должна быть сильная мотивация и понимание того, что он становится зависимым. Избавиться от третьей стадии самостоятельно уже не представляется возможным, поэтому человеку необходимо обратиться к специалисту.

Библиографический список

1. Гоголева, А. В. Аддиктивное поведение и его профилактика / А. В. Гоголева. – 2-е изд., стер. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК» 2003. – 240 с.
2. Мищенко, В. И. Аддикция как форма виктимного поведения / В. И. Мищенко // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения. Материалы I Региональной научно-практической конференции. – 2018. – С. 31–34.
3. Пирожков, В. Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности / В. Ф. Пирожков. Кн. 1. – М.: Ось-89, 1998. – 702 с.
4. Познышев, С. В. Криминальная психология. Преступные типы / С. В. Познышев. – Москва: Юрайт, 2022. – 292 с.
5. Профилактика наркомании и здоровый образ жизни. Выпуск 2: сборник методических разработок. – Ижевск, 1999. – 4 с.
6. Старшенбаум, Г. В. «Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей» / Г. В. Старшенбаум. – М.: Когито-Центр; 2006. – 366 с.
7. Ушатиков, А. И., Ковалев, О. Г., Корнеева, Г. К. Прикладная криминальная психология: учебное пособие / А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев, Г. К. Корнеева. – Рязань 2012. – 596 с.
8. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. – М., 2003. – 607 с.

Игнатенко А.П.,
аспирант
ДГТУ, г. Ростов-на-Дону;
Лещанова Д.В.,
аспирант
ДГТУ, г. Ростов-на-Дону

ГАДЖЕТ-АДДИКЦИИ: ФАКТОРЫ И ДИАГНОСТИКА

Аннотация. В этой статье мы рассмотрели влияние гаджет-аддикции на современного человека. Проанализированы отечественные и зарубежные исследования в области нехимических видов аддикций. Зависимость рассмотрена через биологическую, психологическую и социальную модель формирования.

Ключевые слова: гаджет-аддикции, интернет-зависимость, цифровое общество, факторы зависимости, стадии гаджет-зависимости.

Ignatenko A.P.
postgraduate student
DSTU
Rostov-on-Don;
Leshchanova D.V.
postgraduate student
DSTU
Rostov-on-Don

GADGET ADDICTIONS. FACTORS AND DIAGNOSTICS

Annotation. In this article, we examined the impact of gadget addiction on modern man. Domestic and foreign studies in the field of non-chemical types of addictions are analyzed. Dependence is considered through a biological, psychological and social model of formation.

Key words: gadget addictions, Internet addiction, digital society, factors of addiction, stages of gadget addiction.

В настоящее время только в европейских странах гаджет-зависимостью страдают как минимум несколько миллионов человек. Для России данная проблема также очень актуальна, так как сказывается на всех возрастных группах [2].

В нашем цифровом обществе стремительно появляются и разрабатываются новые технические приспособления, которые предназначены для облегчения жизни человека. Их можно обобщить одним словом – «гаджеты». К ним относятся компьютеры, ноутбуки, умные часы, браслеты, смарт-ручки, телевизоры,

планшеты, сотовые телефоны, смартфоны, плееры. Также могут включать в себя действия, нахождение в интернете, социальных сетях, навязчивый серфинг (путешествие в сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам); страсть к онлайн биржевым торгам и азартным играм; виртуальные знакомства; киберсекс (увлечение порносайтами); компьютерные игры [2], [7].

Следует подчеркнуть, что современное общество уже не представляется без использования гаджетов и они, безусловно, имеют не только минусы, но и ряд плюсов – такие, как отсутствие бумажной волокиты, сохранение природных ресурсов; возможность поиска нужной информации для работы и учебы, доступ к информации в сети; экономия большого количества времени; дополнение реальности (виртуальная реальность, программирование вкусов и запахов); возможность коммуникации из любой точки мира; возможность развития навыков учебной деятельности, особенно у малышей, с помощью компьютерных игр [2], [5].

Плюсы и минусы гаджетов обозначил масштабный эксперимент с детской программой «Улица Сезам». Предполагалось, что обучающее видео будет иметь только положительные последствия и способствовать когнитивному развитию ребенка (память, воображение, мышление, внимание, коммуникативные навыки).

Однако после завершения эксперимента, в котором на протяжении 3 месяцев дети смотрели передачу, было выявлено, что эффект от просмотра действительно есть – у детей улучшились показатели абстрактного мышления, обобщения и реконструкции действия, но при этом развивающий эффект фиксировался только у тех детей, которые после просмотра обсуждали увиденное со взрослым [4].

Получается, что, несмотря на большие объемы информации, которые можно получить через гаджеты, только живое, человеческое общение способно закрепить знания путем общения.

Для описания проблемы зависимости от гаджета используется большое количество не совпадающих определений, в зависимости от самого гаджета, действия человека с ним, размеров и функций.

Р.В. Ершова определяет проблему гаджет-зависимости как компульсивно-импульсивное расстройство, предполагающее чрезмерное, болезненное использование онлайн и оффлайн компьютера или любых других цифровых средств с аналогичными возможностями, сопровождающееся психологическими, социальными нарушениями и проблемами занятости и пр. [5].

По мнению MakoneV. [10], нехимические аддикции, в том числе гаджет-аддикции, не только возможны, но и часто встречаются; они могут быть столь же серьезны по своим последствиям, как химические зависимости; нехимические аддикции обычно встречаются внутри семейного контекста и часто стимулируются им; мотивом является бегство от реальности; при невозможности воспользоваться гаджетом наступает абстинентный синдром [5], [9].

Факторы, формирующие гаджет-зависимость, могут быть биологическими, психологическими и социальными. Все эти процессы, могут идти одновременно, но в одних случаях могут преобладать психологические механизмы, в других – биологические, в-третьих – социальные [5].

Биологические причины. К данным факторам риска формирования гаджетозависимости относят различные повреждающие воздействия на ранних стадиях беременности, которые могут привести к нарушению формирования и развития головного мозга, тяжелые токсикозы, внутриутробные инфекции, интоксикации, нарушения пищевого режима беременной, ионизирующая радиация, а также наследственная предрасположенность (низкий уровень адреналина, норадреналина, серотонина, ацетилхолина, дофамина) [2], [9].

Психологические причины. К особенностям зависимой личности относят, прежде всего, акцентуации личности человека, крайние варианты нормы, при которых отдельные черты чрезмерно усилены.

Н.А. Агеева пишет, что среди известных типов акцентуаций характера, психотипов выделяют четыре, которые особенно способствуют формированию

зависимого поведения: гипертимный, астеноневротический, эпилептоидный и циклотимный. Их еще называют акцентуации по зависимому типу [6], [7].

Социальные причины. Огромную роль в формировании зависимого поведения у человека играет деструктивная семья, а также негативно влияющая среда сверстников [7].

Психологические основы зависимости зарождаются в процессе семейного воспитания в раннем детстве. Здоровое воспитание ребенка, формирование у него адаптивных способов реакции на негативную ситуацию дают шанс уберечься в дальнейшем от зависимого поведения [2].

Проблема влияния семьи на развитие личности остается одной из наиболее актуальных как в отечественной, так и в зарубежной науке. Такие исследователи, как Алексеева Л.С., Божович Л.И., ElkindD., HolmesT., Rahe R., LaRoseR. и другие, отмечают, что семья является одним из факторов, который вносит весомый вклад как в благополучное развитие личности, так и в развитие предпосылок к нежелательным формам поведенческих реакций, в частности гаджет-аддикции. Такими факторами являются гиперопека, желание родителя удовлетворить все нужды ребенка, когда родитель уделяет чрезвычайно пристальное внимание ребенку, его переживаниям и проблемам, старается решить все его проблемы. При такой родительской позиции у ребенка будут формироваться эгоистичные установки к людям, миру в целом, что будет способствовать накоплению негативных эмоций и желанию отстраниться от реальности. Либо наоборот отстранение от ребенка, гипоопека. При такой позиции со стороны родителей полностью отсутствует контроль над ребенком, он предоставлен самому себе. Родитель удовлетворяет только жизненно важные потребности в сне, еде, одежде. Наблюдается отсутствие эмоционального контакта [9].

В любой форме аддикции существуют общие черты:

- молодость (18–25 лет);
- социальная значимость демонстрации взрослости и протеста, отсутствие ограничений;
- сходное социальное влияние родителей, партнеров, друзей и др.;

- раннее вовлечение;
- жизненный стиль [3].

И. Телегина [8] в своей работе классифицирует зависимость от гаджета на четыре стадии:

- 1) увлеченность на этапе освоения;
- 2) состояние возможной зависимости;
- 3) выраженная зависимость;
- 4) клиническая зависимость.

Рассмотрим признаки стадий.

1) Увлеченность на этапе освоения. Свойственна человеку в течение месяца после приобретения гаджета. Он изучает неизвестный, но интересный предмет. Далее интерес идет на убыль. Затем временной режим нормализуется, возникают периодические паузы, которые вызывают другие занятия и увлечения. Если же выхода из данной стадии не происходит, то возможен переход к следующей стадии.

2) Состояние возможной зависимости. Выглядит как сильная погруженность, которая занимает в день более трех часов, снижение мотивации. Наблюдаются повышенный эмоциональный тонус во время игры, негативное реагирование на препятствия, которые мешают увлеченности. Сужение круга общения, иногда нарушение сна.

3) Выраженная зависимость. Человек не может контролировать себя, эмоционально не стабилен, в случае необходимости прерваться нервничает, реагирует бурно или не реагирует никак. Он становится неряшливым в одежде, безразличным к тому, что не относится к его увлечению.

Более того, эта стадия характеризуется повышенной тревогой и возбуждением, рассеянием, концентрацией внимания вне действия гаджета. Сильное ослабление интереса к общению. Есть риск перехода на четвертый этап, когда человек долго не оказывает помощи, а время пребывания за компьютером составляет от 16 до 18 часов в день.

4) Клиническая зависимость. Серьезное отклонение от нормы поведения, неадекватное эмоциональное состояние – подавляющее или интенсивное эмоциональное состояние, истерическое состояние, резкая смена эмоций с крайней проявлением, неадекватное эмоциональное и самоконтроль. Повышается аппетит и интерес жизни. На этой стадии нужна помощь психотерапевта [8].

Таким образом, формирующаяся зависимость человека от экрана смартфона стала все более закрепляться в рамках его индивидуального бытия, приобретая внутри него новые формы. Если страдающие от прежних традиционных форм аддиктивного поведения начинают свой день с глотка спиртного или первой утренней сигареты, то человек с гаджет-зависимостью, едва открыв глаза, берёт в руки смартфон, который постоянно находится во включенном состоянии [1].

Следовательно, вместе с удобным и крайне функциональным экранным гаджетом, технологически продвинутое человечество приобрело также и новую аддикцию, что согласованно отмечается самыми различными авторами во многих исследованиях.

Библиографический список

1. Григорьев, С. Л. Психофизические эффекты активного использования технических средств экранной коммуникации / С. Л. Григорьев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – №. 86. – С. 42–50.
2. Гуляев, Г. Ю. Научные исследования молодых учёных: сборник статей / Г. Ю. Гуляев. – 2020.
3. Егоров, А. Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции: вопросы типологии, диагностики и классификации / А. Ю. Егоров // Вопросы наркологии. – 2020. – №. 4. – С. 7–23.
4. Ермаков, П. Н., Абакумова И. В., Штейнбух А. Г. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: Традиционные и инновационные формы / П. Н. Ермаков, И. В. Абакумова, А. Г. Штейнбух. – 2018.

5. Ершова, Р. В. Пупиллографические предикторы интернет-зависимости / Р. В. Ершова // Сегменты социально-педагогической сферы: монография: в 2 томах. – Коломна, 2015. – С. 233–250.
6. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1977. – 208 с.
7. Петрова, Е. Г. Копинг-стратегии у лиц юношеского возраста / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Актуальные проблемы аддиктивного поведения: материалы V-й Всероссийской научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, 15 декабря 2021 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2022. – С. 151–157. – EDN HHJNNT.
8. Телегина, И. Поколение гаджетов: компьютерная зависимость у подростка: как распознать и как предупредить / И. Телегина // Школьный психолог. – 2014. – № 3. – С. 14–16.
9. Mandel, B.R. Technological addictions go on the offensive // Sots. pedagogy. – 2014. – No 5. – 193–204 p. Reshad F. M. et al. Gadget Addiction Factors in Malaysia: A Literature Review // Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 151–156.
10. McCown W.G. Nonpharmacological addictions // Family Therapy Review: Preparing for Comprehensive and Licensing Examinations / R. H. Coombs (ed). – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. – P. 459–481.

Извекова И.В.,
магистрантка
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ НАРКОЗАВИСИМЫХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В настоящее время актуальной проблемой остается рост совершаемых преступлений лицами, страдающими наркотической зависимостью. В результате совершения ими преступных деяний они попадают в исправительно-трудовые учреждения, где состояние их психического здоровья ухудшается из-за отсутствия помощи компетентных сотрудников-психологов, что способствуют дальнейшему рецидиву преступлений. Осужденный с наркотической

зависимостью имеет ряд специфических психологических аспектов, которые должны прорабатываться с учетом индивидуально-личностного подхода.

Ключевые слова: осужденный, наркотическая зависимость, психологические аспекты, проекция, отрицание.

Izvekova I.V.,

master student

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Taganrog
Institute named after A.P. Chekhov (branch) "RGEU (RINH)"
Taganrog

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PERSONALITY OF DRUG DEPENDENT CONVICTS

Annotation. Currently, an urgent problem remains the growth of crimes committed by people suffering from drug addiction. As a result of their criminal acts, they end up in correctional labor institutions, where their mental health deteriorates due to the lack of help from competent psychologists, which contributes to the further recurrence of crimes. A convict with drug addiction has a number of specific psychological aspects that should be worked out taking into account the individual-personal approach.

Key words: convict, drug addiction, psychological aspects, projection, denial.

В настоящее время в исправительных учреждениях Российской Федерации к отбытию наказания приговорено большое количество осужденных лиц, страдающих наркотической зависимостью. Данная категория преступников подразделяется на два основных вида. К первому из них относятся осужденные лица за совершения преступлений в области незаконного оборота наркотических средств (ст. 228, 228.1 УК РФ), а ко второй категории относятся лица, совершившие преступления в состоянии наркотического опьянения.

Одними из важных ролей в формировании личности в целом выступают условия воспитания и социализации в подростковом возрасте, что является фундаментом для дальнейшего развития человека. Среда обитания подростка создает в совокупности систему мотивов и потребностей, побуждающих его к совершению преступлений в совершеннолетнем возрасте. Употребление или распространение наркотических веществ в большинстве случаев затрагивает два противоположных слоя населения: бедных и богатых. Низкий социальный

уровень жизни и среда обитания подталкивает молодых людей к злоупотреблению алкогольными напитками или наркотическими веществами, а равно к их распространению с целью заработка денежных средств [4]. Большинство осужденных по ст. 228.1 УК РФ страдает наркотической зависимостью, однако есть исключение, когда человек из-за серьезных финансовых проблем идет на совершение преступления, ранее не употребляя запрещенных веществ.

Не только лица, относящиеся к низкому социальному классу, обвиняются в совершении данных преступлений. «Золотая молодежь» нередко оказывается на скамье подсудимых за совершение преступлений в состоянии наркотического опьянения, а также за хранение и употребление наркотических средств. Чрезмерная дозволенность, отсутствие контроля со стороны родителей, а также финансовая обеспеченность позволяет им чувствовать себя безнаказанными. Их социализация прямо противоположна первой категории лиц, однако последствия бывают намного страшнее. Проблема коррупционных преступлений в органах государственной власти остается актуальной уже много лет, дача взятки должностному лицу может обернуться ужасной трагедией, например, дорожно-транспортным происшествием, где лицо, находившееся в состоянии наркотического опьянения, совершает наезд на людей, ждущих транспорт на автобусных остановках.

Динамика роста преступности, сопряженной с употреблением и распространением наркотических веществ, наблюдается как на территории Российской Федерации, так и в зарубежных странах. Актуальной проблемой остается также создание программ, направленных на профилактику предупреждения преступлений как первичных, так и их рецидивов. К сожалению, применяемые в работе с наркозависимыми модели и методы психологического воздействия зачастую оказываются малоэффективными, что побуждает специалистов к созданию и апробации новых принципов и методологии [1]. Успешность ресоциализации данной категории лиц во многом зависит от эффективности психокоррекционной и профилактической работы психолога пенитенциарного учреждения. В этом ему, несомненно, помогут знания индивидуально-психологических

особенностей личности осужденных, страдающих наркотической зависимостью [8]. К данным особенностям можно отнести: раннюю и подростковую социализацию, взаимоотношения в семье, воспитание, уровень образования, психическое и физическое здоровье.

Кроме того, распространение наркомании имеет место не только во «внешнем мире», но и внутри исправительно-трудовых учреждений во всех регионах страны. Его интенсивность зависит, в основном, от наличия сырьевой базы для изготовления наркотиков, традиций и обычаев, бытующих среди населения, каналов проникновения наркотиков в исправительных учреждениях, действенности оперативного прикрытия лиц, осужденных за распространение наркотиков, занимавшихся в прошлом наркобизнесом.

Личность наркозависимого осуждённого характеризуется асоциальным поведением, что нередко усугубляется в исправительном учреждении, а также дополняется сектантской замкнутостью, постоянными столкновениями с представителями правоохранительных органов и наркологических учреждений, сопутствующими соматическими и нервно-психическими нарушениями [6].

По методике Ш. Шварца было проведено исследование и выявлено, что большая часть наркозависимых осужденных имеют средний уровень ценностной ориентации «Власть» – 73 человека (61%) – осужденные умеренно стремятся к достижению социального статуса и положения, для них это не безразлично, но не имеет первостепенной значимости. Высокий уровень ценностной ориентации «Доброта» имеют 9 наркозависимых осужденных (7%), для которых большое значение имеет сохранение и повышение благополучия близких им людей, стремление всячески им помочь в повседневном взаимодействии, оказать поддержку, понимание. Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что лица, страдающие от наркотических зависимостей, теряют интерес к успешной жизни, их первостепенной целью не является улучшение не только собственной моральной и материальной составляющей, но и их близких людей, что часто приводит к кражам, грабежам, причинению вреда здоровью и иным пагубным последствиям в отношении общества. Кроме того,

теряется и их жизненный ориентир, что наглядно заметно в проведенном исследовании «Процесс жизни и эмоциональная насыщенность», в котором 89 человек (74%) не воспринимают свою жизнь как интересную и эмоционально насыщенную в настоящем времени. Для них характерно ощущение отсутствия наполненности жизни смыслом и неудовлетворенность процессом жизни. Придавать ей полноценный смысл у таких людей могут лишь воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее. Эмоциональный фон таких людей снижен, преобладает пассивно-страдательная позиция, постоянные недовольства, агрессия [7].

Исходя из вышесказанного, можно заметить, что состояние психического здоровья лиц, страдающих таким заболеванием, как наркомания, крайне неудовлетворительно, что проявляется в их асоциальном поведении и негативном отношении к жизни. Заключение данной категории лиц в колонии и оставление их без надлежащей психологической помощи может привести к различным отрицательным последствиям, таким, как совершение самоубийства или причинение вреда здоровью своим сокамерникам или сотрудникам правоохранительных органов.

Наркозависимые осужденные обладают таким бессознательным механизмом, как проекция, которая выступает как некая своеобразная защита для борьбы с неприятием себя и проявляется в виде приписывания окружающим различных негативных качеств. Субъект приписывает другим людям побуждения, мотивы, которые не осознает и не замечает в самом себе. Тем самым он переносит внимание с собственного бессознательного на другого человека и не в состоянии понимать себя. В этой связи очень трудно, а порой невозможно преодолеть или опровергнуть проекцию как ошибочное восприятие, представление о себе, понимание существенных отношений. В таком случае проективная защита возникает на фоне отрицательных чувств и желаний, что неосознанно заставляет воспринимать окружающих людей враждебно и угрожающе. Проекция может сформировать в личности психическое расстройство, проявляющееся в виде паранойи, что вырабатывает острое ощущение обидчивости, обостренное чувство несправедливости, подозрительности и враждебности, что приводит к

таким личностным особенностям, как эгоизм, злопамятство и мстительность. Следовательно, параноидальная личность, ощущая собственную неполноценность, защищается проекцией, которая позволяет ей этого не замечать, объектом критики становится окружающая действительность [3].

Немаловажным остается также такой механизм психологической защиты, как «отрицание». Данный механизм проявляется в отрицании некоторых фрустрирующих, вызывающие тревогу обстоятельств, либо отрицании какого-либо внутреннего импульса или стороны самого себя. Как правило, действие этого механизма проявляется в отрицании тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными, для окружающих, тем не менее, не принимаются, не признаются самой личностью. Иными словами, информация, которая тревожит и может привести к внутриличностному конфликту, не воспринимается [2].

Таким образом, психологическими особенностями личности осужденных, страдающих наркотической зависимостью, являются ригидные системы ценностей и убеждений, зависимость от воздействия окружающей среды, склонность к смене настроения, неустойчивая мотивация, эмоциональная лабильность. Ведущими механизмами психологических защит для осужденных, склонных к наркотической зависимости, являются проекция и отрицание. Психологи пенитенциарных учреждений должны иметь особый опыт и квалификацию для работы с данной категорией лиц, так как к ним необходим индивидуальный подход. Большинство осужденных лиц страдают теми или иными психологическими расстройствами личности, однако лица, злоупотребляющие запрещенными веществами, представляют собой особую категорию лиц, так как их состояние психического здоровья на протяжении долгого времени усугублялось различными препаратами, что привело к частичному разрушению личности.

Библиографический список

1. Алферов, Ю. А. Наркомания в ИТУ: опыт работы с осужденными-наркоманами: учеб. пособие / Ю. А. Алферов. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1991. – 102 с.

2. Антипов, А. Н., Первозванский, В. Б. Криминологическая характеристика осужденных женщин / А. Н. Антипов, В. Б. Первозванский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 41-49.
3. Воронин, Р. М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях / Р. М. Воронин // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 1. – С. 112–118.
4. Ганишина, И. С. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних: учеб. пособие / И. С. Ганишина, А. И. Ушатиков. – М., 2006.
5. Ганишина, И. С. Программа психологического просвещения по профилактике наркотической зависимости осужденных / И. С. Ганишина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – 32 с.
6. Громыко, Д. И. Особенности эмоционально-мотивационной сферы наркозависимых и их роль в прекращении потребления психоактивных веществ: пособие для врачей / Д. И. Громыко, И. В. Берно-Беллекур, Р. Д. Илюк. – СПб., 2009. – 35 с.
7. Истомин, А. А. Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / А. А. Истомин. – Рязань, 2011. – 220 с.
8. Наркомания в ИТУ и пути ее преодоления / под общ. ред. Ю. А. Алферова, В.Г. Козюли. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – 80 с.
9. Холина, О. А., Казанцева, Е. В., Петрова, Е. Г. Психотерапевтический потенциал и основные возможности медитативных практик в работе с аддиктивным поведением / О. А. Холина, Е. В. Казанцева, Е. Г. Петрова // Психология и Психотехника. – 2019. – № 3. – С. 15–28.
10. Холина, О. А., Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в «группу риска» по возникновению наркотической зависимости / О. А. Холина, Е. Г. Петрова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Выпуск № 2. – Таганрог: 2017. – С. 139–149.
11. Холина, О. А., Петрова, Е. Г. Сравнительное исследование психологических особенностей подростков, употребляющих и не употребляющих наркотические вещества / О. А. Холина, Е. Г. Петрова // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук) – 2017. – № 3. – С. 528–539.
12. Яковлева, Н. В. Психология здоровьесберегающей деятельности: методология и методики исследования / Н.В. Яковлева // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 2. – С. 31–37.

Макарова Е.А.,
д-р психол. наук, проф.,
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог

КОФЕИНОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. ЕСТЬ ЛИ ПОВОД ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА?

Аннотация. Кофе считается напитком бодрости, не зря многие люди начинают свой день именно с чашечки кофе и утверждают, что без него просто не способны проснуться и почувствовать себя человеком. Большую роль здесь играет привычка соблюдать определённые ритуалы. Если медицинских противопоказаний нет, то начать рабочий день с чашечки хорошего кофе вполне можно и даже полезно, главное, чтобы любовь к кофе не превратилась в зависимость от этого ароматного напитка.

Ключевые слова: кофеиновая зависимость, передозировка, абстиненция, философия, стиль жизни, интоксикация.

Makarova E.A.,
Doctor of Psychology, Prof.,
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)", Taganrog

CAFFEINE ADDICTION. IS THERE ANY REASON FOR CONCERN?

Annotation. Coffee is considered an energy drink, and it is not for nothing that many people start their day with a cup of coffee and claim that without it they are simply unable to wake up and feel like a person. A big role here is played by the habit of observing certain rituals. If there are no medical contraindications, then it is quite possible and even useful to start the working day with a cup of good coffee, the main thing is that the love of coffee does not turn into dependence on this aromatic drink.

Key words: caffeine addiction, overdose, withdrawal, philosophy, lifestyle, intoxication.

Несмотря на разнообразие потребления кофе и классовых привычек внутри обществ и между обществами, у них есть некоторые общие черты. Как показали исследования [5, 7, 8, 9], кофе – это напиток популярный, настолько популярный, что может привести к аддикции.

Кофеин является наиболее широко используемым наркотиком во всем мире. Кофеин – алкалоид природного происхождения, который в наибольшей

дозировке содержится в кофе. При употреблении блокирует аденозиновые рецепторы головного мозга, дыхательной и сосудистой системы. Кофеин стимулирует синтез и высвобождение адреналина – такое воздействие на организм изменяет функции нервной, сердечно-сосудистой, дыхательной и пищеварительной системы. После употребления кофе человек испытывает бодрость, вместе с этим повышается когнитивная и физическая активность.

Зависимость от кофеина возникает при длительном употреблении напитков с алкалоидом в составе. В отличие от алкогольных, никотиновых, игровых, сексуальных, потребительских, досуговых, информационных, коммуникативных аддикций, само по себе привыкание к кофеину имеет легкую форму, с которой можно справиться самостоятельно.

Кофеиновая зависимость – это чрезмерное и вредное употребление кофеина в течение определенного периода времени, которое оказывает негативное влияние на здоровье, социальные взаимодействия или другие сферы жизни. Для ясности подчеркнем, что кофеин связан со многими как положительными, так и отрицательными побочными эффектами. Усилить зависимость и усугубить ее течение могут следующие факторы: исследования связывают этот стимулятор растительного происхождения с улучшением настроения, облегчением головных болей и, возможно, снижением риска других серьезных заболеваний, таких как инсульт, болезнь Паркинсона и болезнь Альцгеймера. Тем не менее, некоторые люди испытывают негативные последствия в результате чрезмерного употребления кофеина или с трудом справляются без кофеина. Очень редки случаи передозировки кофеина [2].

Проблема возникает, когда кофеин негативно влияет на жизнь и здоровье человека, но он не может перестать его употреблять или потребляет в количествах, которые потенциально опасны для здоровья, несмотря на то, что знает, что это может нанести психический или физический вред. Хотя зависимость от кофеина не является официально признанным состоянием в «Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам (DSM-5)», используемом клиницистами для классификации и диагностики проблем психи-

ческого здоровья, исследователи упоминают несколько проблем, связанных с кофеином: интоксикация и абстиненция. Кофеиновая интоксикация, кофеиновая абстиненция, кофеино-индуцированное тревожное расстройство и кофеино-индуцированное расстройство сна признаются в «DSM-5», а расстройство, связанное с употреблением кофеина, было определено как требующее дальнейшего изучения и профилактики, а также изучение, какое именно поведение обладает достаточными признаками деструктивности, чтобы считать его аддикцией [3].

Как кофеин может негативно повлиять на здоровье? Он оказывает различное воздействие на организм, потенциально вредное для здоровья. Были выявлены связи кофеина с повышенным кровяным давлением и изменениями сердечного ритма. Рассматривается также вопрос о том, может ли кофеин быть связан с увеличением риска развития остеопороза. Исследование показало, что это относится к женщинам с высоким потреблением кофеина в период менопаузы. Кофеин также может ухудшать здоровье, нарушая сон, если его употреблять за шесть часов до сна. Когда человек недосыпает, ему труднее эффективно функционировать в течение дня. Сон – это также время, когда тело отдыхает и исцеляется, что делает его важным для общего состояния здоровья и даже для иммунной системы [4].

Можно выделить симптомы кофеиновой зависимости. Поскольку кофеин является стимулятором, его чрезмерное употребление может вызвать ряд симптомов, связанных со стимуляцией мозга и нервной системы. Эти симптомы включают в себя головокружение, тремор, головную боль, повышенное кровяное давление, излишнюю нервозность, учащенное сердцебиение и другие нарушения сердечного ритма, а также проблемы со сном.

Этот тип зависимости может даже совпадать с зависимостью от работы, поскольку некоторые люди используют стимулирующее воздействие этого вещества, чтобы лучше выполнять свою работу умственно и/или физически. Как и в случае со всеми другими зависимостями, приятное воздействие кофеина может маскировать проблемы. Недостаток энергии и депрессия могут лежать в основе зависимости от кофеина. Многие люди полагаются на кофеин для ком-

пенсации нарушений сна и повышенной работоспособности, тем самым истощая организм.

Точно так же, как употребление слишком большого количества кофеина вызывает проблемы, может возникнуть проблема при внезапном исключении его из рациона. Этот эффект может быть особенно сильным у людей, зависящих от кофеина. Симптом, который чаще всего замечают люди, переживающие отказ от кофеина, – это головная боль, которая может варьироваться от легкой до очень сильной. Другие симптомы, связанные с попыткой сократить потребление кофеина или пропуском ежедневной «дозы»: чувство усталости или сонливости, снижение умственной активности, замедленная реакция, ухудшение производительности при выполнении умственных задач, нарушение памяти. Иногда люди, отказавшиеся от кофеина, испытывают такие симптомы, как тошнота и резкие изменения настроения [6].

При отказе от кофеина возникает головная боль, этот тип головной боли обычно умеренный, она имеет тенденцию располагаться по обеим сторонам головы и ухудшается при физической нагрузке. Боль обычно достигает пика через один или два дня без кофеина и может длиться от двух до девяти дней. Количество потребляемого кофеина не обязательно определяет, будет ли головная боль в случае отмены. Другие факторы также играют важную роль, например, как организм усваивает кофеин, как справляется без кофеина и т. д.

Кофеиновая зависимость может выглядеть и ощущаться как другие расстройства – стимулирующее действие кофеина может иногда вызывать физические симптомы и изменение поведения. Например, интоксикация кофеином вызывает симптомы, которые легко спутать с тревожными расстройствами, такими, как панические атаки, чрезмерное беспокойство и напряженность в связи с текущими делами или без особого повода; безосновательный страх за свою жизнь и жизнь близких людей; стресс, неспособность расслабиться; снижение работоспособности, трудности с концентрацией внимания; раздражительность.

Слишком много кофеина также может усугубить симптомы этих расстройств, усиливая чувство беспокойства, вызывая скачки идей (когда одна не-

законченная мысль сменяется другой, при этом мысли «перескакивают» одна с другой), учащая сердечные сокращения, препятствуя расслаблению и хорошему сну. У людей, чрезмерно стимулированных кофеином, также могут проявляться симптомы, характерные для синдрома дефицита внимания. И наоборот, синдром отмены кофеина имеет симптомы, схожие с расстройствами настроения. Другие проблемы со здоровьем, которые можно спутать с интоксикацией кофеином, включают: нарушения сна, мигрень и другие головные боли, побочные эффекты, вызванные приемом лекарств, такие как акатизия (неспособность оставаться на месте). Стимулирующие препараты часто содержат кофеин, и вероятность того, что синдром отмены кофеина связан с синдромом отмены этих препаратов, возрастает.

Зависимость включает в себя не только чрезмерное употребление кофеина, но и необходимость стимулятора, чтобы лучше справляться с жизнью, несмотря на любые негативные последствия. Чтобы выяснить, есть ли у вас кофеиновая зависимость, нужно: 1. Оценить потребление кофеина, подсчитать, сколько кофеина потребляется в обычный день; 2. Обратит внимание на самочувствие, записывать любые побочные эффекты, которые вы испытываете после употребления кофеина; 3. Обратит внимание как на психические, так и на физические симптомы, чтобы получить более полное представление о том, как потребление кофеина влияет на психосоматику; 4. Подумать, как кофеин влияет на все сферы жизни, на коммуникацию, на социальные отношения, на работу. Порочный круг зависимости часто такой же, как и в случае с другими веществами, вызывающими привыкание. По мере того, как действие кофеина начинает ослабевать, вы можете почувствовать упадок сил и не сможете продолжать без дополнительной «дозы». Поскольку прекращение потребления кофеина может резко ухудшить самочувствие, для большинства людей важно сокращать его постепенно, а не резко. Если потребление кофеина помогает справиться с эмоциональной проблемой, такой, как депрессия или беспокойство, необходимо обратиться к лечащему врачу и поговорить о вариантах лечения этих состояний. Правильное лечение может иметь огромное значение для вас.

Зависимость от кофеина часто совпадает с другими поведенческими и пищевыми зависимостями, такими, как зависимость от сахара. Таким образом, можно обнаружить, что оценка потребления кофеина выявляет и другие виды поведения, на которые необходимо обратить внимание. Если вы не чувствуете зависимости от кофеина, но потребляете больше, чем полезно для здоровья, вместо того чтобы резко сокращать потребление кофеина, попробуйте сократить его обычное потребление примерно на 10% каждые две недели. Один из способов сделать это – уменьшить крепость напитков с кофеином, разбавив их напитками без кофеина.

Регулярное употребление кофе вызывает физическую зависимость. Тем не менее, специалисты по химическим зависимостям не относят кофе к опасным для здоровья психоактивным веществам. Люди, привыкшие к кофе, обычно в состоянии отказаться от него, несмотря на неприятные последствия в виде вялости и несобранности.

Кофеиновая ломка (абстиненция) наступает примерно через полдня после последней дозы кофеина. Кофеин настолько плотно встраивается в работу нервной системы, что без него она перестает нормально функционировать. В итоге за регулярное употребление кофе приходится расплачиваться: фактически всё, что улучшается под действием кофеина, на фоне его отмены становится заметно хуже.

В отсутствие кофеина аденозин получает возможность связаться со всеми своими рецепторами, прежде занятыми кофеином. Сигналы, которые кофеин помогал игнорировать, внезапно обрушиваются на не подготовленную к такому напору систему. Всё сигнализирует о том, что наступает усталость и человеку необходимо срочно отдохнуть, отложив все дела. Нужно немало времени, чтобы перестроиться и вернуть к исходному состоянию настройки работы мозга, сбитые под действием кофеина [1]. Симптомы кофеиновой абстиненции практически повторяют положительные эффекты от кофеина, только с обратным знаком. Вместо приподнятого состояния человек «скатывается в энергетическую яму». Без привычной дозы кофеина он испытывает вялость, усталость,

слабость, заторможенность, сонливость, рассеянность, появляются сложности с концентрацией внимания, ощущение неудовлетворенности, раздражительность, подавленное настроение, неспособность ясно мыслить, головная боль.

Для тех, кто привык пить кофе, свойственно проявление своего рода философии, определенного менталитета, в котором кофе является образом жизни. Другими словами, употребление кофе – это способ актуализации философии жизни и невербальный коммуникативный акт идентичности. Как таковая, она влечет за собой сложные кодексы поведения, общительности и эстетической оценки, которые институционально поддерживаются и соблюдаются, а также субъективно усваиваются в процессе самодисциплины. Кроме того, считается, что потребление кофе содержит многочисленные социальные, культурные, чувственные, телесные и символические значения, с помощью которых повседневная потребность в потреблении кофе связаны с идентичностью и образом жизни. А значит, нет повода для беспокойства!

Библиографический список

1. Дубынин, В. Глицин и аденозин / В. Дубынин. – 2016.
2. Зайцева, О. Е. Должны потребители кофеинсодержащих напитков знать фармакокинетику кофеина? / О. Е. Зайцева // Медицинские науки. Фундаментальные исследования. – 2015. – № 1. – С. 946–951.
3. Калинин, А. Я. Кофеин – друг или враг? / А. Я. Калинин // Компетентность. – 2014. – № 9–10. – С. 43–51.
4. Bonnar, Daniel, Michael Gradisar. (2015). Caffeine and Sleep in Adolescents: A Systematic Review. *Journal of Caffeine Research*. 5, 105–114;
5. Hyra, DS (2017) *Race, Class, and Politics in the Cappuccino City, Chicago, IL: University of Chicago Press.*
6. João P. Lopes, Anna Pliássova, Rodrigo A. Cunha. (2019). The physiological effects of caffeine on synaptic transmission and plasticity in the mouse hippocampus selectively depend on adenosine A1 and A2A receptors. *Biochemical Pharmacology*. 166, 313–321;
7. Rath J and Gelmers W (2014) *Coffee in the city.*
8. Rath, J, Gelmers, W (2016) Trendy coffee shops and urban sociability. In: Mamadouh, V, Van Wageningen, A (eds) *Urban Europe: Fifty Tales of the City, Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 123–130.*

9. Zukin S, Kasinitz P and Chen X (eds) (2015) Global Cities, Local Streets: Everyday Diversity from New York to Shanghai. London: Routledge.

Макарова Е.А.,
д-р психол. наук, проф.,
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог;
Тищенко И.А.,
аспирант
ТИУиЭ, г. Таганрог

ТАТУ-АДДИКЦИЯ: МИФЫ И ФАКТЫ О «ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧЕРНИЛ»

Аннотация. Зависимость не всегда относится к употреблению психоактивных веществ или навязчивому поведению. Любое компульсивное поведение, даже не соответствующее диагностическим критериям официальной зависимости, может считаться зависимым поведением. Речь идет о множественных нанесениях татуировок на тело и лицо, некоторые авторы склонны относить такое поведение к самоповреждающему.

Ключевые слова: тату-аддикция, привыкание, эмоциональная замена, импульсивное поведение, самооценка.

Makarova E.A.,
Doctor of Psychology, Prof.,
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog;
Tishchenko I.A.,
postgraduate student
TMEI, Taganrog

TATTOO ADDICTION: MYTHS AND FACTS ABOUT "INK DEPENDENCE"

Annotation. Addiction does not always refer to substance use or compulsive behavior. Any compulsive behavior, even if it does not meet the diagnostic criteria for official addiction, can be considered addictive behavior. We are talking about multiple tattoos on the body and face; some authors tend to attribute this behavior to self-damaging one.

Key words: tattoo addiction, addiction, emotional substitution, impulsive behavior, self-esteem.

Хотя «тату-зависимость» не является медицинским диагнозом, у людей может развиваться компульсивное поведение, связанное с татуировкой. Как и другие поведенческие зависимости, теоретически «тату-зависимость» включает в себя навязчивые мысли и поведение, связанные с чрезмерным нанесением татуировок, независимо от желания сократить количество татуировок или согласованных усилий по прекращению. В таких случаях каждую новую татуировку сопровождает чувство раскаяния или сожаления. Татуировки вызывают привыкание? Вердикт о том, вызывают ли татуировки зависимость, все еще не вынесен. Хотя тату-аддикция не соответствует диагностическим критериям официальной зависимости, стремление сделать больше татуировок часто называют «зависимостью от чернил». Сам акт нанесения татуировки не считается аддиктивным поведением.

Зависимость сама по себе определяется как «неспособность прекратить употребление вещества или остановить поведение, даже если оно причиняет психологический и физический вред» [1]. Чувство сожаления, угрызения совести и другие эмоции часто следуют за нанесением татуировки, когда человек делает это импульсивно, а не из-за обдуманного желания сделать татуировку, особенно, если само нанесение татуировки или ее значение не соответствует личным убеждениям или ценностям. Например, татуировка ради татуировки может в конечном итоге привести к тому, что человек пожалеет о своем решении и пожелает избавиться от нее.

Татуировки насчитывают 4000 и более лет, о чем свидетельствуют мумии, извлеченные из древних пирамид [5]. Они напоминают о том, кто мы, откуда мы пришли и, возможно, даже о том, куда мы хотим идти в жизни. Выбор татуировки дает возможность изменить свою внешность в сторону чего-то более позитивного [6]. Это важно для повышения самооценки и самоуважения, и исследования показали, что те, кто выбрал татуировку с глубоким смыслом, означающую что-то важное и личное для данного человека, стали более уверен-

ными в себе, испытывают уважение к себе, что в конечном итоге улучшает общее самочувствие [2].

Но татуировки могут стать серьезной проблемой тогда, когда процесс нанесения татуировок больше невозможно контролировать. То есть, даже перед лицом того, что татуировки больше не нужны, человек продолжает делать их под влиянием импульса. Внутренний диалог может стать порочным спором, в котором всегда побеждает импульс. Несмотря на всю логику и разум, несмотря на личные и социальные последствия, нанесение татуировок продолжается [3]. Признаки того, что для человека нанесение татуировок становится зависимым поведением, включают, но не ограничиваются следующими: человек тратит слишком много денег на татуировки, испытывает трудности при попытках найти работу из-за проблем с непрофессиональным внешним видом, возможные последствия для здоровья (аллергические реакции, кожные инфекции, болезни, передающиеся через кровь), больше не находит смысла в татуировках на теле, но продолжает их наносить, имеет желание остановиться, даже делает попытки, но все равно продолжает наносить татуировки на свободные участки кожи, неудовлетворенность собственной внешностью, связанной с татуировками, низкая самооценка и другие последствия татуировки, долго обдумывает, планирует, прежде чем сделать татуировку, испытывает сильное побуждение сделать татуировку и абстиненцию, когда этого не происходит, желание нанести татуировки больше, чтобы страх испытать физическую боль, использование татуировки в качестве способа избежать насущных жизненных проблем, стремление постоянно делать татуировки и удалять их, несмотря на физические страдания или, возможно, благодаря им.

Хотя этот список ни в коем случае не является исчерпывающим, самое главное, что следует учитывать, это то, что если человек испытывает какие-либо негативные эмоции или побочные явления от татуировки, но продолжает увеличивать их количество, то, скорее всего, здесь присутствует проблема.

Есть много причин, по которым люди хотят наносить больше татуировок. Татуировка сама по себе является здоровым самовыражением личности, это пе-

ренос во внешний мир внутренних переживаний, состояний и эмоций. Существуют физиологические, эмоциональные и духовные причины, по которым люди решают нанести татуировку. Большинство людей тщательно обдумывают и долго решают, что они хотят увидеть на своем теле и почему, прежде чем принять окончательное решение, хотя эти причины у каждого человека свои и могут значительно различаться. Эти причины могут включать, помимо прочего, выброс адреналина и эндорфинов, тип боли, испытываемой при нанесении, эмоциональную приверженность, творческое самовыражение, духовную значимость и память о жизненных событиях и вехах.

Высвобождение адреналина является естественной реакцией организма на стресс в рамках реакции организма. При высвобождении в малых дозах он дает ощущение сверхчеловеческой силы, создавая впечатление, что человек находится на пике блаженства. Но слишком много его в конечном итоге токсично для организма. Характерные для татуировок предвкушение и боль, которую человек испытывает от иглы тату-мастера, часто приводят к приливу адреналина [8]. Этот естественный прилив может ощущаться так же, как от употребления наркотиков и других веществ, вызывающих удовольствие. Типичные ощущения, испытываемые во время выброса адреналина, включают учащенное сердцебиение, тревогу или чувство беспокойства, обострение чувств, человек чувствует себя сильнее. Учитывая уровень предвкушения любого первого опыта, те, кто делает татуировку впервые, как правило, испытывают наибольший прилив адреналина. Впоследствии люди продолжают искать этот стимул, что может быть причиной повторного нанесения татуировок. И это ощущение похоже на то, что человек испытывает с любым другим веществом или процессом, к которым легко развивается зависимость.

Эндорфины высвобождаются в процессе нанесения татуировки. Эндорфины – это естественные химические вещества, высвобождаемые, когда человек испытывает боль, занимается физическими упражнениями или тяжелым физическим трудом. Эти природные химические вещества обладают сильным действием и напоминают чувство, которое человек испытывает под воздейст-

вием опиатов и опиоидов, вызывающих сильное привыкание. Подобно приливу адреналина, эндорфины вызывают чувство эйфории и уменьшают боль, что побуждает продолжать делать татуировки. Многие могут испытать прилив адреналина во время сеанса татуировки с последующим выбросом эндорфинов, поскольку во время процесса татуировки возникает воспаление [7]. Учитывая, что эту комбинацию может быть трудно или даже невозможно воспроизвести без использования веществ, вызывающих злоупотребление, есть дополнительный стимул продолжать наносить новые татуировки. Этот временный выброс эндорфинов может также служить для маскировки физической и эмоциональной боли, которую человек испытывает постоянно. В этом случае эндорфины, высвобождаемые в процессе нанесения тату, обеспечивают физический и эмоциональный комфорт.

В то время как многим людям неприятно даже думать о боли, другим она нравится. Боль обычно сигнализирует, что тело человека находится в опасности. Как правило, когда человек чувствует боль, то делает все необходимое, чтобы облегчить ее. У других людей боль может быть подтверждением, что человек ещё жив. Рассмотрим случаи, когда у людей могут быть не диагностируемые расстройства психического здоровья, с этими расстройствами они борются эмоционально – впадают в оцепенение, если хотят избежать страданий. Учитывая мощное ощущение, создаваемое болью, можно найти временное облегчение страданий с помощью нанесения татуировки. Чувствовать боль для этих людей лучше, чем ничего не чувствовать; когда человек находится в эмоционально болезненном состоянии, то может ощущать физическую боль менее интенсивно. Боль от татуировки может также отвлекать от других физиологических хронических болей. Многие клиенты, которые утверждают, что пристрастились к татуировкам и другим модификациям тела, обнаруживают, что физическая боль от этих переживаний является значительной причиной, почему они приходят в тату-салон вновь и вновь. Вероятно, имеется в виду всплеск химических веществ в мозгу, которые организм естественным образом вырабаты-

вает, чтобы справиться с физической болью, что сравнимо со злоупотреблением психоактивными веществами.

Однако, есть те, кто воспринимает боль как символ силы. Социально, когда люди видят других с многочисленными татуировками, они знают, что этот человек пережил много болезненных ощущений под рукой тату-мастера. Соответственно, татуировки формируют образ сильного человека, который легко переносит боль.

Повторные нанесения татуировок на тело – это большое финансовое обязательство. Татуировки могут быть более или менее дорогими в зависимости от типа, опыта художника, качества чернил, условий тату-салона и др., а удаление татуировок часто стоит намного дороже. В этом отношении татуировку часто рассматривают как статусный символ богатства в некоторых культурах и субкультурах. Обычные покупки, если они делаются в рамках бюджета, не могут причинить вред, однако навязчивые покупки сверх имеющихся средств наносят вред финансам и являются признаком зависимости от покупок (шопинг-аддикции), так же и навязчивое нанесение татуировок подрывает финансы личности.

Несмотря на то, что в стратегиях удаления татуировок были достигнуты значительные успехи, люди, как правило, намерены сохранить свою татуировку на долгое время. То есть подобное намерение – это пожизненное обязательство. Хотя люди во многом похожи, их отличает то, что делает уникальными, как правило, чем больше человек выделяется, тем больше внимания он получает – как отрицательного, так и положительного. С намерением изменить себя в лучшую сторону эта эмоциональная приверженность может привести к повышению самооценки и обретению уверенности. Человек чувствует себя лучше, глядя в зеркало, и становится увереннее на публике. Однако, если татуировка нежелательна и нанесена под влиянием момента, импульсивно, то эмоциональный эффект может быть полностью противоположным, что напоминает последствия, аналогичные последствиям любой другой зависимости.

Нанесение изображений на свое тело – это творческое самовыражение, которое часто заставляет людей возвращаться к нему снова и снова. Несмотря на различия внешности, большинство людей имеют много общего, что вызывает желание индивидуализировать свою внешность. Татуировка позволяет использовать тело как палитру для выражения того, что кажется наиболее важным. Это может включать что угодно, от творческого выражения духовности, любви к природе, призвания и увлечений, любимых героев фильмов или спортивных команд до портретов семьи и друзей. Люди часто документируют свою жизненную борьбу и триумфы с помощью татуировок. Татуировки являются предметом разговора в социальных сетях, особенно когда у других есть татуировки для сравнения. Для тех, кто особенно заинтересован в творческом самовыражении, это постоянный символ, который всегда с ними. Многими можно легко поделиться, например, сделать татуировку на руке или носить одежду с короткими рукавами.

Когда мы говорим о психическом здоровье, то часто имеем в виду значение связи между разумом, телом и духом. Духовность может подразумевать или не подразумевать религию и может выражаться по-разному, но значение духовности нельзя недооценивать. Все, во что человек верит, глубоко укоренилось в его душе, влияя на жизненную позицию, на то, как он воспринимает мир и реагирует на него, как относится к другим людям и к миру в целом. Выражая свою духовность в татуировке, человек рассказывает всему миру, во что он верит, демонстрируя символы своей веры.

С психологической точки зрения подлинное самовыражение является одним из наиболее обогащающих способов максимизации жизненного потенциала. Учитывая вес духовности, самовыражение с помощью татуировки может помочь человеку почувствовать себя еще более целостным – не только в этой жизни, но и за ее пределами.

Отмечая важные жизненные события и вехи, многие наносят татуировки в память о знаковых событиях, татуировки используются в ознаменование важных жизненных вех. В то время как некоторые наносят минимум татуировок,

обозначив то, что считают наиболее важным, другие продолжают наносить татуировки, по сути, создавая визуальную хронологию основных жизненных событий. И эти жизненные события и вехи могут быть положительными или отрицательными, но настолько значительными, что хочется сохранить их навсегда. Общие причины, по которым люди делают татуировки в ознаменование важных жизненных событий и вех, могут включать, помимо прочего: обручение или женитьбу, рождение детей, память о значимых людях или домашних животных (как живых, так и умерших), окончание какого-то этапа жизни (школы, колледжа, университета), символ инициации (в вооруженных силах или других организациях), празднование победы (спортивной, интеллектуальной), получение повышения по службе, преодоление болезни, а также это может быть память о важных событиях не в жизни человека, а в жизни страны и мира (война, террористические акты и т. д.).

Каким бы ни было событие, татуировка служит постоянным напоминанием о его влиянии на жизнь человека. В этом отношении татуировки могут также служить для обозначения принадлежности к определенной группе, которая служит источником гордости.

После того, как татуировка нанесена, необходимо обратить внимание на эмоциональное состояние. Татуировки могут вызвать скрытые чувства, которые всплывут на поверхность не сразу, эффект проявляется через несколько недель. Зная обо всех возможных побочных эффектах татуировок – физических, эмоциональных или психологических – человек пойдет в тату-салон, чувствуя себя более подготовленным. А так как речь идет о нанесении постоянного рисунка на тело, это никогда не бывает лишним. Зависимость – это серьезное психическое отклонение, но если подобная зависимость нравится человеку и безопасна, то нет ничего болезненного в нанесении большого числа татуировок. Но когда опыт становится чем-то нежелательным и неприятным настолько, что начинает влиять на умственные, физические, духовные или социальные аспекты жизни личности, возможно, пришло время задуматься и рассмотреть истинную причину, лежащую в основе предполагаемой необходимости продолжать наносить

татуировки. В этих случаях вполне вероятно, что происходит что-то гораздо более глубокое, что может быть устранено только с помощью терапии. Независимо от того, существует «тату-зависимость» или нет, ясно, что при определенных обстоятельствах она может быть проблематичной.

Библиографический список

1. Бекетова, Е. С. (2016) Выявление личностной проблематики субъекта средствами глубинно-психологического анализа татуировок / Е. С. Бекетова // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 10–15.
2. Воробьева, Е. С. О чем рассказывает татуированное тело: гендерный аспект в опыте визуальной социологии / Е. С. Воробьева // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2018. – Т. 10. – № 16. – С. 70–80. DOI: 10.19181/inter.2018.16.6.
3. Новгородова, Е. Ф. Особенности субъективного благополучия обладателей татуировок / Е. Ф. Новгородова // Молодой ученый. 2017. – № 15 (149). – С. 536–540. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42078/>
4. Федорова, А. А., Жукова, К. В. (2020) Личностные особенности лиц юношеского возраста, имеющих татуировки / А. А. Федорова, К. В. Жукова // Молодой ученый. – 2020. – № 2. – С. 220–223. – URL: <https://moluch.ru/archive/292/66252/>.
5. McGill. (2017). What is the history of tattoos? – Режим доступа: <https://www.mcgill.ca/oss/article/history-you-asked/what-history-tattoos>
6. Mee Mun, J., Janigo, K. A., & Johnson, K. K. P. (2012). Tattoo and the self. Sage Journals, 30, 2. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0887302X12449200>
7. Preston, D. (2018). According to science these are the reasons why people get tattooed. <https://www.inkedmag.com/tattoo-artists/according-to-science-these-are-the-reasons-why-people-get-tattooed>
8. Swami, V. (2011). Marked for life? A prospective study of tattoos on appearance anxiety and dissatisfaction, perceptions of uniqueness, and self-esteem. Body Image, 8, 3, pp. 237–244. <https://www.researchgate.net/publication/51192181>

Потапова А.А.,
аспирант
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»
г. Таганрог

СЕЛФХАРМ КАК ФОРМА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье дана характеристика самоповреждающего поведения, его виды, формы, причины и механизмы возникновения.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, психологическая помощь, профилактика.

Potapova A.A.,
postgraduate student
CHOU VO "Taganrog Institute of Management and Economics"
Taganrog

SELFHARM AS ADOLESCENTS' ADDICTIVE BEHAVIOR FORM

Annotation. The article describes self-injurious behavior, its types, forms, causes and mechanisms of occurrence. The main directions of preventive work of self-injurious behavior are considered.

Key words: self-harming behavior, psychological help, prevention.

Довольно часто в последнее время в практической работе психолога приходится встречаться с проблемой самоповреждающего поведения подростков или, другими словами, селфхармом. Под селфхармом в научной литературе понимают действия агрессивного характера, которые направлены на сознательное нанесение физического ущерба своему телу, имеющего малую вероятность летального исхода. Самоповреждающее поведение часто становится зависимостью у подростков. И в подростковой среде такое поведение не является новым, но вызывает страх у родителей и педагогов. К сожалению, исследований, которые изучают данную проблематику и объясняют сущность и механизмы селфхарма подростка, крайне мало. Если и проводятся исследования в этом направлении, то они чаще всего клинического характера. Проблема самоповреждения рассмотрена в научных трудах Польской Н. А., Холмогорова А. Б., Чуева Е. Н. и др. Поведение, направленное на физическое повреждение тканей и органов

собственного тела, рассматривалось в работах зарубежных психиатров Меннингера К. О. и Фавацца А. и др. Исследователи отмечали, что самоповреждение является нарушением психического развития. В результате появилось много неверных толкований и, как следствие, неэффективных форм оказания помощи при столкновении с подобными симптомами.

Важно отметить, что подростковый возраст является наиболее уязвимым периодом развития с точки зрения деструктивных эмоций, мыслей и поступков. Изменения психологического и физического характера, которые происходят с подростком в это время, могут стать источником нарушений поведения, а аддиктивное поведение является способом информирования окружающих о внутреннем неблагополучии. Данное поведение связано с разными формами саморазрушения: подростки совершают рискованные действия, направленные на поиск новых ощущений, самоповреждения и суицидальные акты. И такое поведение, соответственно, наносит ущерб физическому и психическому здоровью подростка и представляет угрозу для развития личности. Самоповреждающее поведение производится подростками для того, чтобы снизить или справиться с психологическим дистрессом. К селфхарму относят порезы, ожоги, другие повреждения тела, однако оно не включает в себя суицидального содержания. «Самоповреждающее поведение, – пишет Н. А. Польская, – понятие, охватывающее широкий круг действий, связанных с намеренным физическим повреждением собственного тела. Эти действия могут управляться как патологически, так и непатологическими механизмами, выступать в качестве симптома или следствия, быть частью культурных и социальных церемоний, участвовать в идентификационных процессах, связанных с возрастом, гендером, социальным и культурным окружением» [6]. Структуру селфхарма можно рассмотреть через совокупность следующих факторов: половозрастные (пол, возраст); социальные (социальное неблагополучие, неформальная субкультурная идентификация, школьный буллинг); когнитивно-эмоциональные (эмоциональный интеллект, копинг-стратегии, алекситимия, временная перспектива); личностные (я-концепция, враждебность, тревожность, нейротизм). Основные социальные

факторы, запускающие селфхарм, – это эмоциональное или физическое насилие; семейная враждебность и частая критика со стороны родителей; смерть или развод в семье; одиночество и проблемы в семье; проблемы во взаимоотношениях со сверстниками, буллинг. Проблема осложняется также недостаточным умением подростков выражать эмоции, агрессией, склонностью к подавлению негативных чувств и мыслей.

Выделяют факторы, увеличивающие риск селфхарма: а) асоциальные семейные отношения, в которых имеет место физическое и сексуальное насилие, враждебность и постоянная критика родителей; б) провоцирующее поведение сверстников. Частая причина самоповреждений у подростков – моббинг и буллинг, ссоры со сверстниками, положение «изгоя» в классе; в) дезадаптивные личностные черты подростка. Важным психологическим фактором является недостаточное понимание своих эмоций, неумение их выражать, склонность подавлять негативные мысли, чувства. Дополнительными характеристиками оказываются низкая стрессоустойчивость, импульсивность, сниженный самоконтроль; г) психические расстройства; д) макросоциальные проблемы. Резкое ухудшение условий жизни оказывается источником тяжелого эмоционального стресса.

В настоящее время выделяют следующие виды и формы поведения, которое направлено на причинение вреда своему телу. К ним можно отнести нарушения пищевого поведения (анорексия и булимия); нанесение татуировок, пирсинга с целью испытать боль; порезы себя острыми предметами (лезвием); нанесение ссадин и царапин на кожу; расчесывание ран, язв; перфорирование частей тела, с целью помещения в отверстие инородных предметов; уколы (булавками, гвоздями, проволокой, пером ручки и др.); нанесение ожогов (тушение сигарет и других горящих предметов о свою кожу); причинение боли с помощью ударов, ушибов руками и разными предметами.

Хотелось бы отметить, что селфхарм встречается в разных возрастных и социальных группах населения. Объединяет всех одно – неумение говорить о своих чувствах и переживаниях, а возможно, нежелание делать это из-за боязни

быть непонятыми. Именно поэтому самоповреждающее поведение достаточно долго скрывается от окружающих и носит повторяющийся характер. Ответ на вопрос: «Почему же пациенты сознательно наносят себе повреждения?», в своем труде о самоповреждениях «Осажденные тела» дает А. Фавацца. Ученый пишет: «Потому что это приносит временное облегчение при множестве симптомов, например, при тревожности, деперсонализации и отчаянии... Тот, кто наносит себе порезы, в сущности, производит своего рода примитивную хирургию на себе, завершающуюся материальным доказательством исцеления» [8]. Самоповреждающее поведение, по мнению А. Фавацца, является нарушением волевого контроля. Вырабатывается определенный синдром, благодаря которому акты самоповреждения становятся повторяющимися ответами на беспокоящие психологические симптомы или события окружающего мира. Селфхарм можно рассмотреть как болезненные формы самопомощи, дающие быстрое, но временное облегчение при причиняющих страдания состояниях, таких, как нарастающая тревожность, навязчивые мысли и сильные, но неустойчивые эмоции. Высокий процент самоповреждающего поведения отмечается в подростково-юношеском возрасте от 12 до 17 лет. Проявление данного типа поведения в подростковой среде специалисты объясняют спецификой взросления подростков, обусловленной интенсивным развитием и влиянием информационно-коммуникативных технологий, усилением социального интереса к формам рискованного поведения.

В результате проведенного анализа Н. А. Польская выделила четыре стратегии самоповреждающего поведения [7]: 1) восстановление контроля над эмоциями – попытка справиться с эмоциями, облегчить боль, почувствовать; 2) избавление от напряжения – самоповреждающее поведение направлено на снижение интенсивности, силы эмоций; 3) воздействие на других – привлечение внимания и получение поддержки от окружающих, попытка донести до них наличие проблемы, выплеснуть эмоции наружу; 4) изменение себя, поиск нового опыта – самоповреждающее поведение направлено на изменение идентичности, самовыражение, получение новых ощущений.

Большинство из приведенных выше причин связаны, в той или иной степени, с контролем над своими чувствами, эмоциями, эмоциональными реакциями, которые возникают внутри подростка в моменты, когда он чувствует себя непривлекательным, никому не нужным и беспомощным. Ощущение ненужности и покинутости порождает чувство вины, социальную изоляцию и, как следствие, ощущение острой душевной боли. Именно острое желание избавиться от этой боли толкает к самоповреждению. Переключение с психологической боли на физическую дает лишь временное душевное облегчение, но усиливает чувство вины и социальную тревогу. Важно понимать, что селфхарм работает по кругу: происходит ситуация, возникает негативная мысль, которая вызывает негативные эмоции, эмоции нарастают, подросток причиняет себе повреждение, которое дает временное облегчение, но, так как проблема не разрешилась, негативные мысли остались, то подросток попадает в «ловушку селфхарма». Пример из коррекционно-терапевтической работы с подростком (девочка 15 лет, наносит порезы в области бедер): «Родители меня не слышат, они не хотят считаться с моим мнением, особенно папа, он считает, что всегда прав. Что я должна посещать секцию, которая мне не нравится. Я злюсь на папу и за это ненавижу себя, так как знаю, что на папу злиться нельзя, это плохо. Но выхода я не вижу, у меня такая агрессия, с которой я не могу справиться, нанесение порезов помогает «выпускать пар». Для родителей наиболее типичной реакцией является испуг и некая потерянности, а при повторных актах – раздражение и стыд, а порой равнодушие и ненависть к своим детям. Для учителей характерны негативные эмоции на сам момент повреждения. Как правило, данная реакция вызвана чувством страха и тревоги, которая связана с ответственностью за жизнь подростка и беспомощностью. непонимание механизмов поведения подростка и нежелание понять, зачем он это делает, приводит к сравнению с асоциальным, криминальным поведением и, как следствие, к отвержению, гневу и отказу в сочувствии.

Самую большую трудность на сегодняшний день представляет профилактическая работа с подростками, которые склонны к селфхарму. В коррекцион-

но-терапевтической работе с такими детьми психолог должен понять цель и мотив поведения и что это поведение подкрепляет. Немаловажную роль при коррекции такого поведения играет семейная терапия. Данная форма психологической помощи предполагает, что в основе аддиктивного поведения лежат неадаптивные копинг-стратегии, сформированные под воздействием ряда факторов: семейных конфликтов, эмоциональных разногласий в семье, насилия, разрушающих связь между ребенком и родителями. Целью коррекционно-терапевтической работы является разрешение внутрисемейных конфликтов, восстановление доверительных отношений между подростком и родителями, при которых родители оказываются вновь включены в его жизнь. Работа по программе профилактики селфхарма должна быть системной, учитывать влияние и взаимодействие социальных, возрастных и психологических факторов.

Библиографический список

1. Банников, Г. С., Федунина Н. Ю., Павлова Т. С., Вихристюк О. В., Летова А. В., Баженова М. Д. Ведущие механизмы самоповреждающего поведения у подростков: по материалам мониторинга в образовательных организациях / Г. С. Банников, Н. Ю. Федунина, Т. С. Павлова, О. В. Вихристюк, А. В. Летова, М. Д. Баженова // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 3. – С. 42–68.
2. Зайченко, А. А. Самоповреждающее поведение / А. А. Зайченко // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, Казанский государственный университет, 22–23 ноября 2007 года. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2007. – С. 381–386.
3. Змановская, Е. В. Девиантология [Психология отклоняющегося поведения]: учебное пособие. – Саратов: Издательский дом «Академия», 2003. – 288 с.
4. Меннингер, К. Война с самим собой: пер. с англ. – М.: ЭКСМО Пресс, 2000. – 480 с.
5. Мэрили Стронг. Ярко-красный крик. Самоповреждение и язык боли [Электронный ресурс] – URL: <http://self-injury.at.ua/publ/2-1-0-6>.
6. Польская, Н. А. Модели коррекции и профилактики самоповреждающего поведения / Н. А. Польская // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 3. – С. 110–125.

7. Польская, Н. А. Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) / Н. А. Польская // Психологический журнал. – 2009. – № 30 (1). – С. 96–105.
8. Фавацца, А. Предисловие к книге Мэрили Стронг «Ярко-красный крик» [Электронный ресурс]. – URL: <http://self-injury.at.ua/publ/2-1-0-4>.

Скуднова Т. Д.,
доктор философских наук,
канд. педагогических наук, доцент
профессор кафедры психологии;
Бех Е. В.,
студентка 2 курса ФПиСП
ТИ имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)
г. Таганрог, Россия

СКЛОННОСТЬ К ФАНАТИЗМУ КАК ФОРМА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье обсуждается проблема аддиктивного поведения молодежи как результат невротизации личности, порождающей склонность к фанатизму. Проведен анализ причин возникновения фанатизма как формы аддикции в среде подростков. Сделан вывод, что возникновение фанатизма связано со стремлением человека избежать чувство одиночества, кризиса идентичности.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, невротизм, фанатизм, кризис, миметическая идентификация, догматизация, экзальтация.

Skudnova T. D.,
doctor of philosophical science,
cand. Pedagogical Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Psychology;
Bekh E. V.,
2nd year student of the Faculty of Psychology and Social Pedagogy
Taganrog Institute named
A.P. Chekhov (branch)
"RSEU (RINH)",
Taganrog, Russia

TENDENCY TO FANATICISM IN ART AS AN ATTEMPT TO SOLVE THE IDENTITY CRISIS

Annotation. The article discusses the problem of addictive behavior of young people as a result of neuroticism of the individual, which generates a tendency to fa-

naticism. An analysis of the causes of fanaticism as a form of addiction among adolescents is carried out. It is concluded that the rise of fanaticism is associated with the desire of a person to avoid a sense of loneliness, an identity crisis.

Key words: addictive behavior, neuroticism, fanaticism, crisis, mimetic identification, dogmatization, exaltation.

Современный ритм жизни людей достигает настолько высокой скорости, что в большинстве случаев энергии и времени у человека не хватает, чтобы обработать потоки информации, поступающие извне. Последние несколько лет оказались по-настоящему стрессогенными для людей. Результатом таких тяжелых времен становится стремительное развитие различных неврозов и невротических состояний, что негативно сказывается на психике, является некомфортным для человека и, соответственно, у него возникает стремление как можно быстрее снять весь стресс, который накопился.

Актуальность статьи заключается в том, что в настоящее время обострилась проблема аддиктивного поведения молодежи как результат невротизации личности, порождающей склонность к фанатизму. Известно, что наиболее популярными «лекарствами от грусти» являются алкоголь, курение и наркотические вещества. Этим зависимостям не уступают шопоголизм, пищевая зависимость, игровая и другие виды аддикции. В большинстве случаев такие формы аддиктивного поведения свойственны взрослым людям. Возникает вопрос, как же справляются с невротическим состоянием, например, подростки, для которых стрессы, экзамены, внутренние и внешние конфликты сопровождают процесс взросления. Очевидно, что для них скорее будет свойственен фанатизм, особенно фанатизм в сфере искусства, так как здесь подросток может найти для себя наиболее близких и понятных кумиров.

Цель статьи – проанализировать причины возникновения фанатизма как формы аддикции в среде подростков.

Существует множество определений фанатизма, под которым мы понимаем психосоциальный феномен, основанный на существовании в сознании человека особой веры, направленной на определенный объект. Чаще всего его рассматривают как страстную, нетерпимую, крайнюю приверженность лично-

сти к определенным представлениям и убеждениям, определяющую ее активность и оценочное отношение к миру. В основе фанатизма лежит феномен «Я-концепции» – образ, включающий в себя систему представлений личности о себе. Фанатизм можно рассматривать как попытку идентификации себя со значимым объектом, стремление избежать одиночества. Феномен идентификации, лежащий в основе принятия образа кумира фанатом, основан на осознанном, а, чаще всего, бессознательном уподоблении кумира самому себе.

В Большой советской энциклопедии дается следующее определение фанатизма: «Фанатизм – доведённая до крайней степени приверженность к каким-либо верованиям или воззрениям, нетерпимость к любым другим взглядам» [2]. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон в своем словаре проводят этимологический анализ и приходят к выводу, что понятие фанатизм (*fanaticus* в связи с *fanum* – священное место, храм) имело в латинском языке значение, сходное с тем, какое принадлежит словам святоша, ханжа, а затем значило исступленный, изуверный, сумасбродный, яростный, иногда вдохновенный (*carmen fanaticum*). Андре Конт-Спонвиль пишет: «Фанатизм – это опасная любовь к истине» [14]. Исходя из этих определений, можно с легкостью проследить религиозный мотив, который возникает у фанатиков. И именно религиозный фанатизм являлся наиболее часто встречающимся в истории. Однако в настоящее время распространение получил фанатизм в сфере искусства.

Кто же является фанатиком? Исследователи пришли к выводу о том, что фанатичному поведению подвержены люди со слабой, неустойчивой психикой и чаще всего, как мы уже упоминали, подростки.

О фанатичном поведении свидетельствуют следующие признаки:

1. Догматизация – процесс превращения в догмы убеждений, установок, идей, признаваемых субъектом истинными. Догматичное сознание фаната признает своего кумира Высшей Истиной, Ценностью, Реальностью.

2. Выработка стереотипа подчинения собственных интересов и устремлений интересам кумира. Увлечение занимает все «пространство» человека и его собственные интересы спускаются на ступень ниже интересов кумира.

3. Повышенная личностная тревожность. Аффективные реакции имеют большую силу и могут привести к застреванию в них.

4. Действия по психологическим законам групп фанатов. Стремление фаната соответствовать правилам и законам, установленным внутри данных социальных групп.

5. Неспособность критично отнестись к высказываниям и поведению кумира. Фанатом признается лишь одна истина, не подлежащая никакому оспариванию.

6. Ограниченный круг общения. Особенность общения фанатов в стремлении взаимодействовать с максимально похожими индивидами. Г. Салливен называет эту стадию развития потребности в общении, возникающую в подростковом возрасте, изофилической [9].

7. Экзальтация – состояние повышенного возбуждения при всем, что связано с кумиром.

Обратимся к анализу причин возникновения фанатичного поведения. Индивид, развиваясь, превращается в индивидуальность. Возникает понимание автономности и отделенности от окружающего мира. Появляется необходимость ответа на вопросы: «Кто я?», «Какой я?», «В чем смысл моей жизни?». Эти процессы происходят в подростковом возрасте, что усложняет их протекание и пробуждает механизм «бегства». Представители психоанализа, подробно изучив эти вопросы, разработали теории, объясняющие сложность протекания процессов самоопределения.

Эрих Фромм в своей работе «Бегство от свободы» пишет о том, что единственный продуктивный путь борьбы с чувством одиночества – это путь связей с людьми и природой, которые соединяют человека с миром, не уничтожая его индивидуальности. Их наивысшими проявлениями являются любовь и творческий труд, они не ограничивают развитие личности, наоборот способствуют ему, доводя до максимально возможных пределов [12]. Действительно, поведение фанатов схоже с состоянием влюбленности, когда человек полностью сосредоточен на объекте и субъекте эмоционального переживания и игнорирует любые

иные стороны жизнедеятельности. Причастность к группе таких же фанатов уберегает от чувства одиночества, создавая ощущение единства. Человек может развивать свои творческие способности, подражая кумиру и находя при этом одобрение со стороны других фанатов. Таким образом, формируется еще и чувство безопасности, которое также является базовой потребностью каждого человека. Долгое нахождение в такой ситуации постепенно формирует зависимость, выход из этого комфортного кокона оказывается достаточно болезненным для подростка.

Фанатизм, как было отмечено выше, рассматривают как попытку идентификации себя со значимым объектом, что помогает избежать одиночества. Этот феномен подробно изучал Зигмунд Фрейд. Он выделил два вида идентификации: эротическую и миметическую. Для фанатов свойственен именно второй вид. Миметическая идентификация – это отождествление себя с людьми, на которых равняется индивид [11]. Стоит упомянуть, что данный феномен является защитным механизмом, соответственно находится на бессознательном уровне и остается не осознаваемым для субъекта. Со временем это приводит к формированию у человека сильнейшей эмоциональной привязанности к выбранному объекту или группе объектов, возникает ощущение единства с ними, и он «вбирает» не только черты характера, но и ценности, установки и образцы поведения кумира, что и приводит к возникновению зависимости.

Эрик Эриксон видит причину возникновения фанатического поведения в попытке избежать кризиса идентичности. В своей работе «Идентичность: юность и кризис» психоаналитик дает следующее определение идентичности: «Субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» [15]. Таким образом, идентичность понимается им как осознание человеком своего «Я», своих возможностей и потенциалов, то есть тождественность самому себе. Здесь мы видим разницу между идентичностью и идентификацией. Эрик Эриксон пишет, что с точки зрения психологии формирование идентичности предполагает процесс отражения и наблюдения, процесс, оценивания себя так, как бы оценивали другие в сравнении с собой и в рамках значимой типологии. Этот

процесс в юности обычно претерпевает кризис и этому способствуют несколько причин.

Первая причина – это период перехода от юности к взрослости, провозглашающий смену поколений. Главную проблему здесь Эриксон видит в отсутствии сильных идеалов. По мнению психолога, взрослое поколение не создает для молодых людей опору, на которую они могли бы ориентироваться или хотя бы оспаривать ее.

Вторая причина – столкновение индивидуальной и общественной культур. Эрик Эриксон подчеркивает, что «кризис идентичности» отдельного человека нельзя отделять от современных ему исторических кризисов. Неопределённость в окружающем человека мире создает неопределенность и внутри него. Следовательно, возникают потребность «убежать», избавиться от этого ощущения. И здесь спасение можно найти в «идеальном» образе кумира. Стремление быть причастным к искусственно созданному идеалу создает иллюзию безопасности и комфорта. Возникает зависимость, которая оттесняет ощущение кризиса. Эриксон утверждает, что идентичность является своего рода эпицентром жизненного цикла каждого человека. Она оформляется в качестве психологического конструкта в подростковом возрасте, и от ее качественных характеристик зависит функциональность личности во взрослой самостоятельной жизни. Идентичность – это важнейшая характеристика целостности, самостоятельности и зрелости личности, это тождественность самому себе. Быть идентичным, по Э. Эриксону, значит переживать хронологию своей жизни как единое целое.

Проблему идентичности также изучал немецкий психотерапевт, основатель позитивной психотерапии Носсрат Пезешкиан. Для него это понятие является синонимом «единства». Он рассматривает человека с точки зрения модели «Я» («Я», «Ты», «Мы», «Пра-Мы»). Когда личность человека незрелая, несостоявшаяся мы имеем дело с наличием «Я». В таком случае будет нарушена гармоничность протекания жизни, и для получения «целостного Я» индивид

начнет поиски себя вовне [1]. Этот процесс может стать причиной возникновения фанатичного зависимого поведения.

Таким образом, возникновение фанатизма связано со стремлением человека избежать чувство одиночества, кризиса идентичности. Причастность к тому, что делает кумир, взаимодействие с людьми со схожими интересами закрывают базовые потребности человека. Со временем такой комфорт может начать носить патологический характер, что будет приводить к асоциальному, зависимому поведению. Как и любая другая зависимость, фанатизм действует деструктивно на личность человека, иногда приводя к непоправимым последствиям как для самого фаната, так и для его кумира.

Библиографический список

1. Peseschkian N., Lexikon der Positiven Psychotherapie. – FISCHER Taschenbuch, 2009.
2. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
3. Варегина, О. А. Признаки музыкального фанатизма личности / О. А. Варегина // Вестник Университета: теоретический и научно-методический журнал / ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». – 2010. – № 5.
4. Гончаров, М. А., Кириллов, И. О., Фролов, П. А. (пер.) Операционализованный Психодинамическая Диагностика (ОПД-2). Руководство по диагностике и планированию терапии / М. А. Гончаров, И. О. Кириллов, П. А. Фролов. – М.: Академический проект; Культура, 2011.
5. Ким, В. В. Фанатизм между верой и разумом: в 2-х ч. / В. В. Ким. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 1 (27). – Ч. II. – С. 100–104.
6. Кириллов, И. О., Алборова, Е. С. Эмоциональная зрелость / И. О. Кириллов, Е. С. Алборова // Психотерапия: ежемесячный рецензируемый научно-практический журнал. – № 2. – С. 6–10.
7. Кириллов, И. О. Базовый курс позитивной психодинамической психотерапии / И. О. Кириллов. – Рига, Megapressgroup, 2007.
8. Пезешкиан, Х. Основы позитивной психотерапии / Х. Пезешкиан. – Архангельск: Изд-во АГМИ, 1993. – 116 с.
9. Салливан, Г. С. Интерперсональная теория психиатрии: пер. с англ. / Г. С. Салливан. – СПб., 1999. – 347 с.

10. Тимофеева, В. Ю. Склонность к фанатизму как попытка решения конфликта идентичности URL: <http://www.positum-russia.ru> URL:<http://vtimofeeva.ru/-publikacii/sklonnost-k-fanatizmu-kak-popytka-resheniya-konfliktaidenticnosti.-html>.
11. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я / З. Фрейд. – Москва, 2016.
12. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм: пер. с англ. Г.Ф. Швейника: общ. ред. П.С. Гуревича – М., 1990.
13. Шмидт, О. Ю. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М.: Аколла, 1926.
14. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: монография / Л. Б. Шнейдер. – М.: МОСУ, 2001.
15. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис/ общ. ред. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М.: Флита: МПСИ: Прогресс, 2006.

Странцов А.Н.,
МАУ ДО «ДДТ»
г. Таганрог

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП НА ФОРМИРОВАНИЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В статье рассмотрено влияние среды молодежных социальных групп на становление аддикций у подростков, валидно определена степень негативного воздействия, приведена примерная схема формирования аддикции в группах, описаны действительные аддиктивные мотивации индивида в возрасте от 13-ти до 17-ти лет и даны реальные примеры аддиктивного поведения современных подростков и юношей.

Ключевые слова: ролевая модель, группа, адаптация, стойкая зависимость, аддиктивный агент, сфера интересов.

Strantsov A.N.,
«House of children's art»,
Taganrog

THE INFLUENCE OF YOUNGSTER UNFORMAL GROUPS ON ADDICTIVE YOUNGSTER BEHAVIOUR FORMING IN MODERN SOCIETY

Annotation. In the article is described the influence of youngster social groups environment on youngster addictions, the degree of negative influence is determined, the scheme of addiction forming is given, real addictive motivations of person at the age of 13–17 y.o. are described and real examples of youngster addictive behavior are given.

Key words: role model, group, adaptation, persistent addiction, addictive agent, sphere of interests.

*«Люди – единственное зеркало, в котором мы себя видим.
Область всех значений. Все добродетели и все пороки – в людях».
Американская писательница Лоис Макмастер Буджолд, XX век*

Настоящая статья ставит своей целью исследовать проблему зависимости в среде подрастающего поколения – индивидов и состоящих из них социальных групп современной молодежи Российской Федерации в возрасте от 13-ти до 17-ти лет.

В современной молодежной социальной среде, состоящей из свободных от всех обязанностей, не связанных моральными нормами личностей либерального толка, остро стоит проблема аддикций «addiction» (англ.) – зависимости подростков-мальчиков, подростков-девочек, юношей и девушек, которая носит фармакологический и нефармакологический характер. Эта своего рода форма добровольного рабства, часто выступающая причиной личных катастроф подростков и психических заболеваний юношей. Уровень физического здоровья подростков последние 32 года сильно упал. Так, на территории Ростовской области РФ на октябрь 2022 года проживает около 793076 несовершеннолетних. У 23 % из числа этих подростков выявлены заболевания нервной системы, то есть из каждой 1000 индивидов нервными болезнями страдают 152 человека. Автор в своих работах еще в 2019 году предвидел и предупреждал высокую вероятность подробного развития событий. Причины этого явления следует искать в негативных процессах, имеющих постоянно действующий, пролонгированный характер. Они вызвали никем (старшие возрастные группы) и ничем (правоохранительные органы, церковь, общественные организации, политические партии) не контролируемое включение значительной части подростков в аддиктивное поведение, их переключение с превалирующей аддикции на более

тяжелую доминирующую ее форму. Именно так значительное количество «*homo sine ira et studio*» – людей средних, обычных старшеклассников – превратилось в аддиктов, страдающих зависимостью от ПАВ.

Автор указывает, что решающим фактором аддиктивного поведения во второй четверти XXI века в социальной среде несовершеннолетних является материальная возможность оплатить само приобретение аддиктивного агента. Например, в социальной среде неформальных молодежных групп (далее МНГ – А.С.) начинающий наркоман может с быстротой и необычайной легкостью – «легче, чем купить пирожное», приобрести все ПАВ которые можно колоть, жевать, вдыхать, глотать, нюхать или втирать в кожу: опиаты, барбитураты, мескалин, морфин, дезоморфин, психоделитики, стимуляторы – амфетамин, кодеин, эфедрин. Особенно быстро формируется аддикция несовершеннолетних (МГМА «Адам» и МГМЕ «Ева») от смеси стимуляторов и эйфоритиков т.н. «порошка», ЛСД, таблеток экстази, псилобицина, атропина, мефедрона, стафоломена, а также употребления псилобициновых грибов, дающих аддикту яркость галлюцинаций со всеми звуковыми и чувственными эффектами.

Сейчас вовлечение подростков в наркотизацию происходит прежде всего путем воздействия на их сознание групповых ожиданий «внутри» МНГ, а также рекламы ПАВ и пропаганды их применения в песнях Моргенштерна и Инста-самки, где молодежь открыто призывается к приему наркотиков, достижению половой свободы, тотальному поклонению силе денег. Именно в среде МНГ подростки вовлекаются в аддиктивное поведение, выражающееся в потреблении психотропных препаратов, химическим способом, вводящим подростка-аддикта в измененное состояние сознания с целью достижения эйфории. Причинами массового «бегства от реальности» в поисках безмятежных, эйфорических ощущений является появление двух возрастных генераций новой молодежной психопопуляции с высоким уровнем невежества, без творческих возможностей, антиальтруистичной мотивации, не желающих жить упорядоченной жизнью, с действиями и поступками, не адекватными обстоятельствам, в которые включены их представители. По мнению же самих подростков, опро-

шенных автором, причинами аддиктивного поведения выступают «серость и монотонность обыденной жизни», «пример, подаваемый сверстниками», «острое желание уйти из-под власти взрослых, освободиться от их дисциплинарного давления», «навязчивая пропаганда алкоголя» , «надежный и повторяемый приход».

Таким образом, общей тенденцией развития современного подрастающего поколения, облегчающей переход к аддиктивному поведению, выступает состояние экзистенциального вакуума, слабость волевых процессов, чрезвычайно низкий культурный и недостаточный образовательный уровень. Когда юный индивид практикует аддиктивное поведение, ему становится доступным восприятие аддикта как личной сверхценности, многократно повторяющейся эйфории в сочетании со стойкой зависимостью от препарата. Легкие наркотики каннабиноиды («ганжа») снижают порог страха индивидов перед употреблением тяжелых наркотиков. Они формируют обсессивное влечение, с их помощью подросток достигает психического комфорта – «отъезжает» в состояние интоксикации. Однако, даже от приема каннабиноида деградирует головной мозг, сужается круг интересов, а подросток – становится лакеем – «camerieri» – (итал.) «косяка». У юного индивида аддиктивное состояние базируется на негативных оценках его поступков потому, что такой развращенный подросток испытывает болезненное состояние противодействия реальности, а зачастую и частичное игнорирование ее. Для него регулярно повторяющееся состояние эйфории приводит к уходу от испытаний окружающей реальности, и это выступает ключевым фактором индивидуального аддиктивного поведения. По мнению автора, решающее значение в процессе алкоголизации, наркотизации подрастающего поколения играет вовлечение индивида в функционирование, постоянное участие в МНГ таких, как дворовые компании и подростковые шайки.

Членство в МНГ, как правило, добровольное, а состоят они из детей рабочих и служащих, подростков из интеллигентных семей (учителя, инженеры, операторы, администраторы, управленцы – А.С.), а также юношей из семей

мелких предпринимателей. Основное занятие в таких группах у подростков, юношей представляет собой вербальную социальную коммуникацию, социальное соперничество, драки, употребление ПАВ, совершение промискуитных половых актов при условии наличия в таких компаниях подростков-девочек и девушек. Подросткам и юношам в группе все известно, у них все происходит «просто», позволяя вкусить абсолютную свободу, однако, эта свобода касается лишь их распушенности.

Такое бездеятельное и преимущественно бесцельное времяпрепровождение обладает для обыкновенных, «серых» подростков, юношей – индивидуалистов огромной привлекательностью. Все подростки, попавшие в группу, начинают с «игры в компанию» и приобретают свою роль – такую личину, под которой постепенно появляется реальная плоть. Исполнение желаний вызывает новую жажду. Этому способствуют крайняя степень свободы в группах (никто не делает замечаний, никто ни к чему не призывает, ничего не запрещает – А.С.), общение на разговорном нецензурном языке, распитие алкоголя как самый дешевый путь к достижению эйфории (снятие всех социальных запретов по принципу «все дозволено» – А.С.), отсутствие взрослых людей в таких группах. Согласно опросам подростков автором, механизм вовлечения новых членов группы в употребление ПАВ следующий: новичок видит, что быть «крутым и классным» в группе – значит «вставить и торчать», то есть принимать препараты, «вдувать косяки» (курить сигареты с марихуаной) и «гулять шприцами по венам», глотать – «закидываться» стимуляторами амфетаминами, доставлять себе удовольствие – «делать улет», надо постоянно. Счастье, которое дарит наркотик, искусственное, но, тем не менее, оно совершенно реально. Несовершеннолетний десятиклассник 17 лет так рассказывал автору о состоянии псевдоэндоρφинной зависимости, которое дарит краткие вспышки радости: «Ты даже не представляешь, что теряешь, неописуемое ощущение радости. Это все равно, что говорить о радости, когда, наконец, выпьешь глоток воды после того, как чуть не умер от жажды. Я не могу даже придумать сравнения. Это не постоянная радость будь это так, я бы быстро перестал чувствовать ее. Это

пульсирует...мерцает...такой дивный пульсирующий ритм, который не позволяет оторваться. Это большая – нет, не большая – лучшая радость, чем я когда-либо мог ощущать сам по себе. Мне хотелось плакать, когда приход закрывался. Смотря при этом на подростка, я видел его глаза, оживленно блестевшие, но лишённые мысли» [2, 40].

У подростка возникают навязчивые мысли о препарате, желание употребить его, пережить состояния эйфории совместно с другими подростками. Первоначально драгдилеры снижают цену для тех подростков, кто покупает препарат в первый раз, с корыстной и бесчеловечной целью облегчить употребление аддиктивного агента, вызвать привыкание к нему, выстроить ритм его приема по типичной кривой Гаусса – сначала понемногу, затем все больше, а потом снова очень мало. Наркотики, подтачивая общее здоровье, на некоторое время делают подростка веселым и неутомимым в развлечениях. Наркоман, в состоянии заболевания психики, испытывает постоянное побуждение к асоциальному поведению, нарастающее психическое напряжение, до тех пор, пока препарат не принят. Подросток-наркоман вынужден переживать тяжелейший «синдром отмены» организма – эти симптомы абстиненции, когда препарата нет в его распоряжении. Компульсивное влечение приводит к переживанию кататонии, то есть попаданию в мир болезненных фантазий, приводящих в свою очередь к мучительному состоянию абстиненции. Подросток 9–тиклассник 15 лет следующим образом описывает состояние синдрома измененной толерантности: «Голова слишком ясная, ощущение такое, как будто меня долго били. Все предметы казались неестественно чёткими. Голоса и звуки то слишком резкие, то размытые. Резкие звуки заставляли меня морщиться» [2, 40]. Влияние препарата реализуется не только в переживании эйфории всеми пятидесяти триллионами клеток человеческого организма, но и приводит к расщеплению, искажению доаддиктивного «Я», когда только члены группы являются для подростка-аддикта своими, а все остальные – сверстники, взрослые члены семьи лишними, чужими. Следует отметить, что взрослые также не понимают, что движет

юным наркоманом, как он живет и что может его спасти из наркотического омута.

Таким образом, влияние молодежных неформальных групп на подростков, развращающее, подогревающее их низменные страсти, следует признать крайне отрицательным. Они формируют в подрастающем поколении только неразумие проступков, случайность решений, слепое упорство в ошибках, вспышки непоследовательных желаний, психическую слабость.

Библиографический список

1. Странцов, А. Н. Молодая гвардия русского возрождения / А. Н. Странцов. – Таганрог: Изд-во ООО «Форрес», 2012. – С. 292.
2. Странцов, А. Н. «Новая зона. Современная урбанистическая социальная среда молодежных процессов в «обществе потребления» (рукопись) / А. Н. Странцов, 2017. – С. 163.
3. Никитина, Т. Г. Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70-90-х годов / Т. Г. Никитина . 2-е изд. – СПб.: Фолио-пресс, 1998 – 592 с.
4. Салагаев, А. Л. Делинквентная группировка как разновидность подростково-молодежного территориального сообщества / А. Л. Салагаев // Вестник Казанского юридического института МВД. – 2011. – № 12. – С. 5–13.
5. Чернова, Е. О. Теоретико-методологические аспекты исследования проблемы подростково-молодежных криминальных группировок / Е. О. Чернова // Приволжский научный вестник. – 2018. – № 8. – С. 27–34.

Ушакова А.А.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДОГОЛИЗМА КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ УРГЕНТНОЙ АДДИКЦИИ

Аннотация. Ургентная аддикция в настоящее время во многих культурах является социально одобряемой: много успевать, быть постоянно в каких-либо делах считается индикатором успешности. В статье также представлены ре-

зультаты изучения проявления трудоголизма как одной из форм ургентной аддикции у людей зрелого возраста.

Ключевые слова: трудоголизм, зависимость, ургентная аддикция, нехватка времени, внутренняя потребность.

Ushakova A.A.

Master's student

Chekhov Institute of Technical Sciences (branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution "RSEU (RINH)"
Taganrog

STUDY OF WORKAHOLISM AS ONE OF THE FORMS OF URGENT ADDICTION

Annotation. Urgent addiction is now socially approved in many cultures: doing a lot, being constantly in any business is considered an indicator of success. The article also presents the results of studying the manifestation of workaholism as one of the forms of urgent addiction in people of mature age.

Key words: workaholism, addiction, urgent addiction, lack of time, inner need.

На фоне общей нестабильности весьма актуален на сегодняшний день и вопрос современного темпа жизни, уровня социальных требований к современному человеку. Этот аспект приводит нас к феномену ургентной аддикции, которая является в настоящее время во многих культурах социально одобряемой: много успевать, быть постоянно в каких-либо делах считается индикатором успешности. При этом в обыденном сознании из виду упускается такая важная характеристика жизни, как психологическое благополучие индивида, ощущаемое им субъективно. По мере прогрессирования аддиктивного поведения снижается не только качество жизни человека, но и продуктивность его труда (в связи с наступающими у аддиктов психологическими и физиологическими изменениями, к которым могут относиться депрессии, неврозы, психосоматические заболевания). По мере развития дефицитности отличных от работы сфер жизни снижается психологическое благополучие индивида, однако не всегда он сразу начинает ощущать это субъективно.

Следует отметить, что не всякий работающий и даже очень много работающий человек является трудоголиком. Работа, безусловно, является важней-

шим средством самоутверждения, идентификации, достижения определенного социального положения. Однако важно различать здоровое отношение к работе и трудоголизм, как форму зависимого поведения.

Трудоголизм, как форма зависимости, характеризуется именно постоянной, неконтролируемой внутренней потребностью работать или постоянно держать в уме информацию, связанную с работой. Работа для трудоголиков является бегством от реальности, она становится самой жизнью и единственным смыслом, заменяя собой все остальные сферы жизни, такие, как семья, дружба, увлечения, духовные запросы.

В то же время, по мнению Андреассена, трудоголики не умеют работать в коллективе, они самонадеянны, не слушают своих коллег. Такие люди часто имеют узкое мышление, склонны пропускать вспышки креативности, зафиксированы на мелочах и не видят полной картины всего происходящего, и поэтому они тратят больше времени на работу. Трудоголики не могут работать без постоянного контроля, их деятельность ведет к умственному перенапряжению и, как следствие, к ошибкам, они используют определенные стереотипные навыки, но в профессии не развиваются [3].

Ургентная аддикция – привычка находиться в состоянии постоянной нехватки времени. Термин введен Н. Тасси [2] в одноименной монографии. Состояние обусловлено сверхзанятостью, необходимостью принимать участие во многих видах деятельности, ускорением темпа жизни, общей гиперстимуляцией.

Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева в описании ургентных аддиктов делают акцент на восприятии такими лицами времени: человек с ургентной зависимостью переживает время по-другому, по сравнению с обычным человеком, который специально не фиксирован на нём (за исключением нарушений восприятия времени в форме ускорения или замедления его течения при некоторых психических расстройствах) [2]. Для ургентного аддикта время становится тираном, распоряжающимся его жизнью и контролирующим её. В результате постепенно утрачивается способность ощущать красоту природы, воспринимать

гамму красок окружающего мира, получать удовольствие от чтения, посещения театра, прослушивания музыки.

Таким образом, в прошлом отсутствуют какие-либо приятные для аддикта моменты, оно не является для него ресурсом. Ургентная зависимость постепенно поглощает весь внутренний мир человека, он перестает быть самим собой. Глубоко нарушается идентичность, личность испытывает потерю прежнего «Я». Аддикт живет в мире ценностей, «оторванных» от его качественного мира. Для него характерна эмоциональная изоляция, отсутствие отношений, основанных на глубоких, человеческих чувствах: любви, дружбе, взаимопонимании. Эмоции растрачиваются на переживания недостатка времени для выполнения всё увеличивающихся и усложняющихся задач, на то, чтобы справиться с ними во всё более короткие сроки. В этом смысле в ургентной аддикции видны свойственные для аддикции в общем феномены.

С целью изучения трудоголизма как одной из форм ургентной зависимости нам были проведены опросник «Работоголизм» (Е. П. Ильин), тест на определение работоголизма (Б. Киллинджер). Общее число испытуемых: 68 человек в возрасте 21–52 лет. Из них женщин 24 человека; мужчин 44 человека.

По результатам опроса по тесту на определение работоголизма (Б. Киллинджер) мы разделили респондентов на три группы по уровню проявления склонности к трудоголизму:

1 подгруппа – респонденты с *низким* уровнем склонности к трудоголизму (n =15).

2 подгруппа – респонденты со *средним* уровнем склонности к трудоголизму (n =36).

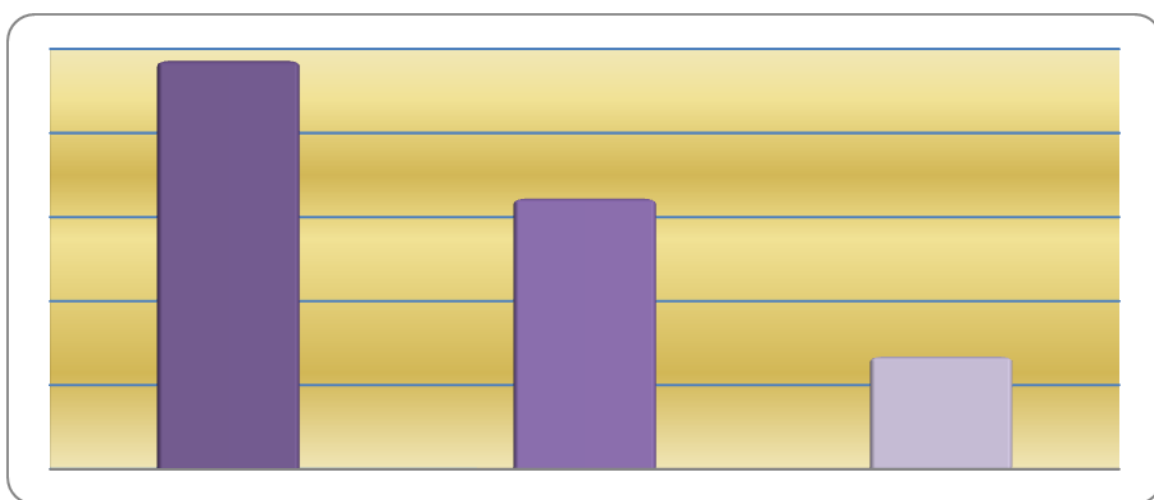
3 подгруппа – респонденты с *высоким* уровнем склонности к трудоголизму (n =17).

Полученные результаты представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1 – Уровень склонности к трудоголизму по трем группам испытуемых по итогам теста на определение работоголизма (Б. Киллинджер)

Уровень склонности к трудоголизму	высокий уровень склонности к трудоголизму (n =17)	средний уровень склонности к трудоголизму (n =36)	низкий уровень склонности к трудоголизму (n =15)
Средний балл	24,3	16,1	6,7

Рисунок 1 – Уровень склонности к трудоголизму по трем группам испытуемых по итогам теста на определение работоголизма (Б. Киллинджер)

Испытуемые с *высоким* уровнем склонности к зависимости от трудовой деятельности характеризуются выраженным стремлением уйти от реальности посредством изменения своего психического состояния, которое в данном случае достигается фиксацией на работе. Причем работа не представляет собой того, что она выполняет в обычных условиях: зависимый человек не стремится к работе в связи с экономической необходимостью, работа не является и одной из составных частей его жизни – она заменяет собой привязанность, любовь, развлечения, другие виды активности. Одной из важных особенностей трудовой зависимости является непреодолимое стремление к постоянному успеху и одобрению со стороны окружающих. Человек испытывает страх потерпеть не-

удачу, «потерять лицо», быть обвиненным в некомпетентности, лени, оказаться хуже других в глазах начальства. При этом он настолько фиксирован на работе, что постоянно отчуждается от семьи, друзей, все более замыкаясь в системе собственных переживаний. Развитие процесса сочетается с нарастанием эмоциональной опустошенности, нарушается способность к эмпатии. Межличностные отношения затрудняются, воспринимаются, как тягостные, требующие большой энергетической затраты.

Трудоголик работает больше, чем требует работодатель, и тратит на неё гораздо больше времени, чем предполагал. Ему трудно переключаться на другие виды деятельности. Он часто испытывает недостаток времени. Когда трудоголик не работает, он испытывает негативные эмоции, такие, как тревогу и чувство вины. Ему присущи частые смены настроения, вспышки гнева, возможна эмоциональная отстраненность, отсутствие эмпатии.

Работая очень много, такой человек в то же время не испытывает чувства удовлетворения от своей работы. Трудоголик может испытывать усталость, ухудшение сна и аппетита, забывчивость и трудности с концентрацией внимания.

Работа у трудоголика превращается в своеобразный «щит» от страха, тревог, неуверенности в завтрашнем дне, неурядиц в личной жизни. Человек использует работу как средство бегства от личных проблем и трудностей. Остальные сферы жизни трудоголиком игнорируются, что в свою очередь приводит к хроническому переутомлению, стрессам, психическим и соматическим заболеваниям, социальным проблемам.

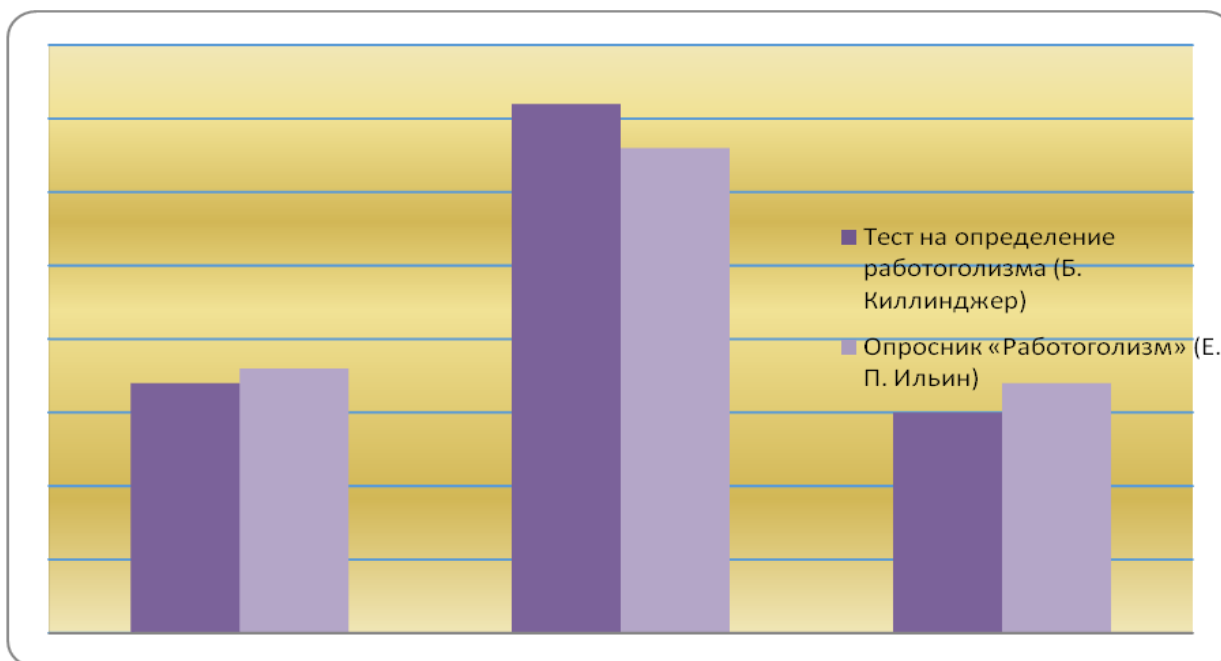
Респонденты с низким уровнем склонности к трудоголизму характеризуются тем, что человек воспринимает работу всего лишь одной составляющей частью своей жизни, определяет для нее определенное место и время, умеет дистанцироваться от рабочих вопросов, не связывает свою самооценку и социальный статус исключительно с успехами в профессиональной сфере.

Для подтверждения результатов мы провели еще один тест на определение уровня трудоголизма Е.П. Ильина. Итоговые баллы испытуемых по уров-

ню представленности работоголизма совпали с их распределением по группам в соответствии с уровнем развития склонности к трудоголизму.

Таблица 2 – Сопоставление результатов теста на определение работоголизма Б. Киллинджер Е.П. Ильина

Уровень склонности к трудоголизму	Тест на определение работоголизма (Б. Киллинджер)	Опросник «Работоголизм» (Е. П. Ильин)
высокий уровень склонности к трудоголизму	17 чел.	18 чел.
средний уровень склонности к трудоголизму	36 чел.	33 чел.
низкий уровень склонности к трудоголизму	15 чел.	17 чел.

Рисунок 2 – Сопоставление результатов теста на определение работоголизма Б. Киллинджер Е.П. Ильина

Таким образом, можно сказать, что данные методики могут равнозначно применяться в исследованиях. В дальнейшем мы будем работать только с теми респондентами, которые в обеих методиках показали идентичные результаты. Исследование будет направлено на изучение психологического благополучия у людей с разным уровнем трудоголизма.

Библиографический список

1. Анисимова, М. И. Изучение склонности к отклоняющемуся поведению обучающихся колледжа / М. И. Анисимова, О. А. Холина // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: материалы III-й Всероссийской научно-практической конференции, Таганрог, 25 октября 2019 года / отв. ред. О.А. Холина. – Таганрог: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2020. – С. 76–80.
2. Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. Аддиктология: настольная книга [Текст] / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – М.: Институт консультирования и системных решений, – 2012. – 536 с.
3. Казанцева, Е. В. Оценка степени осознанности студентов с наличием склонности к аддиктивному поведению / Е. В. Казанцева, О. А. Холина, А. Е. Москаленко // Психолог. – 2019. – № 5. – С. 1–10. – DOI 10.25136/2409-8701.2019.5.31257.
4. Лукьянов, О. В., Щеглова, Э. А., Балашова, (Аркан) М. Ю. Исследование риска развития психологической зависимости от работы (трудоголизма в современной России [Текст] // О. В. Лукьянов, Э. А. Щеглова, М. Ю. Балашова (Аркан) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 183–187.
5. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в «группу риска» по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149.
6. Петрова, Е. Г. Проблема суицидального поведения в молодежной среде / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2012. – № 6. – С. 155–159.
7. Холина, О. А. Исследование стрессоустойчивости подростков, склонных к аддиктивному поведению / О. А. Холина, А. В. Козлова // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: материалы II-й Региональной научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». 20 октября 2018 г., Таганрог, 20 октября 2018 года / отв. ред. О. А. Холина. – Таганрог: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2019. – С. 98–103.

РАЗДЕЛ 2
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ,
КОРРЕКЦИЯ ЛИЦ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Гаврилов М.Д.,
Студент,
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,
г. Таганрог;

Меньшикова Т.И.,
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии,
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,
г. Таганрог

ТРУДОВАЯ АДДИКЦИЯ, КАК ЧАСТЬ РЕАЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматривается такой вид нехимической зависимости, как трудовая зависимость. Обозначаются причины, следствия и группы риска трудовой аддикции.

Ключевые слова: трудовая аддикция, нехимические аддикции, трудоголизм, трудоголик, мотивационный аспект трудовой аддикции, психосоциальная аддиктология.

Gavrilov M.D.,
Student,
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog;

Menshikova T.I.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch) "OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog

LABOR ADDICTION AS PART OF THE REALITY OF MODERN MAN

Annotation. This article discusses such a type of non-chemical dependence as labor dependence. The causes, consequences and risk groups of labor addiction are indicated.

Key words: work addiction, non-chemical addictions, workaholism, workaholic, motivational aspect of work addiction, psychosocial addictology.

В современном мире работа занимает доминирующее положение в жизни человека. Авторитет, карьерный рост, достаток и успех – одни из главных ценностей современного общества. Социум одобряет людей с такими качествами, как трудолюбие, пунктуальность, усердие, исполнительность и т.д. В связи с этим все более популярной и распространенной становится полная самоотдача работе. Увеличение времени работы, задержки на работе, выполнение работы дома, увеличение времянахождения за рабочим местом становятся все более стереотипным поведением для современного человека и поощряются как начальством, так и коллегами. С одной стороны, работа как труд способствует удовлетворению индивидуальных потребностей и дает возможность роста и самореализации. С другой стороны, современные люди все чаще выбирают работу как способ выхода из неприятных и сложных ситуаций и трудностей. В данной статье мы рассмотрим второй вариант отношения человека к работе, что свидетельствует о наличии у человека пограничного психического расстройства – аддикции.

Как известно, зависимости бывают химические и нехимические. Химическая зависимость (наркотическая, алкогольная, зависимость от токсических веществ и фармацевтических препаратов) легче диагностируется, и устанавливается корректная траектория лечения из-за ярких симптомов и хорошей изученности данного вида аддикций. Необходимо учитывать, что все, что дает эквивалентный опыт, может привести к зависимости, так как физиологически связано с системой «внутреннего вознаграждения» мозга [1]. Поскольку объект нехимической зависимости представляет собой поведенческий паттерн, а не психоактивное вещество, не всегда возможно правильно поставить диагноз и сплани-

ровать лечение. Нехимические аддикции представляют собой распространенную группу пограничных психических расстройств, но пока что большинство из них не представлены в официальной классификации болезней, а их исследования носят более описательный и феноменологический характер [2].

Мнение некоторых авторов сходится в том, что в первую очередь возникают межличностные аддикции, которые объясняются неспособностью строить положительные социальные контакты (например, травма, полученная в детском возрасте), а уже после, на основе вышеназванных, формируются вторичные зависимости: от веществ, определенных ситуаций (половых связей, игровых автоматов, еды, работы и т. п.), которые позволяют своему обладателю на время забыть травму первичной зависимости (страх, чувство вины, стыд, обида и др.) [2, 3].

Отметим, что исследования клинических психологов и психиатров (В. Д. Менделевич, А. Б. Смулевич, В. Killinger, В. Robinson и др.) показывают, что трудоголизм представляет собой нехимическую форму зависимости, вызывающую чрезмерную привязанность к работе из-за попытки ухода от решения сложных или психотравмирующих ситуаций [4, 5, 9, 12]. Трудоголизм, как и все формы зависимости, способствует отстранению человека от окружающей действительности, изменяя его психическое состояние, позволяя ему полностью сосредоточиться на выполняемой профессиональной задаче. По мнению исследователей, такие люди не удовлетворяют свою потребность в финансовом благополучии, а замещают неудовлетворенные и подавленные базовые потребности в привязанности, любви и одобрении [2].

Д. Шульц и С. Шульц считают, что личности с чертами патологической трудовой зависимости оказывают отрицательное воздействие на коллег и организацию [6]. Такие люди обладают ригидностью мышления, сверхконтролем, затруднением работы в команде, требуют от коллег напряженной работы, а себе задают нереалистичные сроки по выполнению задач профессиональной деятельности. В. Д. Менделевич трактует понятие аддикция как психологический феномен, включающий в себя 3 базовых компонента: аффективный, когнитивный и поведенческий [4].

1. Аффективный компонент. Результаты исследований показывают, что люди с трудовой аддикцией в большинстве случаев получают удовлетворение от процесса работы. Отсутствие работы вызывает у них негативные эмоции, базовыми из их перечня являются чувство тревоги и вины [12].

2. Когнитивный компонент. Он отражает мыслительные процессы, которые побуждают людей с трудовой зависимостью работать выше нормы. Некоторые авторы говорят о том, что базовым когнитивным элементом, описывающим трудоголизм, является навязчивость работы, от которой они не могут избавиться и контролировать, даже осознавая, что в чрезмерной работе нет необходимости [10].

3. Поведенческий компонент. К поведенческому компоненту трудовой аддикции относят чрезмерную вовлеченность в работу, к проявлениям которой относят большое количество времени, посвященное работе, и излишнее вовлечение работы в личную жизнь [8].

Следует детальнее разобрать личностные особенности трудоголика. Из анализа теорий трудоголизма можно утверждать, что трудоголизм не имеет ничего общего с трудолюбием или с желанием человека внести свой вклад в развитие организации. Поэтому встает вопрос о мотивации людей с трудовой зависимостью: почему они расходуют много сил и времени на свою работу? Исследования демонстрируют нам, что удовлетворение всех трех врожденных потребностей (потребность в автономии, потребность в соотнесенности с другими людьми, потребность в компетентности), выделяемых в теории самодетерминации, не связано с навязчивостью работы [6]. Из этого следует, что для человека с трудовой зависимостью перспектива быть мотивированным автономией ограничивается. S. Andreassen с коллегами считают, что трудоголизм положительно связан с контролируемой внешней мотивацией, т. е. с внешним регулированием (externalregulation) и интроецированным регулированием (introjectedregulation). По результатам их исследования драйв к работе отрицательно связан с удовлетворенностью базовых потребностей. Например, работники, у которых низкий уровень автономности, отмечали высокий драйв к работе. Это побуждение, за-

ставляющее их трудиться, может быть вызвано попыткой решить ситуацию неудовлетворенности потребностей самодетерминации. Стоит отметить, что драйв был отрицательно связан с потребностью в чувстве принадлежности и компетентности. Это объясняется тем, что работники с сильным драйвом к работе стремятся устранить несогласованность между уровнем их фактической компетентности и требованиями работодателя. Высокий показатель драйва к работе может возникать как результат собственных завышенных ожиданий и навязанных невыполнимых целей, достигаемых для того, чтобы сформировать иллюзорный образ компетентности, автономности и принадлежности к группе. Неспособность выполнять эти цели может привести к ощущению некомпетентности и бессилия, тогда трудоголик решает установить себе другие невыполнимые цели, пытаясь соответствовать высоким внутренним стандартам удовлетворения потребностей [7].

I. van Beek и коллеги считают, что трудоголикам присуща внешняя мотивация, они в большей степени вовлечены в свою работу, но воспринимают ее как инструмент для достижения иных целей. Например, трудоголизм положительно коррелирует с интроецированным регулированием (*introjected regulation*) [15]. Это можно расшифровывать как то, что люди с трудовой аддикцией воспринимают социально заданные стандарты самооценки и одобрения общества, но сами в полной мере не идентифицируют себя с этими стандартами. Их чувство собственного достоинства и самоуважения обуславливается тем, удастся ли им удовлетворить эти заданные людьми извне стандарты, и если аддикты не соответствуют этим стандартам, то появляется чувство вины, стыда. Мнение исследователей коррелирует с представлениями о том, что трудовая зависимость сопрячена с неуверенностью в себе и низкой самооценкой и что базовой мотивацией людей с данным видом зависимости является потребность в самоутверждении [5, 15].

Стоит также отметить, что существует несколько подходов, объясняющих появление трудоголизма:

1) Теория научения рассматривает трудовую зависимость как относительно устоявшуюся форму поведения, приобретенную через оперантное обусловливание. Например, когда будущий аддикт видит, что коллеги или члены семьи чрезмерно работают, он может начать перенимать их форму поведения, находясь под влиянием этих ролевых моделей. Робинсон считает, что зависимое поведение передается от поколения к поколению, через убеждения, модели поведения и семейные правила [10, 12].

2) Теории черт повествуют о том, что трудоголизм является проявлением раскрывающих его суть черт, которые заканчивают свое формирование в конце подросткового периода и остаются неизменным и стабильным образованием в разнообразных трудовых ситуациях [7, 10].

3) Социокультурный подход предполагает, что зависимость является в большей степени следствием культурного и социального опыта личности, а разные формы аддикции способны выполнять различные социальные функции (к примеру, освобождение человека с зависимостью от исполнения обязательств и семейных ролей) [11].

T. Ng и его коллеги придерживаются мнения, что более продуктивным будет объединить предложенные подходы в одну модель трудовой зависимости, в соответствии с которой трудоголизм – это следствие совместного влияния социокультурного опыта (например, культурно обусловленных компетенций, социального научения и конкуренции), личностных черт и подкрепления поведения (например, система поощрения в организации) [11]. Итак, люди становятся зависимыми от работы из-за того, что имеют вполне конкретные личностные черты, их культурный или социальный опыт расположен к появлению трудовой зависимости, и их поведенческие паттерны, характерные для трудовой аддикции, итерационно подкрепляются.

D. Spurr, A. Hirschi, S. Kauffeld отмечают в своих исследованиях, что при трудовой аддикции стереотипным поведением можно считать возврат в работу, это означает, что аддикт не способен находиться в состоянии бездействия длительное время. Даже если человек на отдыхе, он все равно мысленно находится

на рабочем месте, а с появлением технологического оснащения, аддикт имеет возможность иметь связь с работой даже во время отдыха [14]. Главенствующими ценностными ориентациями людей, склонных к трудовой зависимости, являются общественное презрение и непримиримость к недостаткам. Черты характера аддикта определяют цели, стремления и потребности, которые значительно влияют на отношение к работе. Трудоголики принципиальны и мало-подвижны в своих взглядах и убеждениях по тому или иному вопросу [2].

Трудоголики не имеют достаточно времени и возможности для отдыха и восстановления затраченных на работе ресурсов, что приводит к эмоциональному и когнитивному утомлению, они испытывают больше отрицательных эмоций, чем положительных [6, 12]. Кроме того, долгие часы на работе могут усугубить последствия рабочего стресса, особенно если у трудоголиков высокие стандарты производительности. Роббинс обнаружил, что все три аспекта трудоголизма (мотивация к работе, вовлеченность в работу и удовольствие от работы) связаны с перфекционизмом и трудностями делегирования работы коллегам. Поскольку работа так важна для трудоголиков, у них неоправданно высокие стандарты эффективности, из-за чего трудно доверить эту работу кому-то другому [15]. Недостаток отдыха и физических упражнений негативно влияет на здоровье, в результате чего трудоголики чаще жалуются на свое здоровье, что приводит к состояниям тревоги и депрессии, чаще у трудоголиков (высокая мотивация и вовлеченность в работу, но низкое удовольствие от работы). Это связано с тем, что трудовая мотивация положительно коррелирует со стрессом и выгоранием на работе, а удовольствие от работы – отрицательно. Кроме того, трудоголики не очень удовлетворены своей жизнью [10, 13].

Еще одним недостатком трудоголизма является малое количество социальных отношений вне работы. Чрезмерная работа отнимает много времени и энергии, в результате чего остается меньше времени и энергии для создания и поддержания социальных связей вне работы. У трудоголиков не хватает времени и сил на активную личную жизнь. Эмпирические исследования показывают, что у трудоголиков больше семейных проблем и межличностных конфликтов

на работе [6]. Работа и дом плохо сочетаются, и трудно найти силы для решения семейных проблем. Зависимые от работы сотрудники имеют менее интенсивные, эмоциональные и разнообразные социальные отношения вне работы, чем другие сотрудники [14]. Эти результаты подтверждаются данными исследований супругов трудоголиков, а не самих трудоголиков. Супруги трудоголиков отмечали, что их партнеры имели большую отчужденность от семьи, меньшее количество положительных эмоций и более выраженный внешний локус контроля по сравнению с сотрудниками, не имеющими трудовой аддикции [11]. В то же время исследование L. McMillan с коллегами показало, что ни сами трудоголики, ни их партнеры не оценивают свои отношения как неудовлетворительные. Авторы предполагают, что трудоголики выбирают себе партнеров, которые «подходят» им по стилю жизни и отношению к работе [10].

Подводя итог, стоит отметить, что мы провели точечное теоретическое исследование, которое показало актуальность проблемы диагностики и лечения трудовой аддикции. Были рассмотрены мнения различных авторов на данную проблему и обозначена серьезная озабоченность научного мира тем, что данная форма зависимого поведения является социально одобряемым феноменом, что усложняет его идентификацию и коррекцию. Основываясь на актуальной информации, мы смогли выделить группы риска и причины возникновения этой формы зависимого поведения, учитывая мотивационные, социальные и поведенческие аспекты аддиктов. Негативные последствия данной зависимости еще раз подтверждают актуальность и важность глубокого анализа данной проблемы. Данный феномен вполне реален и должен быть рассмотрен в качестве вида зависимости, так как только повышение ранга проблемы и повсеместное ее изучение поможет снизить шанс ее возникновения и многократно увеличить качество ее лечения.

Библиографический список

1. Александер, Ф. Психосоматическая медицина: пер. с англ. / Ф. Александер. – М., 2000 – С. 124–140.

2. Егоров, А. Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции (Обзор) / А. Ю. Егоров // Аддиктология. – 2005. – № 1. – С. 65–77.
3. Мастерс, У. Джонсон, В., Колодни, Р. (Masters W., Johnson V., Kolodny R.) Основы сексологии: пер. с англ. – М.: Мир, 1998. – 692 с.
4. Менделевич, В. Д. Клиническая и медицинская психология: учебное пособие / В. Д. Менделевич: 7-е изд. – М.: МЕДпрессинформ, 2010. – 432 с.
5. Смулевич, А. Б. Расстройства личности / А. Б. Смулевич. – М.: Медицинское информационное агентство, 2007. – 192 с.
6. Шульц, Д., Шульц, С. Психология и работа / Д. Шульц, С. Шульц: 8-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 562 с.
7. Andreassen, C. S., Griffiths, M. D., Hetland, J., & Pallesen, S. (2012). Development of a work addiction scale. *Scandinavian Journal of Psychology*, 53, 265–272.
8. Bonebright, C. A., Clay, D. L., & Ankenmann, R. D. (2000). The relationship of workaholism with work-life conflict, life satisfaction, and purpose in life. *Journal of Counseling Psychology*, 47, 469–477.
9. Killinger, B. *Workaholics: The respectable addicts*. New York: Simon & Schuster, 1991. 236 p
10. McMillan, L. H. W., Brady, E. C., O'Driscoll, M. P., & Marsh, N. V. (2002). A multifaceted validation study of Spence and Robbins' (1992) Workaholism Battery. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 75, 357–368.
11. Ng, T. W. H., Eby, L. T., Sorensen, K. L., & Feldman, D. C. (2005). Predictors of objective and subjective career success: A meta-analysis. *Personnel Psychology*, 58, 367–408.
12. Robinson B. *Chained to the Desk: A Guidebook for Workaholics, Their Partners and Children, and the Clinicians Who Treat Them*. 3-rd Edition. New York: New York University Press Book, 2017. – 262 p.
13. Scott, K. S., Moore, K. S., & Miceli, M. P. (1997). An exploration of the meaning and consequences of workaholism. *Human Relations*, 50, 287–314.
14. Spurk, D., Hirschi, A. Kauffeld, S.A. New Perspective on the Etiology of Workaholism. The Role of Personal and Contextual Career Related Antecedents. *Journal of Career Assessment*, 2015, issue 4, v. 24: 747–764
15. vanBeek, I., Hu, Q., Schaufeli, W. B., Taris, T. W., & Schreurs, B. (2012). For Fun, Love, or Money: What Drives Workaholic, Engaged, and Burned-Out Employees at Work? *Applied Psychology: An International Review*, 61, 30–55.

Казанцева Е.В.,
канд. психол. наук, доцент
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог;
Чичкала М.Б.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКЛОННОСТЕЙ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У УЧАЩИХСЯ 9-Х И 11-Х КЛАССОВ

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимосвязи склонности к агрессивному и враждебному поведению с социальным статусом в учебной группе. Была выдвинута одна гипотеза: в системе неформального общения высокая степень агрессивности затрудняет процесс межличностного взаимодействия и снижает межличностный социальный статус. Эмпирическая часть исследования включала себя тестирование с использованием двух методик: опросника враждебности и агрессивности Басса-Дарки и «социометрии» Дж. Морено. Значимым практическим выводом является то, что существует взаимосвязь социальной позиции со склонностью к агрессивному поведению. Исследование позволило установить, что большая часть подростков с высоким уровнем агрессивности обладают отвергаемыми обществом социальными статусами.

Ключевые слова: девиантное поведение, агрессия, агрессивность, враждебность, социальный статус, межличностные отношения.

Kazantseva E.V.,
Associate Professor of psychology
Taganrog Institute named
After A.P. Chekhov (branch)
«OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)»,
Taganrog;
Chichkala M.B.,
Taganrog Institute named
After A.P. Chekhov (branch)
«OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)»,
Taganrog

COMPARATIVE ANALYSIS OF 9TH AND 11TH GRADES STUDENTS' INCLINATION TO DEVIANT BEHAVIOR

Annotation. This article deals with the problem of correlation between inclination to aggressive and hostile behavior and social status of the study group. A hypothesis was put forward: the degree of aggressiveness impedes interpersonal relationships and reduces interpersonal social status in the system of informal communication. The empirical part of the research contains testing using two techniques: Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI and Sociometry by Jacob L. Moreno. The important practical conclusions are the following: there is a correlation between social position (status) and inclination to aggressive behavior. The results of the research demonstrate that most young teenagers (students) with a high level of aggression have the social statuses rejected by society.

Key words: deviant behavior, aggression, aggressiveness, hostility, social status, interpersonal relationships.

Проблема агрессии является острой и социально значимой для современного общества, она затрагивает все сферы жизни человека любого возраста. Однако ярким периодом проявления агрессивного поведения является переход личности от детства к юности, так как в этот промежуток взросления в человеке происходят коренные изменения, затрагивающие психологическую и физическую стороны личности [5, 7, 14]. Подростковый возраст как период кризиса в развитии человека даже в нормальных условиях характеризуется рядом условий, усложняющих процесс социализации. Поэтому его можно рассмотреть как дополняющий фактор формирования агрессивного поведения [6, 11]. Подростковый возраст характеризуется более высоким эмоциональным фоном по сравнению с предшествующими периодами детства [1]. Период полового созревания также характеризуется высокой критичностью человека, как к себе, так и к окружающим. Личностные проявления учащихся часто приводят к сарказму и издевательствам в классе. Так, в коллективе класса складываются определенные межличностные отношения, где каждый индивидуум имеет определенный социальный статус. Одна из центральных проблем подросткового возраста – взаимоотношения со сверстниками. Для данной возрастной категории важно занимать значимое место среди сверстников или быть признанным в группе, быть лидером коллектива [4]. Однако не всем удается достичь описанных це-

лей. Трудности могут быть связаны с неправильной оценкой самого себя или с поиском необходимых социальных ролей. Несмотря на распространенность феномена агрессивного поведения в современном обществе и то, что данная проблема достаточно хорошо изучена в нашей стране, вопрос о связи социального статуса с уровнями враждебности и агрессии остается открытым. Актуальность исследования обусловлена социальной значимостью проблемы агрессии в современном обществе и формой ее выражения в учебной группе, путем завоевания определенного социального статуса.

Целью нашей работы является изучение взаимосвязи склонности к агрессивному и враждебному поведению подростков и их социального статуса в группе.

Гипотеза исследования: в системе неформального общения высокая степень агрессивности затрудняет процесс межличностного взаимодействия и снижает межличностный социальный статус.

Исследованиями социально-психологического статуса занимались многие отечественные и зарубежные ученые. Например, Ф. Бейтс определяет статус обозначением ранга, места в структуре общества, связанным с определенным набором норм [6]. Также М. Вебер рассматривал социальный статус в престижном значении и связывал его с главенствующим положением личности в обществе [13].

Т. Маршал и М. Хагопьян считают, что статус указывает на позицию, которая связана с кругом прав и обязанностей, привилегий и обязательств, приписанных законом возможностей или ограничений, признанных публично и поддерживаемых авторитетом общественного мнения [8].

Е. Г. Смирнова рассматривает в своих работах взаимосвязь личностных качеств подростков с занимаемыми ими социальными статусами [3]. Б. Н. Волкова рассматривает в своих трудах качества личности, которые оценивают в других подростки, к ним относятся, например, волевые качества [2].

Наша работа основана на проведенном нами исследовании, в котором приняло участие 40 подростков, которые являются учащимися старших классов

(9-11). Возраст их варьировался от 14 до 17 лет. Первый этап исследования заключался в подборе необходимых методик и обработке полученных результатов. Нами были выделены две методики: опросник враждебности и агрессивности Басса-Дарки и «социометрия» Дж. Морено [10; 12]. Так, по первой методике были получены следующие результаты.

Большая часть обследуемых подростков имеют высокие показатели по шкалам «обида» 15 подростков (37,5%), «вербальная агрессия» 16 испытуемых (41%), «подозрительность» 18 респондентов (45,5%), «раздражительность» 19 человек (47,5%). Так, можно говорить о том, что для данного возрастного периода наиболее актуальными формами проявления агрессивного поведения являются проявления вербальной агрессии, обиды, подозрительности и раздражительности.

Обобщенные результаты по описываемой методике были следующими:

1. Из 40 подростков 13 (32,5%) имеют высокие показатели агрессивности по одной и более шкалам;
2. 19 девочек и мальчиков-подростков (47,5%) имеют средний уровень описываемых показателей;
3. 8 подростков (20%) имеют низкий уровень агрессивности.

Таблица 1 – Распределение результатов по опроснику враждебности и агрессивности Басса-Дарки

Количество участников (%)	Уровень агрессивности
13 (32,5%)	Высокий уровень
19 (47,5%)	Средний уровень
8 (20%)	Низкий уровень

Таким образом, подытоживая полученные результаты, можно говорить о том, что в группе преобладает средний уровень агрессивности, однако, важно подчеркнуть, что высокий уровень описываемых характеристик имеет также высокий процент испытуемых с разницей в 6%.

По методике «Социометрия» результаты были распределены по соответствующим статусам: звезда, предпочитаемый, нейтральный, отвергнутый и изгой. Так, к первому из описанных относится 12 респондентов (30%). Второй статус имеют 6 учащихся (15%), третий – 8 подростков (20%). К статусам «отвергнутый» и «изгой» относится 8 (20%) и 6 (15%) подростков соответственно. Таким образом, в группе испытуемых преобладает статус «звезда». Статусы «нейтральный» и «отвергнутый» распределены между участниками в одинаковом количестве.

Таблица 2 – Распределение результатов по методике «Социометрия»
Дж. Морено

Количество участников (%)	Статус
12 (30%)	Звезда
6 (16%)	Предпочитаемый
8 (20%)	Нейтральный
8 (20%)	Отвергнутый
6 (15%)	Изгой

Вторым этапом нашего исследования было сопоставление полученных результатов по обеим методикам. Так, группу испытуемых составили 13 подростков с высоким индексом агрессивности. Нами было выявлено, что в данной группе подростков социальные позиции распределены следующим образом: статусом «звезда» обладает 2 подростка (15,5%), «предпочитаемый» относится к 2 учащимся (15,5%), нейтралитет занимают 2 испытуемых (15,5%) и статусы «отвергнутый» и «изгой» занимает 4 (30,5%) и 3 (23%) респондента соответственно. Так, нами было отмечено, что подростки, которые обладают агрессивными реакциями, в своем большинстве занимают социальные позиции «отвергнутый» и «изгой». Таким образом, было выявлено, что среди 13 подростков большинство занимает социальные позиции, которые отвергаются коллективом, к ним относится 7 испытуемых (54%).

Таблица 3 – Сопоставление результатов тестирования по двум методикам

Басса-Дарки		«Звезд»	«предпочитаем»	«нейтр.»	«отверг»	«изгой»
1	Высокий уровень агрессивности	2 (15,5%)	2 (15,5%)	2 (15,5%)	4 (30,5%)	3 (23%)

Исследование позволило установить, что большая часть высокоагрессивных подростков обладает статусами «отвергнутый» и «изгой». Респонденты, которые относятся к этой категории, имеют высокие показатели по шкалам «раздражительность», «вербальная агрессия», «подозрительность» и «обида». Так, можно сделать вывод о том, что подростки, которым свойственно проявлять враждебность и агрессивные реакции в коллективе, которые проявляются в речевых оскорблениях, недоверии к окружающим, выражении неадекватных реакций на повседневные ситуации и переживании обиды на ситуации, которые не являются критическими, занимают такие социальные позиции, которые не принимаются в классе.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что действительно существует взаимосвязь социальной позиции со склонностью к агрессивному поведению. Так, учитывая, что большее распределение социальных ролей у испытуемых с высоким уровнем агрессивности приходится на статусы «отвергнутый» и «изгой», то можно сделать вывод о том, в системе неформального общения высокая степень агрессивности затрудняет процесс межличностного взаимодействия и снижает межличностный социальный статус. В коллективе не принимаются подростки, которые склонны к оскорблениям окружающих, раздражению на обыденные ситуации, недоверию и чрезмерной обиде.

Важно отметить, что для коррекции агрессивного и враждебного поведения нужно применять результативные методы профилактики. К ним могут относиться коррекционные программы, которые себя зарекомендовали; классные часы и круглые столы, организованные психологом; педагогические советы,

направленные на просвещение классных руководителей о продуктивной коммуникации с подростками, родительские собрания.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы психологии в образовании: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 2–4 апреля 2012 г. / отв. ред. И. А. Синкевич. – Мурманск: Изд-во МГГУ, 2013. – Т. 2. – С. 177–179.
2. Балашова, И. Г. Влияние личностных особенностей на характер социализации подростков в группе сверстников / И. Г. Балашова // Актуальные проблемы психологии, этнопсихологии и фоносемантики на рубеже столетий: Материалы и тезисы научно-практической конференции. – Пенза, 1999. – С. 23–24.
3. Банькина, С. В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития / С. В. Банькина // Современная конфликтология в контексте культуры мира / под ред. Е.И. Степанова. – М.: УРСС, 2001. – С. 373–394.
4. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург: Питер. – 2009. – 400 с.
5. Бурменская, Г. В. Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей / Г. В. Бурменская, О. А. Карабанова, А. Г. Лидерс. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
6. Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Социология: Краткий курс / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 231 с.
7. Казанцева, Е. В. Оценка степени осознанности студентов с наличием склонности к аддиктивному поведению / Е. В. Казанцева, О. А. Холина, А. Е. Москаленко // Психолог. – 2019. – № 5. – С. 1–10.
8. Кравченко, А. И. Социология: Общий курс / А. И. Кравченко: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002. – 640 с.
9. Лебедева, Е. И. Психология изменений и изменчивый мир подростка в групповой работе / Е. И. Лебедева // Журнал практического психолога. – 2006. – № 2.
10. Морено, Я. Л. Социометрия / Я. Л. Морено. – М., 1958.
11. Петрова, Е. Г. Сравнительное исследование психологических особенностей подростков, употребляющих и не употребляющих наркотические вещества / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Европейский журнал социальных наук. – 2017. – № 3. – С. 499–508.

12. Психологические тесты для профессионалов / авт.-сост Н. Ф. Гребень. – Минск: Современ. Школа, 2007. – 496 с.
13. Социальная психология: учебное пособие / под ред. А.Л. Журавлева. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 351 с.
14. Холина, О. А. Психотерапевтический потенциал и основные возможности медитативных практик в работе с аддиктивным поведением / О. А. Холина, Е. В. Казанцева, Е. Г. Петрова. – 2019. – № 3. – С. 15–28.

Макаров А.В.,
канд. филол. наук, доц.
ТИ имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ);
Усатова А.А.,
студентка
ТИ имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ)

ВАНДАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В данной статье рассматривается вандализм как социально-психологическая проблема, а также дается характеристика лицам, склонным к вандализму, изучены мотивы проявлений деструктивного девиантного поведения людей в форме вандалистских деяний и их объективных признаков, описываемых в российских и зарубежных исследованиях.

Ключевые слова: вандализм, вандалы, склонность к вандализму, формы вандализма, профилактика вандализма, вандализм как преступление, сущность вандализма.

Makarov A.V.,
Candidate of Philology, Assoc.
A.P. Chekhov TI (branch)
RSEU (RINH);
Usatova A.A.,
student
A.P. Chekhov TI (branch)
RSEU (RINH)

VANDALISM AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEM

Annotation. This article examines vandalism as a socio-psychological problem, and also characterizes persons prone to vandalism, examines the motives of

manifestations of destructive deviant behavior of people in the form of vandalistic acts and their objective signs described in Russian and foreign studies.

Key words: vandalism, vandals, propensity to vandalism, forms of vandalism, prevention of vandalism, vandalism as a crime, the essence of vandalism.

В социально-психологических исследованиях вандализм обычно рассматривается как одна из форм преступности несовершеннолетних. Рост вандализма обычно объясняют признаком морального кризиса. В последнее время тема вандализма как социального феномена стала особенно актуальной и исследуется в научных работах, посвященных отдельным его проявлениям [1–3]. В данной статье будут подробно рассмотрены понятие вандализма, формы его проявления, степень распространенности среди разных слоев населения, их социально-психологические характеристики и мотивы поведения, а также способы предотвращения вандализма среди молодежи.

Известно, что термин «вандализм», распространенный в современной литературе, происходит от названия древнегерманского племени, вторгшегося в Рим в 455 г. [4]. Позже этот термин стал нарицательным и начал обозначать жестокость, зверство, низкий уровень социального развития, бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей [5–6]. До 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации не трактовал вандализм как действия, имеющие преступный характер. Современная отечественная юриспруденция определяет этот термин как «осквернение зданий и других сооружений, порча имущества на общественном транспорте и в других общественных местах» [7]. Рассматриваемое явление, как правило, рассматривается специалистами с точки зрения мотивов, характера явления, возрастной группы, количества участников и др.

Вандализм можно интерпретировать более обширно, если принять во внимание исследования в области социальной психологии [8]. Ученые выявили широкий спектр деструктивных форм поведения: от замусоривания и вытаптывания газона до грабежей, мародерства и беспорядков. Вандализм также широко распространен среди детей и подростков, акт вандализма может совершаться в виде мести конкретному лицу или даже в игровой форме [9]. В связи с соци-

альной нестабильностью в России растет число различных форм хулиганства и вандализма. В Санкт-Петербурге убытки от повреждения и кражи телефонов в 1991 г. увеличились в четыре раза по сравнению с 1989 годом [10]; в 1992 г. было украдено и подверглось вандализму 12360 мягких кресел, 73800 диванов, 251000 тыс. км метров обшивки и 49800 квадратных метров стекла [11]. По одной из оценок, в г. Санкт-Петербурге 30% затрат на ремонт жилья и общественных зданий приходится на вандализм. Оценка ущерба возрастает еще больше, когда учитываются косвенные экономические потери.

Указанные разрушения и мародерство могут вызвать изменения в городской среде и повлиять на эмоциональное благополучие людей. В районе, полном грязи, битого стекла, грубых надписей и рисунков на домах, люди чувствуют признаки опасности на улицах, социальной деградации и потери контроля над ситуацией и испытывают чувство страха и уязвимости.

Исследователи предполагают, что деградация среды меняет идентификацию личности, создавая ассоциации с низким социальным статусом [12]. Люди, чье имущество подверглось разрушениям со стороны вандалов, испытывают повышенный страх оказаться жертвой насильственных преступлений [13]. Добавим, что у жертв подобных преступных действий возникает также желание отомстить и усиливается подозрительность и враждебность по отношению к молодежи в целом.

Многочисленные опросы и статистика показывают, что большинство актов вандализма совершается молодыми людьми в возрасте до 25 лет [14]. Согласно выборочным опросам подростков, пик вандализма приходится на возраст от 11 до 13 лет [15–16]. Вандалы, как правило, совершают разрушения в той местности, где они живут [17, 13]. Важной характеристикой вандализма среди несовершеннолетних является наличие соучастников [18]. Обычно в такую преступную группу входит 3–4 человека одного возраста или с разницей в несколько лет. Вандализм занимает заметное место среди преступной деятельности подростков в возрасте от 13 до 17 лет в целом.

Вандализм часто сопровождается другими, более серьезными правонарушениями. По данным Д. Эллиота, 53% вандалов совершили не менее трех правонарушений, относящихся к более тяжким преступлениям. Л. Шеннон провел ретроспективный анализ событий, связанных с актами вандализма среди несовершеннолетних с судимостью. Его исследование показало, что те, кого полиция арестовывала за вандализм в возрасте от 6 до 17 лет, имели более серьезную криминальную историю по достижении 21 года.

Интересен тот факт, что в сознании общественности существует определенный стереотип о подростках-вандалах. Они представляются как примитивные существа с психическими и интеллектуальными дефектами. Эти характеристики связаны с низким социальным статусом семьи. Результаты проведенных исследований не подтверждают этот образ. Ученые не подтверждают наличия корреляции между склонностью к вандализму у подростков и их принадлежностью к определенному социальному классу, расе, национальности. Исследование вандализма среди детей начальной школы показало, что подростки, занимающиеся вандализмом, не отличаются от других по характеристикам личностной дезадаптации. В частности, они не отличались по уровню оптимизма-пессимизма или самооценки, по уровню самоуважения. Интеллект молодых людей был таким же, как у их сверстников, но их уровень успеваемости в школе был намного ниже. Именно успеваемость, а не социальный класс является предикатом возможных девиаций в поведении молодежи, включая деструктивное поведение. Конфликты с родителями и школьными учителями, наличие друзей, которые часто что-то ломают или разрушают, также являются важными факторами вандализма.

В обществе принято считать, что вандализм – это бессмысленное и беспощадное уничтожение чужого имущества, не имеющее мотива, по принципу «сделать, чтобы было». Однако, по мнению исследователей, следует выделять несколько типов мотивов вандализма. Рассмотрим классификацию Д. Кантера [19], который рассматривает следующие причины, влияющие на развитие склонности к вандализму.

1. Гнев. Деструктивное поведение вызвано чувством раздражения, переживанием невозможности достичь чего-то, а также может быть попыткой справиться со стрессом.

2. Скука. Мотивацией является поиск новых впечатлений, ощущений, связанных с запретным и опасным опытом.

3. Исследование. В этом случае цель разрушения носит познавательный характер. В частности, причиной вандализма детей может быть любопытство и желание понять, как работает система.

4. Эстетическое переживание. Наблюдение за физическим процессом разрушения создает новые визуальные структуры, сопровождаемые звуками, которые кажутся приятными.

5. Экзистенциальное исследование. Кантер объясняет, что акты вандализма могут служить средством самоутверждения, исследованием своей способности влиять на общество и способом привлечь к себе внимание.

В рамках изучения данной проблемы было проведено анкетирование среди представителей молодежи г. Таганрога в возрасте от 16 до 25 лет в количестве 50 человек. Анкета включала 5 вопросов о трактовке понятия «вандализм», знакомстве с проявлениями вандализма, причинах вандализма, возможности обсуждения данной проблемы в ближайшем окружении респондента, отношении к стрит-арту.

Анализируя результаты проведенной работы, отметим, что на вопрос о том, что представляет из себя вандализм, из 50 участников только 70% (35 человек) ответили, что знают о вандализме. 20% (10 человек) подчеркнули, что встречали случаи порчи сидений в общественном транспорте, замечали нецензурные выражения в кабинах лифтов, подъездах. Всего лишь 10% (5 респондентов) ответили на вопрос о причинах вандализма. Получается, что остальные 90% (40 человек) вообще не интересуются изучаемой проблемой. В отношении стрит-арта ответы распределились следующим образом: 60% (30 человек) не считают граффити видом современного искусства, однако 40% (20 человек) отмечают, что такие рисунки могут быть уместны в отдельных случаях.

На вопрос об обсуждении темы вандализма в образовательных организациях и с родителями 76% (38 участников) ответили, что беседы о недопустимости порчи или использования надписей на стенах зданий, подъездах, в лифтах проводились родителями и в школе, но при этом не разъяснялось, что данные действия являются вандализмом, которое может с 14 лет являться уголовно-наказуемым деянием. В университетской среде подобные беседы также проводятся на уровне индивидуально-профилактических бесед.

Исходя из результатов проведенного анкетирования, можно сделать вывод о том, лица, занимающиеся вандализмом, не имеют четко сформированных представлений о правовой культуре, поэтому необходимо уделять внимание культурному развитию личности с раннего возраста. Несмотря на интерес, проявленный социальными психологами и социологами в данной проблеме, значительных теоретических достижений не наблюдается. Ни исследования агрессии, ни криминологические, ни работы в области девиантного поведения не привели к каким-либо развернутым концепциям вандализма, сопровождающимся последовательной эмпирической проверкой.

Обычно вандализм рассматривается как разновидность подростковой делинквентности. Этот подход не объясняет всех форм данного явления. Создание целостного образа данного феномена требует более широких обобщений и междисциплинарных исследований. Усиление вандализма обычно рассматривается как симптом кризиса нравственности. Конкретные морально-психологические механизмы совершения разрушений и та особая структура этических представлений личности, которая к ним приводит, могли бы стать предметом эмпирического изучения.

Говоря о возможностях профилактики, специалисты отмечают, что вандализм влечет за собой значительные экономические, материальные и социальные последствия. Существует две стратегии борьбы с этим социальным явлением. Первая – активизация усилий по устранению возможностей разрушения. Вторая связана с влиянием на отношение и мотивацию тех, кто хочет совершить акт вандализма. Показательно, что возникновение первого повреждения

резко повышает вероятность возникновения последующей порчи объекта, поэтому как естественные, так и искусственные дефекты должны быть немедленно устранены. Рекомендуется оградить уязвимые объекты от потенциальных вандалов, используя замки, заборы, перила и оконные решетки. Необходимо обратить внимание на деревья, с помощью которых можно пробраться в окна зданий, сократить количество растений, мешающих обзору и наблюдению за объектами, и увеличить освещение улиц и территорий.

Эффективность представляет тактика, включающая как формальный контроль (охранники, патрули, дежурные), так и поощрение неформального контроля (участие прохожих, персонала объекта). Наказание за вандализм может включать штрафы, исключение из образовательной организации и уголовное преследование. Многочисленные исследования показали, что акцент на санкциях часто приводит к ответному росту деструктивного поведения и агрессии, активизируя ценности силы, протеста и неповиновения. Ограничение карательных мер и поддержка желательного поведения могут уменьшить деструктивное поведение [20]. Отдельный вопрос представляет перенесение возможных деструктивных действий в просоциальное русло. Речь может идти о создании специальных досок для граффити или привлечении дизайнеров для оформления улиц и мест отдыха молодежи. Исследователи обнаружили, что четкая локализация игровых площадок может помочь снизить ущерб. Важным способом снижения ущерба является информирование людей о возможных альтернативных вариантах поведения. Например, грубые удары по телефону, вызванные раздражением от поломки, можно предотвратить, указав адрес организации, куда можно сообщить о неисправности [21].

Осознание социальных норм поведения или изменение устоявшихся деструктивных мотивов и установок – серьезная социально-психологическая и педагогическая проблема, связанные с необходимостью повышения психологической культуры личности и необходимостью повышения роли семьи в решении социальных проблем. Возможно, информирование потенциальных вандалов о стоимости и последствиях разрушительных действий будет способство-

вать повышению чувства социальной ответственности. Отдельный вопрос связан с формами профилактической работы по борьбе с вандализмом в условиях образовательной организации.

Не секрет, что в течение последних десятилетий резко возросло число преступлений, связанных с массовыми разрушениями и порчей имущества в общественных местах. Разрушение зданий, вандализм в лифтах, порча скамеек в парках, вырезание сидений в общественном транспорте – это далеко не полный перечень проявления вандализма. Подростки в юном возрасте, не получившие достаточного культурного развития и образования, не могут в полной мере осознавать преступность своих действий, отраженных, например, в непристойных текстах и изображениях, и, кроме того, не могут предвидеть, что их действия оскорбят религиозные, национальные или политические чувства. Согласно выборочным опросам несовершеннолетних, проведенным специалистами, пик деструктивного поведения приходится на возраст от 11 до 14 лет. Вероятность вандализма среди детей школьного возраста значительно снизится, если они будут иметь высокий уровень учебной мотивации, заниматься спортом и интересоваться общественной деятельностью. Поэтому меры, направленные на усиление учебной мотивации обучающихся, являются важным фактором эффективной профилактики деструктивного поведения в подростковом возрасте. Важно уже на ранних стадиях проявления разрушительного поведения детей понять их мотивацию, своевременно устранить причины подобных поступков и провести разъяснительную беседу.

Библиографический список

1. Седнев, В. Надписи и рисунки в общественном транспорте / В. Седнев // Философская и социологическая мысль. – 1993. – № 1. – С. 170–173.
2. Скороходова, А. С. Граффити: значение, мотивы, восприятие / А. С. Скороходова // Психологический журнал. – 1998. – № 1. – С. 144–164.
3. Руденко, В. Н. Политическое граффити / В. Н. Руденко // Социологические исследования. 1997. – № 10. – С. 50–55.
4. Прокопия Кесарийского история войн римлян с вандалами // Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готами [Электрон-

ный ресурс]/ – Режим доступа: http://historyfiction.ru/books/all_1/region_124_1/section_1_1/book_570/ [Дата обращения: 02.12.2022].

5. Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 600 с.
6. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.Н. Скуратова и В.М. Лебедева: 2-е изд. – М.: Инфра; М-Норма, 1997. – 814 с.
8. Goldstein A. The psychology of vandalism. – New York: Plenum Press, 1996
9. Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings // *Vandalism* / Ed. by C. Ward. London: The Architectural Press, 1973.
10. Ложко, А. Как защитить Петербург / А. Ложко. // *Невское время*. – 1992. – № 35. – С. 17.
11. Паристый, И. Школа выживания. А пассажиры – все / И. Паристый // *Аргументы и факты*. – 1992. – № 45–46. – С. 23.
12. Reade E. Household movement and social control // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
13. Donnermeyer J.F., Phillips G.H. Vandals and vandalism in the USA // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
14. Mawby R.I. Perception of vandalism in residential areas // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
15. Elliott D. et al. Multiple problem youth. New York: Springer-Verlag, 1988.
16. Le Blanc M., Freshette M. Male criminal activity from childhood through youth. New York: Springer-Verlag, 1988.
17. Kube E., Shuster L. Le vandalisme en milieu urbain // *Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique*. – 1985. – No. 2.
18. Wiesenthal D.L. Psychological aspects of vandalism // *European Perspectives in Psychology* / Ed. by P. Drenth, et al. – 1990. – No. 3.
19. Le Blanc M., Freshette M. Male criminal activity from childhood through youth. New York: Springer-Verlag, 1988.
20. Brewer D.D., Miller M.L. Bombing and burning: The social organization and values of hip hop graffiti writers and implications for policy // *Deviant Behavior*. – 1990. – V. 11. – No. 4.
21. Moser G. Everyday vandalism // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

Мищенко В. И.,
зав. лабораторией
практической и экспериментальной психологии,
доцент кафедры психологии
Таганрогского института имени А.П. Чехова,
г. Таганрог

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения аддиктивного поведения как своеобразный неконструктивный ответ на ситуацию кризиса, в которую попадает личность.

Ключевые слова: зависимость, кризис, деструктивное поведение, наркотизация, алкоголизм.

Mishchenko V. I.,
Head. laboratory of practical
and experimental psychology, associate Professor
Taganrog Institute named after Chekhov
(Rostov State Economics University)

ADDICTIVE PERSONALITY BEHAVIOR AS A PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISM IN CRISIS PERIODS OF LIFE

Annotation. The article deals with the problem of the emergence of addictive behavior as a kind of non-constructive response to a crisis situation in which a person finds himself.

Key words: addiction, crisis, destructive behavior, drug addiction, alcoholism.

Кризис (от греч. «krisis» – решение, поворотный пункт, исход) – переломный момент, тяжелое переходное состояние, обострение, опасное неустойчивое состояние. В психологии кризисом называется «тяжелое состояние, вызванное какой-либо причиной или как резкое изменение статусов персональной жизни» [4].

Психологический кризис – это некий рубеж на жизненном пути, на котором старые, привычные модели поведения и мышления уже утратили свою эффективность, а новые еще не выработались и не усвоены или человек встречается с новыми задачами, для которых моделей поведения и мышления у него

просто нет. Кризис – это разрыв нормального течения жизни. Разрыв появляется внезапно и с такой необычайной интенсивностью, будто кажется, что жизнь находится в опасности до тех пор, пока продолжается кризис. Весь вопрос не в том, что кризис возник и начинает личностью переживаться, а в том, какие пути выхода из кризиса эта личность видит и начинает использовать. В человеке, как и в любой развивающейся системе, заложен принцип и механизм развития через прохождение кризисов, в каждом из которых у него появляется возможность получить определенное новообразование, необходимое или полезное для дальнейшей жизни.

Кризис характеризуется состоянием дезорганизации на психологическом уровне и дезадаптации на социальном, часто сопровождается острыми внешними и внутренними конфликтами и субъективной неудовлетворенностью собой, своей жизнью, а иногда и миром в целом. Субъективно, кризис обычно оценивается как негативное и нежелательное состояние. Всё это порождает негативное эмоциональное состояние, напряжение, человек испытывает дистресс, всё это в свою очередь вызывает дискомфорт, от которого личность пытается избавиться различными способами.

Зачастую «неразрешенная внутренняя проблема может привести к использованию «заместителей» неудовлетворенных потребностей. Поэтому зависимости можно назвать также компенсаторным поведением или неадекватной формой защиты личности» [3].

И здесь мы говорим о роли психологической защиты – «любой из психологических реакций, которую индивид усваивает и использует на неосознаваемой основе, чтобы защитить свое «Я» от тревоги, конфликта, чувства вины, стыда и т. д.» [6, 133].

«Человек переходит от эпизодического и немотивированного потребления психоактивных веществ (далее – ПАВ) мотивированному, частому и регулярному одновременно, с переживанием какого-либо кризисного периода, требующего трансформации системы ценностей, моделей поведения, деятельности, отношений. Личность, неспособная к эффективному преодолению кризиса,

испытывает интенсивное психоэмоциональное напряжение, вызванное невозможностью удовлетворения актуальных потребностей. Редукция этого напряжения зачастую осуществляется посредством различных деструктивных форм поведения» [1, 46].

В случае запуска психологических механизмов личность становится на неконструктивный путь преодоления кризисного состояния. По Р. Лазарусу одним из типов преодолевающего поведения названа регрессия, один из ее вариантов – алкоголизм и наркомания [4].

Даже в социальных сетях неоднократно мы замечали, как в различных группах на просьбы помочь найти способ решения какой-то личностной проблемы, либо подсказать специалиста, который поможет, обязательно находятся несколько «шутников», которые в комментариях выкладывают картинки с изображением различного спиртного и подписями «лучший психотерапевт». В обыденном сознании у многих «снять напряжение» стало тождественно «немного выпить». Но, как мы знаем, привыкание к небольшим дозам алкоголя, влечет за собой постепенное увеличение его количества, и человек, сам того не замечая и не контролируя, становится зависим.

То же самое можно сказать и про употребление наркотиков: «То, что при неврозе делает защитный механизм вытеснения, при наркотической зависимости берет на себя наркотик: неприятные представления и чувства более не воспринимаются. В то же время вредное действие наркотиков (из-за их фармакологической природы) либо вообще не берется в расчет, либо вытесняется посредством психологических защитных механизмов» [2]. Оказывая воздействие на эмоционально-волевую сферу, наркотические вещества на какое-то время избавляют человека от чувства страха, а также чувства вины и стыда.

Иными словами, «стремясь уйти от реальности, люди пытаются искусственным путем изменить свое психическое состояние, что дает им иллюзию безопасности, восстановления равновесия» [7].

У личности может быть множество поводов, наводящих их на непродуктивные формы реагирования: «(неотреагированный негативный опыт разных

периодов жизни, приводящий к внутреннему дискомфорту, неспособности противостоять неудачам и трудностям, отсутствию четких ориентиров в жизни, неумению «быть взрослым» и брать ответственность за свою жизнь, невротизация личности) могут порождать различные зависимости, которые становятся инструментом ухода от дискомфортной реальности в искусственно созданный беспроблемный (хотя бы на время) мир» [3].

Типы защит, используемых аддиктами, имеют свою стадияльную обусловленность. На ранней стадии применяются минимизация, рационализация и интеллектуализация. Далее, по мере прогрессирования аддикции, включаются более примитивные и ригидные защиты: проекция и отрицание. Они есть результат расщепления Эго и искажения внешней реальности. «Таким защитам свойственна интрузивность. Они угрожают межличностным границам, заставляя других принимать на себя те чувства, которые они испытывают, но не могут признать. Если личностное Я постоянно находится под строгим самоконтролем (характерная черта личности склонной к аддиктивному поведению), то проекция является основой чрезмерного морализирования, ханжества, педантизма по отношению к окружающим и влечет за собой формирование презрения и недоверия к другим людям, с одной стороны, и страх перед ними – с другой стороны. Это, в свою очередь, провоцирует у индивида враждебное восприятие окружающих и формирование оборонительных стратегий, направленных на мнимых врагов. Именно этот защитный механизм вызывает чувство одиночества, изолированности, зависти, агрессивности. Что, в свою очередь, может подтолкнуть аддикта к очередному приёму наркотика. В то же время проекция временно освобождает человека от негативных переживаний, ведь в её основе лежит механизм отчуждения собственного Я (диссимиляция), что позволяет «видеть» и воспринимать свои нежелательные личные качества в других людях, но не замечать их в себе – ещё одна черта присущая наркоманической личности [5].

Однако не надо думать, что аддикты не отдают себе отчет в иллюзорности таких способов «решения» своих проблем. По словам Дэвида М. Херста, «большие мучения им доставляют собственные защиты, с помощью которых эти люди

пытаются скрыть свою уязвимость. Аддиктивная личность защищает поврежденное и уязвимое «Я» с помощью саморазрушающих защит: отказа от реальности, утверждения собственной самодостаточности, агрессии и бравады. У аддиктивной личности формируется своеобразный субъективный внутренний мир в виде виртуальной реальности, наполненной мифами, иллюзиями, фантазиями, искажающими и фальсифицирующими действительность. За это приходится платить чувством изоляции, обеднением эмоциональной сферы, отсутствием стойких привязанностей и неустойчивостью взаимоотношений с людьми» [7].

Что же получается в итоге? «Изначально используя уход в зависимость как защитный механизм, личность постепенно «подпитывает» своей зависимостью доминирование у себя соответствующих защитных механизмов: регрессии, отрицания, вытеснения и т. д. Если первоначально аддиктивная личность старается уйти от решения проблем, то постепенно она вообще теряет способность к действиям» [5].

Итак, еще раз акцентируем внимание на том, что данный способ реагирования на кризис является непродуктивным, даже деструктивным. Личность не понимает и не принимает тот факт, что кризис – это возможность трансформаций, роста, переосмысления, экзистенциального перерождения. Правда, всё это требует серьезной, долгой внутренней работы. А уход в аддикцию не поможет сформировать новые адаптивные формы поведения, выйти на новый уровень жизнедеятельности. Напротив, аддиктивный способ реагирования – это не преодоление кризиса, а лишь иллюзия этого, это путь не к развитию, а к деградации.

Библиографический список

1. Бовин, Б. Г., Пугачева, В. В., Бондарь, Е. А. Психологические защиты и их роль в реабилитации аддикций осужденных / Б. Г. Бовин, В. В. Пугачева, Е. А. Бондарь // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – № 7 (242). – С. 46–55.
2. Куттер, П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов / П. Куттер. – Режим доступа. <https://bookap.info/psyanaliz/-kutter/gl27.shtm> [Дата обращения: 30.11.22].

3. Мищенко, В. И. Аддикция как форма виктимного поведения / В. И. Мищенко // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: материалы I Региональной научно-практической конференции, 2018. – С. 31–34.
4. Осипова, А. А. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях / А. А. Осипова. – Ростов н/Д., 2006. – 315 с.
5. Павлюковец, Е. В. Взаимосвязь аддиктивного поведения и механизмов психологической защиты личности [Электронный ресурс] / Е. В. Павлюковец // Седьмая волна психологии. Вып. 6 / под ред. В.В. Козлова, Н.А. Качановой. – Ярославль, Минск: МАПН, ЯрГУ, 2009. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2629348-p28.html> [Дата обращения: 29.11.22].
6. Свенцицкий, А. Л. Краткий психологический словарь / А. Л. Свенцицкий. – М.: Изд-во Проспект, 2008. – 512 с.
7. Соловьева, С. Л. Аддиктивное поведение как способ компенсации эмоционального дефицита / С. Л. Соловьева [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2009. – № 1. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2009-1-1/nomer/nomer18.php [Дата обращения: 29.11.22].

Петрова Е.Г.,
канд. филол. наук, доц.
ТИ имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ);
Смоленская А.М.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ литературы отечественных и зарубежных ученых по проблеме изучения агрессивного поведения у девиантных подростков.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, девиантное поведение, личностные черты, отклоняющееся поведение, подростковый возраст.

Petrova E.G.,
Candidate of Philology, Assoc.

A.P. Chekhov TI (branch)
RSEU (RINH);
Smolenskaya A.M.,
Master's student
Chekhov Institute of Technical Sciences (branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution "RSEU (RINH)"
Taganrog

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN DEVIANT ADOLESCENTS

Annotation. The article presents a theoretical analysis of the literature of domestic and foreign scientists on the problem of studying aggressive behavior in deviant adolescents.

Key words: aggression, aggressive behavior, deviant behavior, personality traits, deviant behavior, adolescence.

Всё чаще в информационных источниках сообщают об агрессивных проявлениях детей школьного возраста по отношению и к своим сверстникам, и к людям значительно старшего возраста. Статистика отражает как общее увеличение правонарушений, совершенных несовершеннолетними, так и количество тяжких преступлений в этой возрастной группе.

Для различных форм отклоняющегося поведения характерны общие свойства, являющиеся главным критерием принадлежности к группе девиаций. Одним из таких существенных признаков считается деструктивность – разрушительность, которая в свою очередь тесно связана с агрессией [7].

Подростки, для которых характерна асоциальная агрессия, значительно отличаются от своих ровесников, более успешных в социальной сфере. Они значительно чаще и более непосредственно проявляют агрессию. Агрессивные несовершеннолетние, нарушающие общественные законы и нормы не доверяют окружающим и всячески стараются не попасть в «сети» эмоциональной зависимости. Для них не характерно доброжелательное отношение к сверстникам, они не чувствуют вину за агрессивное поведение [3].

В результате своих действий девиантные подростки лишаются привязанностей и становятся объектом жесткого контроля представителей власти и социальных работников, к которым также не испытывают ни уважения, ни доверия [5].

В момент агрессивного поведения у девиантных подростков могут присутствовать следующие бессознательные мотивы:

- немедленное удовлетворение желаний;
- ждущее разрядку переживание агрессии и бессильного гнева;
- обида, требующая мести;
- зависть, побуждающая к восстановлению «справедливости»;
- стремление сохранять дистанцию и недоверие;
- фантазия всемогущества и величия [2].

Вовлеченный в девиантное поведение подросток невольно усваивает и разделяет отрицательное отношение общества к своим поступкам и как следствие к себе, а это способствует снижению самоуважения у несовершеннолетнего. В связи с этим возникает рост антисоциального поведения, таким образом, несовершеннолетний пытается повысить свой психологический статус у сверстников, найти способы самоутверждения, которых у него не было ни в семье, ни в школе [6].

Агрессивное поведение подростков нередко связано с таким проявлением девиантного поведения, как алкоголизация. Для некоторых подростков участие в драках, утверждение себя с помощью кулаков является устоявшейся линией поведения. Следует отметить, что существует тенденция снижения возраста участников агрессивных действий и все чаще встречаются случаи агрессивного поведения у девочек. При этом необходимо учитывать, что у девочек, сильнее, чем у мальчиков выражена тенденция к скрытой агрессии [5].

Доктор медицинских наук, Ю.Б. Можгинский в своих трудах выделяет два типа патологической агрессии: трансформированную и психотическую. Психотическая возникает под действием бреда и галлюцинаций. Такая агрессия характеризуется нелепостью разрушительных поступков. При трансформиро-

ванной агрессии первоначально поведение адекватно сложившейся ситуации, однако в какой – то момент, словно по щелчку, трансформируется в агрессивно – патологические действия с наличием немотивированного садистского насилия. Такой вид агрессии часто является патологической компенсацией комплекса обиды и ущербности, и возникает в результате наличия длительного стресса и кризиса у индивидуума [7].

Согласно данным Юрия Борисовича, среди подростков, совершивших жестокие действия – 82% здоровы, 12% невменяемы (наличие патологической агрессии). Из последних 6% совершили деяния под влиянием галлюцинаций и бреда (психотическая агрессия) и 6% проявили трансформированную агрессию.

В последнее десятилетие, как за рубежом, так и в нашей стране исследователи стали придерживаться идеи о том, что агрессивность подростка оказывает большое влияние на его социальное развитие и накладывает отпечаток в дальнейшем, имея отголоски во взрослой жизни индивидуума.

Исследования школьников в возрасте 10–15 лет, проведенные в Швеции, отразили взаимосвязь подростковой агрессивности с осуществлением правонарушений. Мальчики, для которых характерна агрессивность, совершали больше антисоциальных действий и правонарушений [7].

В некоторых случаях, агрессивные деяния несовершеннолетних, попадающие под наблюдение правоохранительных органов, являются причиной подросткового кризиса, о чем мы расскажем более подробно в следующей главе. В таких случаях, раслад личности включает в себя болезненное отношение к восприятию собственного я окружающими людьми, несоответствие чужим идеалам и представлениям, чувство одиночества и ощущение утраты целостности внутреннего мира – все это соответствует формированию агрессивных тенденций у несовершеннолетнего.

Рассматривая особенности подростковой агрессии, необходимо помнить о том, что несовершеннолетний растет в семье, которая выступает главным фактором социализации подростка. К сожалению, как показывает практика, она

же является и основополагающим примером агрессивного поведения для ребенка [1, 2].

Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, патология общения в раннем возрасте способствует формированию насильственной и хулиганской мотивации. Английский психиатр Д.Б. Боулби, наблюдая за детьми, лишенными материнской любви, пришел к выводу, что данный фактор оказывает деформирующее воздействие на ребенка. Это ведет к нервному напряжению, срывам в поведении и росту агрессии.

Многочисленные исследования ученых позволяют сделать вывод, что зачастую агрессивное поведение подростков является следствием «особых» взаимоотношений между членами этой семьи. Данная взаимосвязь описывается психологами, как «цикл насилия». Несовершеннолетние воссоздают те виды взаимоотношений, которые наблюдают внутри семьи между родителями. Выясняя отношения с сестрами и братьями, подростки воссоздают родительскую тактику разрешения конфликтных ситуаций.

Установлен факт того, что жестокое обращение по отношению к ребенку не только повышает агрессивность его поведения при общении со сверстниками, но и формирует склонность к насилию по мере взросления, превращая агрессивные тенденции в жизненный стиль [4, 10].

Агрессивное поведение девиантных подростков зачастую не оставляет без внимания и образовательный процесс. В школе такие несовершеннолетние не только осуществляют вербальные нападки по отношению к другим обучающимся, но и применяют психологическое давление: угрозы, ругань, шантаж (основанный на угрозе рассказать о каком-либо проступке в случае невыполнения требований), вымогательство [8].

В своих научных работах Соловьёв Д.Н. рассматривает такое отрицательное явление в подростковой среде, как «травля». Для инициаторов травли характерны:

- а) повышенная активность, желание занять роль лидера в классе;
- б) агрессия, необходимость найти слабую жертву и за счет нее самоутверждаться;
- в) стремление быть в центре внимания любой ценой;

г) отношение к окружающим с чувством личного превосходства;

д) отсутствие соперничества к остальным, неумение ставить себя на место других [8].

Помимо вышеперечисленных явлений в образовательной среде у девиантных подростков может наблюдаться безразличие к образовательному процессу и авторитету педагогов, яркое проявление негативизма при выполнении школьных требований, выражение протеста и порча школьного имущества.

К личностным характеристикам девиантных подростков с агрессивным поведением относят: скудность ценностных ориентаций и их примитивность, отсутствие интересов и увлечений. Как правило, у таких детей наблюдается повышенная внушаемость и низкий уровень интеллектуального развития. В эмоциональной сфере, по отношению к окружающим, преобладает грубость и озлобленность. У таких несовершеннолетних наблюдается либо максимально отрицательная, либо максимально положительная самооценка, повышенная тревожность, доминирование защитных механизмов над другими механизмами, отвечающими за поведение индивидуума. Несмотря на это, среди девиантных подростков встречаются хорошо интеллектуально и социально развитые несовершеннолетние. Для таких детей проявление агрессии выступает как способ самоутверждения, поднятия престижа и демонстрации взрослости [2].

Таким образом, агрессия рассматривается, как форма поведения, проявляющаяся в актах враждебности, оскорблениях или причинении вреда индивидууму или объекту. Вовлеченный в девиантное поведение подросток приобщается к социально неодобряемому образу жизни и для него становятся характерны противоправные действия, нередко носящие агрессивный характер.

Библиографический список

1. Агрессия у детей и подростков [Текст]: учебное пособие / ред. Н.М. Платонова. – СПб.: Речь, 2006. – 336 с.
2. Зимелева, З.А. Психологические условия возникновения и коррекции агрессивного поведения подростков [Текст] / З.А. Зимелева. – М.: Наука, 2002. – 149 с.

3. Зотова, О.И. Проблемы отклоняющегося поведения. Психологические проблемы социальной регуляции поведения [Текст] / О.И. Зотова. – М.: Наука, 2010. – С. 343–365.
4. Ипатов, А.В. Подросток: от саморазрушения к саморазвитию [Текст] / А.В. Ипатов. – М.: Речь, 2011. – 112 с.
5. Каминер, А.М., Майорова, Е.А. Психолого-педагогические аспекты агрессивного поведения подростков и молодежи [Текст]: учебное пособие / А.М. Каминер, Е.А. Майорова. – М.: АПК и ПРО, 2011. – 83 с.
6. Колесникова, Г.И., Байер Е.А., Харагезян, М.В. Девиантное поведение [Текст]: учебное пособие / Г.И. Колесникова, Е.А. Байер, М.В. Харагезян. – М.: Феникс, 2007. – 218 с.
7. Можгинский, Ю. Б. Агрессивность детей и подростков [Текст] / Ю.Б. Можгинский. – М.: Когито-Центр, 2006. – 184 с.
8. Платонов, Ю.П. Психология конфликтного поведения [Текст] / Ю.П. Платонов. – М.: Речь, 2009. – 544 с.
9. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в "группу риска" по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова, О.А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149. – EDN YNLCVX.
10. Холина, О. А. Феномен агрессивного поведения в студенческой среде / О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2015. – № 2. – С. 298–302. – EDN UDQZKZ.

Петрова Е.Г.,
канд. филол. наук, доц.
ТИ имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ);
Смоленская А.М.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье представлено практическое исследование по проблеме изучения агрессивного поведения у девиантных подростков.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, девиантное поведение, личностные черты, отклоняющееся поведение, подростковый возраст.

Petrova E.G.

Candidate of Philology, Assoc.

A.P. Chekhov TI (branch)

RSEU (RINH);

Smolenskaya A.M.,

Master's student

Chekhov Institute of Technical Sciences (branch)

of the Federal State Budgetary Educational Institution "RSEU (RINH)"

Taganrog

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN DEVIANT ADOLESCENTS

Annotation. The article presents a practical study on the problem of studying aggressive behavior in deviant adolescents.

Key words: aggression, aggressive behavior, deviant behavior, personality traits, deviant behavior, adolescence.

В юридической психологии особое внимание уделяется агрессивности несовершеннолетних. Связанно это прежде всего с тем, что такое поведение является «благоприятной почвой» для возникновения и развития подростковой преступности. От решения данной проблематики зависит не только формирование и развитие подрастающего поколения, но и охрана жизни и здоровья граждан, а значит и судьба государства в целом.

Зачастую отклоняющееся поведение подростка является следствием его социальной дезадаптации, которая объективно обусловлена совокупностью определенных обстоятельств в жизни ребенка, а субъективно – особенностями его личности, ее нравственного развития, ее жизненной установки, как закономерного отражения этих обстоятельств. Имеющиеся у подростка недопонимая с родителями, проблемы в школе, отсутствие социально полезного окружения и досуга откладывают отпечаток на личности подростка, становясь причиной проблемного поведения [1].

Личность подростка – сложное единство общего и индивидуального. Общими являются особенности нервно – психической организации, закономерно-

сти протекания эмоционально – волевых и познавательных процессов, становления характера, возрастающая активность, стремление к самостоятельности и самоутверждению. Эти общие особенности психического развития подростков всегда проявляются с индивидуальным своеобразием в структуре потребностей, становлении жизненных целей, идеалов. При неучете данных особенностей, при наличии отрицательных примеров и конфликтов в семье, проявлениях лжи и равнодушия в школьном обучении и воспитании, возникают предпосылки для педагогической запущенности детей и их дальнейшего перехода в категорию «трудных» [1, 3, 4].

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют рассматривать изучение особенностей агрессивного поведения у несовершеннолетних, как важнейшую проблему современной психологии. Особую актуальность данная проблема приобретает у подростков с девиантным поведением.

Целью исследования является изучение агрессивного поведения у девиантных подростков, с помощью тестирования по опроснику Басса-Дарки для выявления агрессивных и враждебных реакций. Исследование проведено в МОБУ СОШ, общее количество респондентов составило 100 человек, в возрасте 14–15 лет. Первоначально с обучающимися провели диагностику по методике склонности к девиантному поведению (СОП) По результатам опросника были выделены контрольная и экспериментальная группы. Контрольная группа состояла из подростков, не имеющих склонности к отклоняющемуся и агрессивному поведению. Для респондентов экспериментальной группы характерно нежелание и неспособность контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций, эти ученики имеют сложности в поведении. Помимо этого, присутствует склонность реализовывать негативные эмоции непосредственно в поведении, и стремление противопоставлять собственные нормы и ценности групповым. Несовершеннолетние могут систематически нарушать общепринятые нормы поведения. Также следует отметить высокие показатели по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению,

что характеризуется склонностью к реализации различных форм аутоагрессивного поведения.

На следующем этапе исследования с контрольной и экспериментальной группами была проведена диагностика, предназначенная для выявления уровня агрессивных и враждебных реакций (Опросник Басса-Дарки).

Респонденты должны были определить насколько соответствуют их стилю поведению и образу жизни утверждения, предложенные в опроснике. Результаты данного этапа исследования представлены в таблице 1.

Ознакомившись с результатами, можно сделать вывод о наличии деструктивных тенденций в сфере субъектно-объектных отношений у респондентов экспериментальной группы. Индекс враждебности и индекс агрессивности превышают допустимую норму. У подростков наблюдается готовность к проявлению вспыльчивости и ярко выражено чувство обиды. Помимо этого, есть тенденция к негативизму.

Не смотря на одинаковые показатели экспериментальных групп по шкалам «Негативизм» и «Косвенная агрессия», индекс враждебности и агрессивности респондентов контрольной группы не превышает допустимую норму. Уровень раздражительности подростков данной группы значительно ниже по сравнению с показателями испытуемых, для которых характерно девиантное поведение. Это говорит о том, что подростки контрольной группы не готовы проявлять вспыльчивость и грубость при малейшем поводе.

Сравнивая результаты двух групп, мы можем заметить, что в группе респондентов, для которых характерно девиантное поведение, показатели агрессии (косвенной, вербальной, физической) значительно выше, нежели в контрольной группе. Индекс враждебности (включающий в себя шкалу обиды и подозрительности) и индекс агрессивности (состоящий из сочетания физической агрессии, раздражения и вербальной агрессии) не только превосходят результаты, полученные в контрольной группе, но и превышают допустимую норму.

Таблица 1 – Определение форм проявления агрессивных реакций в контрольной и экспериментальной группах

Наименование шкал	Группы	Среднее значение
Физическая агрессия	Контрольная	4
	Экспериментальная	7
Косвенная агрессия	Контрольная	8
	Экспериментальная	8
Раздражение	Контрольная	6
	Экспериментальная	10
Негативизм	Контрольная	6
	Экспериментальная	6
Подозрительность	Контрольная	4
	Экспериментальная	9
Обида	Контрольная	4
	Экспериментальная	8
Вербальная агрессия	Контрольная	6
	Экспериментальная	10
Чувство вины	Контрольная	7
	Экспериментальная	2
Враждебность	Контрольная	8
	Экспериментальная	16,5
Агрессивность	Контрольная	17,5
	Экспериментальная	25

Таким образом, мы экспериментально убедились в том, что у подростков, имеющих высокий уровень склонности к девиантному поведению, показатели по индексу враждебности и агрессивности значительно выше, чем у подростков с социально – адаптированным поведением.

Библиографический список

1. Веракса, Н.Е. Социальная психология [Текст]: учебное пособие / Н.Е. Веракса. – М.: Академия, 2018. – 240 с.
2. Ипатов, А.В. Подросток: от саморазрушения к саморазвитию [Текст] / А.В. Ипатов. – М.: Речь, 2011. – 112 с.
3. Макарычева, Г.И. Коррекция девиантного поведения [Текст] / Г.И. Макарычева. – СПб.: Речь, 2007. – 368 с.
4. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в "группу риска" по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова,

О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149. – EDN YNLCVX.

5. Холина, О. А. Феномен агрессивного поведения в студенческой среде / О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2015. – № 2. – С. 298–302. – EDN UDQZKZ.

Ракитина М.М.,
магистрант,
ТИ им.Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ВОЛОНТЕРСТВО – СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Несмотря на довольно тяжелые и нестабильные социально-экономические условия и соответствующие изменения в характере и поведении большинства людей, в современном обществе активно развивается такой социально-психологический феномен, как волонтерство. Люди различных возрастных групп и слоев населения пытаются таким способом не только помочь другим, проявляя милосердие и альтруизм, но и пытаются с помощью волонтерской деятельности удовлетворить свои потребности. Одной из таких потребностей может являться профилактика антивиталяного поведения. Благодаря сочетанию уникальных свойств и возможностей, волонтерство можно назвать социально-психологическим феноменом современности.

Ключевые слова: волонтерство, психология, альтруизм, антивиталяное поведение, взаимопомощь, нематериальные потребности.

Rakitina M.M.,
Master's student,
TI im.Chekhov (branch)
FGBOU VO "RSEU (RINH)"
Taganrog

VOLUNTEERING IS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF OUR TIME

Annotation. Despite the rather difficult and unstable socio-economic conditions, and the corresponding changes in the character and behavior of most people, such a socio-psychological phenomenon as volunteering is actively developing in modern society. People of various age groups and strata of the population are trying in this way not only to help others by showing mercy and altruism, but also try to meet their needs with the help of volunteer activities. One of these needs may be the

prevention of anti-sexual behavior. Due to the combination of unique properties and opportunities, volunteering can be called a socio-psychological phenomenon of our time.

Key words: volunteering, psychology, altruism, anti-vital behavior, mutual assistance, non-material needs.

Современные условия социально-культурной жизни отличаются высокой степенью сложности, неопределенности и противоречивости, что вызывает у людей значительное психическое, личностное и межличностное напряжение. В обществе, где подавляющее большинство людей недовольны размером заработной платы, активно набирает популярность волонтерство в различных сферах. За последние семь лет количество добровольцев в России выросло в 5 раз. Люди, которые не хотят работать за стабильную заработную плату, в некоторых случаях готовы делать это на безвозмездной основе. Студенты, люди среднего возраста и пожилые люди все чаще проводят свое свободное время, оказывая посильную помощь другим.

Волонтерство (добровольчество) – это широкий круг организованной деятельности, осуществляемой добровольно на благо широкой общественности и отдельных лиц без расчета на денежное вознаграждение.

Зачастую волонтеры получают от своей деятельности не только удовольствие, но и достаточное количество нематериальных благ. Давайте рассмотрим психологические мотивы волонтерской деятельности: людьми движет не только лишь желание помогать другим, они также пытаются закрыть таким способом свои собственные психологические потребности.

Рассмотрим общие мотивы, побуждающие людей к волонтерской деятельности. Стоит сразу сказать, что у волонтерства нет плохих и хороших мотивов, правильных и неправильных, они просто разные, субъективно-личностные.

Психологи выявили различия мотивов в зависимости от возраста. У молодежи мотив связан с желанием попробовать себя в различных сферах, у людей среднего возраста – с потребностью в самореализации, а у так называемых

«серебряных волонтеров» (людей старшего возраста) – мотив сострадания, милосердия и заботы.

Исходя из мотивов, человек сам выбирает направление волонтерской деятельности. В процессе волонтерской деятельности у каждого человека происходит поиск собственных ответов на вопросы, которые возникают в жизни.

Одним из мотивов, побуждающих людей заниматься волонтерской деятельностью, можно считать такое психологическое качество, как альтруизм. Желание помогать другим с полной самоотдачей часто противопоставляют эгоизму. Альтруизм можно рассматривать и как метод психологической защиты, подавления возникающих антивитальных потребностей человека помогающего. Альтруизм может развиваться как защитная реакция в результате осознанного подавления человеком таких качеств, как агрессия, злость, которые являются производными эгоизма.

Это еще раз подтверждает, что волонтер помогает не только другим, но и самому себе. Иногда альтруизм и эгоизм могут смешиваться в самых различных пропорциях.

Проанализировав мотивацию волонтеров, в частности тех, кто ухаживает за больными СПИДом, исследователи [1] выявили шесть побуждающих к этому причин:

1. Нравственные причины: желание действовать в соответствии с общечеловеческими ценностями и равнодушие к другим;
2. Когнитивные причины: желание лучше узнать людей или приобрести навыки;
3. Социальные причины: стать членом группы и заслужить одобрение;
4. Карьерные соображения: приобретенный опыт и контакты полезны для дальнейшего продвижения по службе;
5. Защита собственного Я: желание избавиться от чувства вины или бегство от личных проблем;
6. Повышение самооценки: укрепление чувства собственного достоинства и уверенности в себе.

Изучив приведенные выше причины, которые побуждают людей заниматься волонтерской деятельностью, можно сказать, что в первую очередь каждый человек стремится реализовать свои собственные психологические потребности.

Некоторые стремятся при помощи волонтерской деятельности скорректировать свое антивитальное поведение. Например, одинокие люди могут преодолеть чувство одиночества, почувствовать себя нужным и значимым для общества, обрести друзей и новых знакомых, получить ответную помощь и улучшить собственное самочувствие. Люди, которые испытывают чувство вины, имеют возможность компенсировать это чувство, помогая другим в выбранном направлении. Те, кто находится в стрессе и отчаянии, имеют возможность отвлечься от этих мыслей, сравнить себя с другими людьми, найти выход из стрессовой ситуации. Люди, которые не могут реализоваться в профессиональном направлении, могут изучить и попробовать новые сферы деятельности, завести полезные знакомства и др.

Волонтерская деятельность помогает повысить самооценку, что также является важным фактором профилактики антивитального и суицидального поведения.

Также общей особенностью волонтеров является личностный динамизм, когда человек, совершая значимые поступки, способен влиять на самого себя, преодолевая страхи и тревоги.

Инициатива волонтеров распространяется на любую сферу деятельности. Это может быть работа с незащищенными слоями населения, миротворчество, организация и проведение спортивных, зрелищных и культурных мероприятий, разрешение конфликтов, экологическая защита и т. д.

Человек сам выбирает, какое направление ему ближе, чем он готов и может помочь в данный момент времени. Исходя из изменения психоэмоционального состояния человека и условий его жизни, предпочтительное направление волонтерской деятельности тоже может меняться.

В последние годы государство оказывает активную поддержку волонтерскому движению, в том числе и на законодательном уровне, осознавая значимость и силу добровольной волонтерской деятельности для общества в целом и каждого человека в частности.

Волонтерство – это взаимовыгодная деятельность, так как безвозмездность оказания волонтерами помощи и услуг относится только к материальной сфере. На нематериальном социально-психологическом уровне волонтер не только поддерживает других, оказывая им посильную помощь, но и проводит огромную работу над собой, трансформируя свое сознание и подсознание, отвечая на свои собственные вопросы и находя, тем или иным образом, решения личных психологических проблем.

Учитывая сложность, противоречивость и быстротечность событий в современном обществе, волонтерство становится в той или иной степени неотъемлемой частью жизни все большего количества людей.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства). Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. N 15-ФЗ
2. Горлова, Н. И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность / Н. И. Горлова – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019.
3. Змановская, Е. В. Девиантное поведение личности и группы / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб: ПИТЕР, 2019.
4. Ильин, Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е. П. Ильин. – СПб.: ПИТЕР, 2013.
5. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб: ПИТЕР, 2011.
6. Петрова, Е. Г. Проблема формирования профессионального самосознания современной молодежи / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: мат. Всерос. научно-практич. конф. – 2017. – № 5. – С. 177–179.
7. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в «группу риска» по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова,

- О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149.
8. Холина, О. А. Психолого-педагогические особенности становления будущих педагогов как субъектов здорового образа жизни / О. А. Холина, Е. Г. Петрова // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2015. – № 3. – С. 114–122.
9. Холина, О. А. Исследование представлений студентов о межличностных конфликтах (на примере студентов русской и украинской национальностей) / О. А. Холина, Е. Г. Петрова // Психолог. – 2017. – № 6. – С. 1–10.
10. Clary, Snyder, 1993, 1995; Clary et al., 1998, 1999.

Ушакова А.А.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРУДОГОЛИЗМА

Аннотация. В статье представлен анализ подходов изучения феномена психологического благополучия личности в зарубежной и отечественной литературе. Описаны результаты исследования шкалы психологического благополучия с помощью опросника К. Рифф (версия Т.Д. Шевеленковой – Т.П. Фесенко) у лиц с разным уровнем склонности к трудоголизму

Ключевые слова: трудоголизм, работоголизм, психологическое благополучие, субъективное благополучие, активность, позитивное отношение.

Ushakova A.A.,
Master's student
Chekhov Institute of Technical Sciences (branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution "RSEU (RINH)"
Taganrog

RESEARCH OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN PEOPLE WITH DIFFERENT LEVELS OF WORKAHOLISM

Annotation. The article presents an analysis of approaches to studying the phenomenon of the psychological well-being of a person in foreign and domestic literature. The results of the study of the scale of psychological well-being using the K.

Riff questionnaire (version of T.D. Shevelenkova – T.P. Fesenko) in people with different levels of workaholism are described.

Key words: workaholism, workaholism, psychological well-being, subjective well-being, activity, positive attitude.

С середины прошлого века, в связи с обращением к позитивным психологическим состояниям, проблема психологического благополучия рассматривается в контексте исследований счастья, субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью и качества жизни. Изначально были попытки описания счастливого человека через набор качеств. Но система ценностей и целей человека индивидуальна, поэтому и уровень благополучия и счастья оценивается самим человеком. Поэтому универсальной структуры и критериев благополучия нет, и задача исследователей – это изучение факторов, влияющих на чувство счастья и благополучия человека.

В зарубежной психологии изучение психологического благополучия личности традиционно осуществляется в двух направлениях: гедонистическом и эвдемонистическом. В первом подходе психологическое благополучие рассматривается как преобладание позитивных переживаний над негативными и на современном этапе сторонники этого направления сосредоточены на изучении эмоционального благополучия личности (М. Аргайл, Н. Брэдбурн, Э. Динер Д. Кайнемен, Н. Шварц).

Н. Брэдбурн описывал благополучие в терминах, отражающих состояние счастья или несчастья, субъективного ощущения общей удовлетворённости или не удовлетворённости жизнью. Им также было показано, что позитивный и негативный аффект имеют различное происхождение. Это значит, что благополучие – это баланс, достигаемый постоянным взаимодействием двух видов аффекта – позитивного и негативного, который проявляется в виде общего ощущения удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью.

Продолжая исследования в рамках гедонистического подхода, Э. Динер вводит понятие «субъективного благополучия», происходящее из субъективной удовлетворенности жизнью, позитивного аффекта и негативного аффекта.

Здесь говорится о когнитивной стороне самопринятия (интеллектуальная оценка удовлетворённости различными сферами своей жизни) и эмоциональной стороне (наличие плохого или хорошего настроения). Принятие, как и непринятие событий жизни, оценка их с отрицательной и положительной точки зрения всегда имеет под собой соответственно окрашенную эмоцию. В качестве наиболее общего индикатора благополучия сторонники гедонистического подхода опираются на переживания счастья, удовлетворенности [2].

С позиции данного подхода рассматривает благополучие и Р.М. Шамионов [7]. Ученый определяет данный термин как собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности.

Второй подход к исследованию благополучия носит название эвдемонистического (от eudaimonic – термина, используемого Аристотелем для описания наиболее высокого из человеческих чувств), в соответствии с которым основной критерий благополучия – это полнота самореализации. Этот подход разрабатывался представителями гуманистической психологии, описывающими различные аспекты позитивного функционирования личности.

Наиболее известными работами в рамках этого направления являются труды А. Вотермена, Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, К. Г. Юнга, Э. Эриксона, М. Яходы, А.А. Кроника и др. Благополучие в рамках этого подхода включает в себя несколько факторов. Важнейшим показателем психического здоровья является именно психологическое благополучие, которое трактуется через субъективное благополучие, умение справляться с трудностями, благоприятный эмоциональный фон, отсутствие конфликта с собой и с социумом.

По результатам проведенного теоретического анализа подходов к психологическому благополучию были получены следующие выводы:

- 1) благополучие следует рассматривать как синтетическое, единое явление, синтезирующее физические, психические, социальные аспекты, несводимое к пониманию удовлетворенности. В таком случае чувство благополучия

можно определить как цельный психический феномен, целостное переживание, отражающее успешность функционирования личности в социальной среде, сопровождающееся позитивным эмоциональным фоном, функциональным состоянием организма и психики и благоприятным самоотношением, доверительным отношением к миру;

2) практически отсутствуют работы, в которых учитывается динамичность психологического благополучия. Достижение или поддержание благополучия – это постоянное балансирование на грани нужного и реального, постоянный процесс гармоничного слияния с окружающей действительностью, нахождение в состоянии устойчивого равновесия;

3) в основу понятия благополучия заложен принцип постоянной активности самого субъекта. Нельзя быть и пассивным, и благополучным. «Несводимость благополучия к удовлетворенности, обращение к смысловым структурам требует постоянной рефлексии, оценки и переоценки наличной ситуации, что само по себе уже ведет к разрушению удовлетворенности чем-либо. Исследования благополучия с различных методологических оснований закономерно приводят к неопределенности структуры включаемых в состав изучаемого явления аспектов» [4, 15].

Далее мы изучили шкалу психологического благополучия с помощью опросника К. Рифф (версия Т.Д. Шевеленковой – Т.П. Фесенко) у лиц с разным уровнем склонности к трудоголизму. Данные представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1 – Результаты исследования по шкале психологического благополучия К. Рифф (версия Т.Д. Шевеленковой – Т.П. Фесенко) у двух групп испытуемых

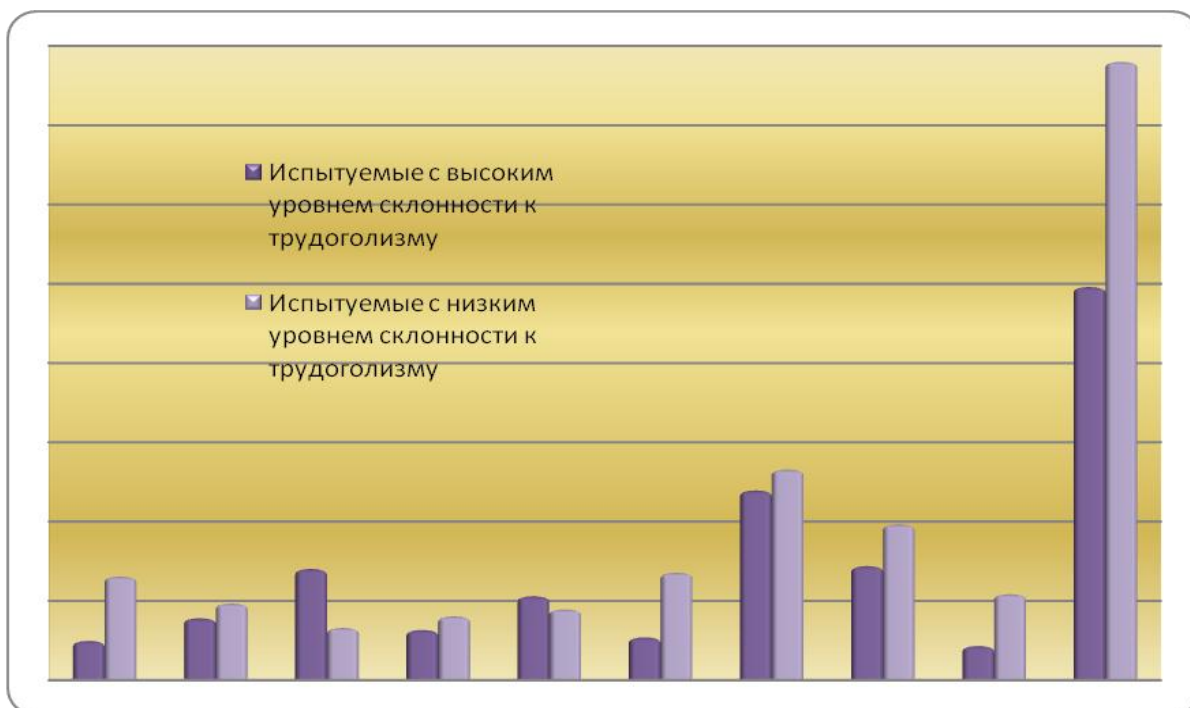
Шкалы	Испытуемые с высоким уровнем склонности к трудоголизму	Испытуемые с низким уровнем склонности к трудоголизму
Позитивные отношения	24,7	65,3
Автономия	39	48,3

Управление средой	70,1	32,9
Личностный рост	31,6	40,2
Цели в жизни	52,9	44,6
Самопринятие	27	67,7
Баланс аффекта	119,6	132,8
Осмысленность жизни	71,9	98,2
Человек как открытая система	21,5	54,2
Психологическое благополучие	248	390

После количественного анализа стало понятно, что группы испытуемых с высоким уровнем трудоголизма и низким уровнем предрасположенности к работоголизму отличаются по степени выраженности некоторых шкал. В частности, речь идет о таких параметрах, как «Позитивные отношения с другими», «Управление средой (окружением)», «Самопринятие», «Человек как открытая система», а также общий уровень психологического благополучия.

Как мы можем видеть, группа респондентов с высоким уровнем склонности к трудоголизму демонстрирует высокий уровень развития параметра «Управление средой». Такие люди обладают властью и компетенцией в управлении окружением, контролируют всю внешнюю деятельность, эффективно используют предоставляемые возможности, способны улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей.

Одновременно с этим респонденты с низкими показателями трудоголизма имеют низкие баллы по этой же шкале. Они испытывают сложности в организации повседневной деятельности, чувствуют себя неспособными изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, могут безрассудно относиться к представляющимся возможностям, лишены чувства контроля над происходящим вокруг.

Рисунок 2.4 – Результаты исследования по шкале психологического благополучия К. Рифф (версия Т.Д. Шевеленковой – Т.П. Фесенко) у двух групп испытуемых

При этом участники с высоким уровнем развития трудоголизма имеют низкий уровень развития таких шкал, как «Позитивные отношения с другими», «Самопринятие», «Человек как открытая система», а также общего уровня психологического благополучия.

Эти люди имеют лишь ограниченное количество доверительных отношений с окружающими, им обычно сложно быть открытыми, проявлять теплоту и заботиться о других, в межличностных отношениях они, как правило, держатся дистанцированно. Такие участники с трудом устанавливают искренние контакты с окружающими, не доверяют людям, не желают идти на компромиссы, не эмпатичны. Также испытуемые не довольны собой, невзирая на внешние успехи и достижения, часто безосновательно разочарованы собой, событиями своего прошлого, испытывают беспокойство по поводу своей личности, любят представлять себя в роли других людей. Склонны к перфекционизму. Сложны в общении. Не способны в достаточной степени интегрировать отдельные аспекты своего жизненного опыта. Обладают фрагментарным, недостаточно реалистичным восприятием различных аспектов собственной жизни.

В целом, мало удовлетворены процессом и результатом своей собственной жизни. Беспокойны, не уверены в себе, находятся в состоянии постоянного стресса, тревожны.

Респонденты из группы с низким уровнем предрасположенности к трудоголизму имеют низкие баллы по шкале «Управление средой» и высокие баллы по шкалам «Позитивные отношения с другими», «Самопринятие», «Человек как открытая система», а также средний или достаточно высокий уровень психологического благополучия.

Такие респонденты имеют удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими; умеют заботиться о благополучии других; способны сопереживать, эмпатичны, имеют привязанности и близкие отношения; понимают, что взаимодействие с окружающими требует усилий и готовности к взаимным уступкам. Умеют договариваться, имеют достаточно развитые коммуникативные навыки. Позитивно относятся к себе, знают и принимают различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивают свое прошлое. Способны к усвоению новой информации, проявляют интеллектуальную лабильность, гибкость мышления. Обладают гармоничным, реалистичным взглядом на жизнь. Открыты новому опыту. Непосредственны, склонны к импровизациям, эмоциональны.

Таким образом, прослеживается следующая динамика, что люди с низким уровнем склонности к трудоголизму имеют средний или высокий уровень психологического благополучия и наоборот.

Библиографический список

1. Анисимова, М. И. Изучение склонности к отклоняющемуся поведению обучающихся колледжа / М. И. Анисимова, О. А. Холина // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: мат. III-й Всерос. научно-практич. конф., Таганрог, 25 октября 2019 года / отв. ред. О.А. Холина. – Таганрог: Изд.-полиграф. комплекс РГУЭ (РИНХ), 2020. – С. 76–80.
2. Воронина, А. В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа [Текст] // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 142–145.

3. Казанцева, Е. В. Оценка степени осознанности студентов с наличием склонности к аддиктивному поведению / Е. В. Казанцева, О. А. Холина, А. Е. Москаленко // Психолог. – 2019. – № 5. – С. 1–10. – DOI 10.25136/2409-8701.2019.5.31257.
4. Кашпурова, Е. Н. Характеристика основных подходов к понятию психологического благополучия / Е. Н. Кашпурова [Электронный ресурс] // Психология сегодня: сб. науч. ст. 13 Всерос. научно-практич. конф. / отв. за вып. А.М. Павлова. – Екатеринбург: ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2011. – 268 с. – С. 50–55. – URL: http://window.edu.ru/resource/668/75668/-files/psih_today_2011.pdf [Дата обращения: 11.06. 22].
5. Петрова, Е. Г. Проблема суицидального поведения в молодежной среде / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2012. – С. 155–159.
6. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в «группу риска» по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149.
7. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере [Текст] / Р.М. Шамионов // Известия Саратовского ун-та, 2006. – Т.6. – С. 104–109.

Юрьева А.М.,

Студент

ТИ имени А.П. Чехова (филиал)

ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

г. Таганрог;

Меньшикова Т.И.,

канд. пед. наук, доцент кафедры психологии

ТИ имени А.П. Чехова (филиал)

ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

г. Таганрог

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЛЮБВИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие аддикции, её влияния на жизнь людей, основные признаки аддикции в любви, определяются опасности любовной аддикции как психологического заболевания.

Ключевые слова: созависимость, аддикция, любовь, психологическая зависимость.

Yuryeva A. M.,
bachelor's degree
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog;
Menshikova T.I.,
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog

ADDICTIVE BEHAVIOR IN LOVE

Annotation. The article discusses the concept of addiction, its impact on people's lives, the dangers of love addiction as a psychological disease, the main signs of addiction in love.

Key words: codependency, addiction, love, psychological dependence.

Понятие «аддикция» образовано от английского слова addiction, что переводится как зависимость. Изначально под аддикциями подразумевались химические зависимости, которые включают в себя среди прочего алкоголизм, наркоманию, злоупотребление психоактивными веществами, курение табака и т.п. Сейчас список зависимостей расширился, и к нехимическим зависимостям относятся компьютерная, азартные игры, любовные, сексуальные пристрастия, зависимость от отношений, трудовголизм, пищевые расстройства (переедание, голодание) и др.

В современном мире есть много пристрастий, с которыми человеку трудно справиться или от которых трудно отказаться. Любовная зависимость – одна из самых распространенных проблем, мешающих полноценной жизни людей, так как человек постоянно находится в обществе и строит в нем отношения.

Эта тема актуальна, так как суть проблемы сосредоточена в сознании человека. Аддикты часто страдают от крайне низкой самооценки и считают себя бесполезными, если не состоят в отношениях. Они могут терпеть абьюзивное или игнорирующее поведение со стороны своего партнера, так как считают, что

это все, чего они заслуживают, и это предпочтительнее, чем оставаться в одиночестве. В случае наличия или отсутствия жизненного опыта человек может испытывать привязанности, угнетенные состояния, человеческое развитие может быть деформировано любовной зависимостью.

Данные о распространенности любовных аддикций в популяции весьма малочисленны. Д. Кук [7] в своем исследовании 604 студентов американских колледжей сообщил, что любовная аддикция – это самая распространенная аддикция и встречается более чем у $\frac{1}{4}$ выборки. Сходные данные были получены на выборке канадских студентов [6]. Позже на выборке 948 студентов колледжей В. Макларен и Д. Бэст [8] обнаружили любовную аддикцию в варианте аддикции избегания (см. ниже) в 11,9% случаев. В одном из последних исследований приводится цифра 34,3%: так оцениваются проявления любовной аддикции у американских старших школьников в течение предыдущей жизни [9]. Вероятно, такие высокие показатели связаны с особенностями выборок – молодые люди, студенты. Между тем большинство исследователей оценивают распространенность любовной и сексуальной аддикции в популяции взрослых людей от 3% до 6%. Некоторые уточняют, что на каждую из эротических аддикций приходится примерно по 3% [10].

Существует три типа зависимости от отношений — любовная, сексуальная и избегающая, которые связаны друг с другом.

У них есть общие предпосылки для возникновения: проблемы с самооценкой, неспособность любить себя, трудности в установлении функциональных границ между собой и другими. Поскольку такие люди не могут установить границы своего «я», им не хватает способности реально оценивать окружающих.

У этих людей есть проблемы контроля: они позволяют управлять собой или пытаются манипулировать другими; характеризуются навязчивостью в поведении, в эмоциях, тревожностью, неуверенностью в себе, импульсивностью действий и поступков, проблемами с духовностью, трудностями в выражении интимных чувств.

Избегающая зависимость.

Интерес в теме любовной аддикции представляет аддикт избегания.

Избегающая зависимость происходит в слишком близких, длительных и честных отношениях. Аддикт часто бывает противоречив: он любит своего партнера и очень ценит его, но в то же время избегает ярко выраженной привязанности, старается дистанцироваться. Такие отношения очень нестабильны, и невозможно точно сказать, насколько они долгосрочны.

Партнер особенно труден из-за избегающей зависимости, он постоянно ждет второго шага, когда отношения перейдут на другой уровень, но этого не происходит. Аддикт смиряется с этой ситуацией, потому что он считает себя свободным в создании несерьезных отношений на стороне.

Аддикты избегания часто имеют различные зависимости: наркоманию, алкоголизм, азартные игры, трудоголизм и другие аддикции.

Партнеры избегающей зависимости часто не понимают, что происходит в их любовных отношениях, страдают, чувствуют себя брошенными и никчемными. Чтобы как-то повлиять на ситуацию, они проявляют гиперуваживание [1].

Они пытаются всеми способами показать, как сильно они любят, не понимая, что такое поведение вызывает защитные механизмы аддикта избегания, которая еще больше отталкивает его.

В ответ на контроль любовного партнера он стремится отстраниться от отношений, избежать контроля над собой, ослабить давление на себя. Но в то же время, когда он пытается дистанцироваться от партнера, он боится быть брошенным.

Сексуальная зависимость

Частным случаем эмоциональной зависимости является сексуальная зависимость. Для нее характерно навязчивое стремление к половым связям. Если любовная зависимость характеризуется болезненной связью с одним партнером, то для сексуальной на первое место выходит не объект, а непосредственно действие. Сексуальная зависимость чаще встречается у мужчин. Как и в случаях других аддикций (зависимостей), для сексоголика объект его сексуальной

зависимости – способ убежать от реальности, от себя и собственных чувств. Для людей с таким видом зависимости характерны многочисленные эмоциональные трудности: склонность к пониженному настроению, импульсивность, пониженная самооценка, чувства вины и стыда, внутренняя пустота, привычка скрывать свои проблемы от близких, неспособность получать удовольствие из других источников, сочетание с другими зависимостями, проблемы со здоровьем.

Любовная зависимость – это особый образ жизни, связанный с поиском «идеальной» реальности. С помощью этой аддикции человек убегает от неудобств настоящей жизни, но, когда путь найден, искусственная реальность разрушает здоровье и жизнь.

Любовная зависимость относится к так называемым «нехимическим» зависимостям, то есть к тем, при которых дистанцирование от реальности, от внутреннего дискомфорта осуществляется не с помощью некоторых веществ, а с помощью определенного поведения. При любовной зависимости проблему внутреннего дискомфорта и душевной боли человек пытается решить, установив симбиотическую связь с объектом любви или постоянно находясь в поисках такого объекта.

Любовная зависимость – это нарушение способности чувствовать. Зависимые люди не осознают своих истинных чувств.

Любовная зависимость – это зависимость отношений с фиксацией на другом человеке. Такие отношения имеют тенденцию возникать между двумя аддиктами; они называются соаддиктивными или созависимыми. Наиболее характерные зависимые отношения развиваются у любовного аддикта с аддиктом избегания.

В таких отношениях интенсивность эмоций и их крайность в положительном и отрицательном смысле находятся на первом плане. Зависимые отношения могут возникнуть между родителем и ребенком, мужем и женой, друзьями, профессионалом и клиентом и т. д.

Это явление имеет множество своих проявлений, по которым его можно распознать. Следует понимать, что любовная зависимость может одинаково проявляться как у мужчин, так и у женщин.

Как отличить ее от искренней любви? Под теплым чувством подразумевается добродушное отношение человека к партнеру, которому он желает счастья и всячески способствует этому. Любовная зависимость проявляется в:

Безумной любви.

Безграничной ревности.

Желании всегда быть рядом с партнером.

Раздражительности, если любимый человек не звонит или сразу отвечает на звонок.

Контроле и ограничении контактов партнеров.

Желании знать, где и с кем он находится.

Неспособности разрушить отношения с партнером, с которым он чувствует себя плохо, потому что даже при мысли о том, что они могут расстаться, он чувствует себя плохо, начинает скучать по нему, хочет восстановить связь.

Любовные пристрастия, как и другие формы аддиктивного поведения, характеризуются следующими клиническими проявлениями:

- трудно контролируемая тяга к повторному выполнению поведения;
- снижение способности контролировать эти действия во время эпизода;
- отсутствие четкой рационализации мотивов этих действий, причиняющих психологический, социальный и правовой ущерб как самому пациенту, так и его окружению;
- поглощение через реализацию ненормального влечения.

Любовная зависимость может принимать разные формы, и они встречаются как у мужчин, так и у женщин:

1) аддикт пытается заменить свою эмоциональную территорию партнерской средой, чтобы сохранить привязанность, что приводит к отсутствию личной идентичности. Часто встречаются мазохистские тенденции.

2) аддикт занимает психологическую территорию партнера вместе с его личностью. За контролем стоит неоправданная ревность, у зависимого человека формируется иллюзия идеальной заботы.

3) аддикт агрессивно разрушает эмоциональную территорию партнера. Могут быть склонности к садизму, депрессии.

Причин зависимого психического поведения очень много. Специалисты даже выделили целый список, в который, среди прочего, входят: гиперопека родителей; отсутствие отца в семье девочки; стресс и депрессия в определенный период времени; особая психика; низкая самооценка.

В первом случае любовная зависимость может развиваться из-за неспособности женщины общаться с противоположным полом.

Если женщина находится в тяжелом для нее периоде, она легко впадет в зависимость от мужчины. Достаточно найти того, кто будет проявлять в ее сторону внимание, будь это даже какой-нибудь несимпатичный для нее мужчина.

Помимо односторонней зависимости, существует такое понятие, как со-зависимость или взаимозависимость.

У взрослых она возникает тогда, когда два психологически зависимых человека устанавливают отношения друг с другом. В таких отношениях каждый вносит часть того, что ему нужно для создания психологически полной или независимой личности.

Типы взаимозависимости.

Нарциссическая любовь. Нарциссы глубоко несчастные люди с низкой самооценкой, которые тщательно скрывают это.

Виртуальная любовь. Мы можем влюбиться в другие ложные образы, созданные в нашем воображении, и это не соответствует реальному человеку рядом с нами. Мы не всегда можем видеть самообман, потому что подсознательно выбираем людей и ситуации, которые искажают реальность. Это искажение хорошо проявляется в отношениях с Интернетом. В результате, когда пара, наконец, делает правильный шаг и как-то сближается, живет вместе или

встречается в жизни, становится ясно, что другие люди не оправдывают их ожиданий.

Безответная любовь. В этом случае человек имеет тенденцию общаться с людьми, которые влюбляются или эмоционально недоступны, и игнорировать людей, которые им нравятся, которые могут ответить на их любовь.

Запретная любовь. Эта версия включает двух влюбленных, несмотря на общественное неодобрение. Они могут происходить из разных семей, социальных слоев, религий и культур.

Сексуальная любовь. Основой отношений является физическое влечение, а не эмоциональная связь. Это очень важная игра, чтобы быть в постели друг с другом, чтобы поощрять взаимодействие с вашим партнером.

Любовь андрогинная. В этих отношениях социально принятые роли меняются: женщина занимает доминирующее положение, она сильная, независимая, амбициозная, а мужчина – нет.

Отношения не могут быть постоянными, потому что аддикты всегда сосредоточены на другом человеке и на том, что может произойти. Это заставляет таких людей пытаться установить контроль друг над другом, обвинять друг друга в своих проблемах, а также надеяться, что другой будет вести себя именно так, как этого хотел бы их партнер.

Выбор стратегии аддиктивного поведения возникает из-за трудностей адаптации к проблемным жизненным ситуациям: сложных социально-экономических условий, многочисленных разочарований, краха идеалов, конфликтов в семье и производстве, потери близких, резкого изменения привычных стереотипов. Реальность такова, что стремление к психологическому и физическому комфорту не всегда возможно.

Для нашего времени также характерны быстрые и значительные изменения во всех сферах общественной жизни. Зависимая личность в своих попытках ищет свой универсальный и слишком односторонний способ выживания – бегство от проблем.

Естественные возможности адаптации к зависимости нарушаются на психофизиологическом уровне. Первым признаком этих расстройств является чувство психологического дискомфорта. Психологический комфорт может быть нарушен по разным причинам – как внутренним, так и внешним.

Важным шагом в преодолении любовной зависимости является признание наличия данной проблемы, без принятия никакие изменения невозможны. Психолог может помочь разрешить ситуацию, но важно соблюдать ряд рекомендаций [3]:

1. Будьте внимательны не только к чувствам партнера, но и к собственным, научитесь их распознавать и выражать.

2. Станьте «эгоистичным» (прислушивайтесь к своему внутреннему голосу, цените и уважайте себя, свои желания и потребности, принимайте себя таким, какой вы есть).

3. Наполните одиночество теми занятиями и хобби, которые позволят вам отвлечься от грустных мыслей.

4. Уважайте свои и чужие границы.

5. Откажитесь от контроля и манипуляций (перестаньте спасать, обвинять и жертвовать).

6. Перестаньте обвинять других и начните отвечать за свои действия.

7. Научитесь делать подарки самостоятельно.

8. Развивайтесь и повышайте свою самооценку.

9. Перестаньте ждать и надеяться, что ваш избранник изменится.

10. Не забывайте, что оба партнера виноваты в отношениях, не берите всю вину на себя.

11. Перестаньте радовать своего партнера и подумайте о себе.

12. Чаще задавайте себе вопросы: «как я себя чувствую в этих отношениях?», «Я наслаждаюсь ими?», «Способствуют ли они моему духовному росту?», «Могу ли я быть в них?»

Библиографический список

1. Гоголева, А. В. Аддиктивное поведение и его профилактика / А. В. Гоголева. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2018. – 240 с.
2. Егоров, А. Ю. Нехимические зависимости / А. Ю. Егоров. – СПб.: Речь, 2018. – 115 с.
3. Емельянова, Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования / Е. В. Емельянова. – СПб.: Речь, 2019. – 152 с.
4. Кондрашихина, О. А., Моисеева, В. В. Предикторы любовных аддикций у женщин: возрастной аспект / О. А. Кондрашихина, В. В. Моисеева // Горизонты образования. – 2019. – Т. 42. – № 2. – С. 46–53.
5. Хмарук, И. Н. Патологическая любовь как форма болезни зависимого поведения / И. Н. Хмарук // Бехтерев В. М. и современная психология: материалы докладов на Рос. науч.-практ. конф. (Казань, 29–30 сентября 2019 г.). – Казань: Центр инновационных технологий, 2019. Вып. 3, т. 2. – С. 316–321.
6. Alexander B.K., Schweighofer A.R.F. The prevalence of addiction among university students. *Psychology of Addictive Behaviors*, 1989, vol. 2. – Pp. 116–123.
9. Aron A., Fisher H., Mashek D.J., Strong G., Li H., Brown L.L. Reward, motivation
8. Cook D. R. Self-identified addictions and emotional disturbances in a sample of college students. *Psychology of Addictive Behaviors*, 1987, vol. 1. – Pp. 55–61.
9. MacLaren V.V., Best L.A. Multiple addictive behaviors in young adults: Student norms for the Shorter PROMIS Questionnaire. *Addictive Behaviors*, 2010, vol. 35, pp. 252–255.
10. Sussman S., Arpawong T.E., Sun P., Tsai J., Rohrbach L.A., Spruijt-Metz D. Prevalence and co-occurrence of addictive behaviors among former alternative high school youth. *J. Behav. Addict*, 2014, vol. 3, no. 1. – Pp. 33–40.
11. Sussman S., Lisha N., Griffiths M.D. Prevalence of the addictions: A problem of the majority or the minority? *Evaluation and the Health Professions*, 2011, vol. 34. – Pp. 3–56.

РАЗДЕЛ 3. ПРЕВЕНЦИЯ И ИНТЕРВЕНЦИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Бушуев В.А.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,
г. Таганрог

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены специфика, причины и признаки профессионального выгорания у адвокатов, в том числе аспекты психологических проявлений, факторы и механизмы возникновения эмоционального истощения у представителей юридической профессии.

Ключевые слова: адвокат, юрист, профессиональная деятельность, профессиональное выгорание, эмоциональное истощение.

Bushuev V.A.,
undergraduate
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog

FEATURES OF PROFESSIONAL BURNOUT IN ADVOCACY

Annotation. This article discusses the specifics, causes and signs of professional burnout among advocats, including aspects of psychological manifestations, factors and mechanisms of emotional exhaustion among representatives of the legal profession.

Key words: advocate, lawyer professional career, professional burnout, emotional exhaustion.

Профессия юриста является престижной и вместе с тем очень сложной сферой профессиональной деятельности, которая объединяет знание законов и правовых норм.

Она объединяет не только специалистов, в совершенстве владеющих законодательной, доказательной и правовой информацией, но и обладающими высокими эмоционально-личностными детерминантами.

Сложным правовым направлением, требующим ежедневной демонстрации высокой степени профессионализма и предполагающим каждодневное общение с различными категориями лиц, является профессия адвоката.

В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «адвокатская деятельность – это квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию» [11].

Согласно закону, в процессе оказания юридической помощи адвокат выступает от имени доверителя и защищает его интересы в судах различных инстанций; составляет правовые документы (ходатайства, жалобы, заявления, иски, договоры и т. д.); представляет интересы доверителя в различных формах правоотношений; оказывает иную юридическую помощь.

Взаимоотношения адвоката и доверителя основываются на строгой конфиденциальности и ни при каких обстоятельствах адвокат не вправе разглашать доверенные ему сведения и обязан хранить «адвокатскую тайну». Это накладывает дополнительную ответственность и психологическую нагрузку на адвоката.

С одной стороны, деятельность адвоката регламентируется нормативными актами и законами, а с другой – адвокат должен соблюдать принципы законности, независимости, объективности; право и свободу личности [1]. Все это приводит к возникновению этических проблем: личные убеждения и взгляды адвоката не должны влиять на оказание клиенту юридической помощи в полном объеме [3].

Внутренние конфликты, связанные с этическими противоречиями при исполнении своих непосредственных обязанностей, часто остаются за кадром и

переживаются в скрытом виде, оказывая влияние на личностные качества, психологическое состояние и, как следствие, на здоровье юриста [5].

Исследователи отметили, что «в большей степени к эмоциональному перенапряжению, истощению и профессиональному разрушению склонны представители профессий, деятельность которых основана на непосредственном каждодневном общении с людьми, а также лица, относящиеся к своим трудовым обязанностям гиперответственно, с высокой самоотдачей и работающие практически без отдыха» [3].

В связи с особенностями профессиональной деятельности адвоката к его личности предъявляются высокие профессиональные требования. К профессионально значимым качествам личности адвоката можно отнести гибкость мышления, аналитический склад ума, ответственность, коммуникативность, честность, высокий уровень правосознания, работоспособность, настойчивость, социальная направленность личности, независимость (самостоятельность), предприимчивость, стрессоустойчивость.

Таким образом, для профессии адвоката признается значимость профессионализма и профессионального поведения, толерантности к стрессу. По определению профессора Г. Селье, стресс – это напряжение защитных сил организма, мобилизация его ресурсов, и прежде всего сосудистой, нервной и гормональной систем для приспособления к изменившейся ситуации и решения возникших жизненных задач. Значит, стресс является опасным фактором, оказывающим отрицательное влияние на психическое и физическое здоровье человека. Однако, по утверждению профессора, определенное количество переживаний и волнений нам жизненно необходимо: «Важна не сама стрессовая ситуация, а то, как мы на нее реагируем».

В процессе адвокатской деятельности профессионалы испытывают постоянные стрессы, к которым можно отнести постоянную перегруженность, дефицит времени, накапливающаяся усталость, страх не справиться с поставленной задачей, страх ошибки, высокая ответственность за принимаемые реше-

ния, отсутствие удовлетворения от проделанной работы, встреча с т.н. «системой» и др.

Таким образом, конфликтные ситуации увеличивают риск стресса, а постоянное воздействие негативных факторов, от которых адвокату (юристу) не удастся избавиться, например, проблемы на работе, являются причиной хронического стресса [5]. С накоплением таких факторов и причин (психологического напряжения) у адвокатов возникает риск эмоционального (профессионального) истощения [5].

Становится понятным, что эмоциональное истощение (выгорание) может представлять собой «комплекс психических переживаний и поведения, которые сказываются на работоспособности, физическом и психическом самочувствии, а также на межличностных отношениях работника. Эмоциональное выгорание – ответная реакция на длительные рабочие стрессы» [5].

Заметим, что «профессия адвоката относится к помогающим и основана на непосредственном общении с людьми. Причем объект его профессиональной деятельности (клиент), как правило, находится по другую сторону закона, что прямо или косвенно влечет за собой внутренний конфликт с этическими человеческими нормами [3]. Поэтому те, кто по роду своей деятельности вынуждены тесно общаться с людьми, подвержены синдрому профессионального выгорания – «одному из опасных профессиональных недугов» [5], по мнению современных психологов. Результатом негативного воздействия на организм могут стать «необратимые изменения личности с серьезными нарушениями психики» [5].

Профессиональное выгорание адвокатов проявляется в неадекватном избирательном эмоциональном реагировании; редукации профессиональных обязанностей; расширении сферы экономии эмоций; переживании психотравмирующих обстоятельств; личностной отстраненности как деперсонализации. Наиболее стабильными проявлениями профессионального выгорания адвокатов выступают эмоциональная отстраненность, неудовлетворенность собой, эмоционально-нравственная дезориентация [9]. Данный феномен может сопровождать-

ся отрицательными эмоциями – такими, как страх, печаль, чувство безнадежности, гнев, проявления невротичности, потребности в самоутверждении [8].

Это репрезентативное свойство проявляется у человека на протяжении жизни в его профессиональной деятельности и выражается в физическом утомлении, эмоциональном дефиците, нежелании общаться, отсутствии дальнейших планов [3].

Таким образом, можно заключить, что под профессиональным выгоранием понимают «состояние эмоционального, физического, умственного истощения в социоэкономических профессиях» [2].

Психическое профессиональное выгорание тесно связано и может являться причиной общей профессиональной деформации личности. В профессиональной деятельности адвоката, тесно связанной с профессиональными взаимодействиями, «профессиональная деформация личности зависит от условий и характера профессиональной деятельности, степени соответствия им индивидуальных особенностей и возможностей субъекта, а также имеет сходные проявления в деятельности, поведении, отношениях, общении, изменении личностно-профессиональных качеств» [3].

Профессию юриста принято относить к особо рискованной в плане личностной деформации профессионала. Поэтому именно работники этой сферы постепенно начинают демонстрировать симптомы эмоционального выгорания, которые проявляются во всех сферах:

в поведении – частые опоздания и нежелание идти на работу, утрата творческих подходов к решению проблем, избегание коллег, присвоение собственности учреждения, увеличение употребления психоактивных веществ (кофеин и никотин), подверженность несчастным случаям;

в чувствах – повышенная раздражительность, гнев, чувство обиды, неудачи, утрата чувства юмора;

в мышлении – все чаще возникают мысли о том, чтобы оставить работу, человек не может сконцентрировать внимание, усиливается чувство подозрительности и недоверчивости.

в здоровье – быстрая утомляемость, усталость, частые незначительные болезни, нарушение сна, психического и соматического здоровья [6].

Синдром профессионального выгорания — это неоднородный и длительный процесс, который грозит серьезными заболеваниями как психологического, так и физиологического характера, поэтому важно вовремя распознавать, то есть диагностировать его симптомы, разрабатывать и применять практические рекомендации, методы, направленные на превенцию психического выгорания у адвокатов [4, 10].

Библиографический список

1. Анисимов, В. Ф., Акинина, Н. Ю. Принципы деятельности российской адвокатуры / В. Ф. Анисимов, Н. Ю. Акинина // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 6–10.
2. Бабкин, Д. В., Бубнова, И. С. Изучение психического выгорания и его детерминант у адвокатов / Д. В. Бабкин, И. С. Бубнова // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 2. – С. 241–247.
3. Власюк, И. В., Подольская, М. Н., Селиванова, Е. И. К вопросу о профессиональном выгорании адвокатов в контексте современных исследований. / И. В. Власюк, М. Н. Подольская, Е. И. Селиванова // Среднее профессиональное образование. – 2021. – № 4 (308). – С. 33–37.
4. Иваница, Ю. В. Профилактика эмоционального выгорания как один из факторов предотвращения возникновения аддикций / Ю. В. Иваница, О. А. Холина // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: мат. II-й Регион. научно-практич. конф. Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», Таганрог, 20 октября 2018 года / отв. ред. О.А. Холина. – Таганрог: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2019. – С. 128–131.
5. Калякин, С. В. Исследование эмоционального выгорания юристов различных специальностей / С. В. Калякин. Выпускная квалификационная работа. Екатеринбург, 2021. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100004/1/m_th_s.v.kalyakin_2021.pdf
6. Леонова, А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса. – Харьков, 2004.
7. Петрова, Е. Г. Понятие синдрома эмоционального выгорания (история вопроса) / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Актуальные проблемы специального

и инклюзивного образования детей и молодежи : материалы IV-й Международной научно-практической конференции Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) «РГЭУ (РИНХ)», Таганрог, 28 февраля 2020 года. – Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – С. 258–262.

8. Светова, Л. Н. Особенности влияния профессионального выгорания на профессиональную деформацию адвокатов / Л. Н. Светова // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 6-5 (64). – С. 422–424
9. Светова, Л. Н. Психологические особенности профессионального выгорания адвокатов. / Л. Н. Светова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25. – № 4 (83). – С. 376–382.
10. Холина, О. А. Анализ методов психопрофилактической работы с синдромом эмоционального выгорания / О. А. Холина, Ю. В. Иваница // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: мат. II-й Регион. научно-практич. конф. Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)». 20 октября 2018 г., Таганрог, 20 октября 2018 года / ответственный редактор: О.А. Холина. – Таганрог: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2019. – С. 225–229.
11. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).

Воронченко А.А.,

магистрант

ТИ имени А.П. Чехова (филиал)

РГЭУ (РИНХ)

г. Таганрог;

Новикова Е.И.,

магистрант

ТИ имени А.П. Чехова (филиал)

РГЭУ (РИНХ)

г. Таганрог

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье рассматривается специфика организации арт-терапевтических занятий с детьми подросткового возраста. На примере изотерапии описываются возможности арт-терапевтических упражнений, высту-

пающих как одно из средств профилактики и коррекции девиантного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: подростки, арт-терапия, профилактика, коррекция, девиантное поведение, изотерапия, личностные ресурсы, творческие способности.

Voronchenko A.A.,
A.P. Chekhov TI (branch) RSEU (RINH)
Taganrog
Novikova E.I.,
A.P. Chekhov TI (branch) RSEU (RINH)
Taganrog

ART THERAPY AS A MEANS OF PREVENTION AND CORRECTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Annotation. The article discusses the specifics of the organization of art therapy classes with adolescent children. Using the example of isotherapy, the possibilities of art-therapeutic exercises are described, acting as one of the means of prevention and correction of deviant behavior of minors.

Key words: adolescents, art therapy, prevention, correction, deviant behavior, isotherapy, personal resources, creativity.

Поиск эффективных методов коррекционной работы с подростками является наиболее актуальным в области психологии, в том числе с опорой на современные психоаналитические концепции [4]. Одним из таких методов является метод терапии искусством, или метод арт-терапии. Как показывает практика, он позволяет несовершеннолетнему справиться с негативными эмоциями, различными поведенческими проблемами и помогает раскрыть его внутренний потенциал. Арт-терапия включает в себя множество различных направлений искусства, помогающих эффективно «запустить» его внутренние ресурсы и скорректировать его поведение [1].

Как вид психотерапии и психологической коррекции, основанный на возможностях искусства и творчества, этот метод получил распространение благодаря введению данного термина художником А. Хилом. Большое влияние на развитие арт-терапии оказали психоаналитические взгляды З. Фрейда и К.Г. Юнга, которые связывали конечный продукт художественной деятельности с неосознаваемыми психическими процессами клиента [6]. Как известно,

задачи арт-терапии определяются развитием личностных ресурсов через социально приемлемый выход агрессии и других негативных чувств, развитие самоконтроля, обращение внимания на ощущения и чувства, развитие творческих способностей и повышение самооценки [2]. Важно понимать, что преодоление кризиса подросткового возраста нередко сопровождается копированием социально одобряемых привычек подростковых групп; в этом возрасте школьники нередко «сталкиваются с потребностью в самоутверждении, независимости» [8, 84]. Поэтому психологи предлагают применять методики арт-терапии в условиях школы в рамках групповых тренинговых и индивидуальных занятий, в том числе с помощью включения МАК и спектрокарт [10].

По мнению исследователей, в зависимости от самостоятельной позиции клиента (подростка) арт-терапия может быть активной, пассивной или смешанной. Рассмотрим подробнее технику изотерапии, использующей методы изобразительного искусства для нормализации психического состояния детей (и взрослых). Популярность арт-терапии объясняется тем, что от клиента (подростка) не требуются какие-либо способности к изобразительной деятельности или серьезные профессиональные художественные навыки [7].

Изотерапия, будучи средством преимущественно невербального общения, направлена на создание продуктов изобразительного творчества, отражающих настроения, чувства и мысли подростка. Ситуация свободного самовыражения предполагает атмосферу доверия, терпимости и внимания к внутреннему миру подростка, вызывает у него чаще положительные эмоции и помогает сформировать активную жизненную позицию. Данный метод дает возможность увидеть внутренние конфликты и собственные переживания, повышает самооценку и уверенность в себе, помогает в творческом развитии и в процессе социальной адаптации [5]. Как и в случае с куклотерапией, изотерапия помогает воссоздать и в определенной степени прожить «психотравмирующую ситуацию в игровой форме», «путешествовать между сознательным и бессознательным» [9, 204].

В рамках проведения арт-терапевтических занятий специалист по изотерапии основывается на принципах безоценочности, учета произвольности содержания и формы рисунка, дающего выход негативной энергии в непринужденной обстановке. В ходе занятий специалист не вмешивается в процесс создания работы, без согласия автора не комментирует результат творческого процесса. Анализируя некоторые техники изотерапии, используемые психологом при профилактике и коррекции девиантного поведения подростков, особой популярностью пользуются упражнения на активизацию и развитие сенсомоторной сферы. Перенос на бумагу с помощью образной системы опыта осязания, его проговаривание повышает чувствительность к внутренним ощущениям, закладывает основы самопонимания [3].

Работа с предметно-тематическими изображениями позволяет подросткам создать рисунки на свободные или заданные темы, моделировать действительность, формируя отношение к себе, к своей семье, к социальному окружению. Выполняя творческие задания по темам, связанным с самовосприятием («Автопортрет в технике коллажа», «Мой герб», «Мой обычный день», «Кем я стану» и др.), подросток отражает собственные свойства личности, развивает навыки рефлексии. Реалистическое или метафорическое изображение конфликта, создание композиций на тему «Шторм», «Взрыв» с последующим обсуждением помогают в профилактике конфликтного поведения и в разрешении конфликтных ситуаций [6].

Упражнения образно-символического типа связаны с нравственно-психологическим анализом абстрактных понятий и с выражением самых разнообразных переживаний, эмоциональных состояний и чувств личности подростка: «Одиночество», «Три желания», «Остров счастья», «Добро», «Зло», «Удивление», «Надежда», «Самое веселое» и др. Интересен опыт совместного группового рисования, развивающего коммуникативные возможности и социальные навыки подростков. Примером упражнений подобного типа являются игры «Художники», «Групповая фреска». Рисование масок, маски из папье-маше, работа с готовыми масками, парное и индивидуальное гримирование, «фанта-

зийный грим», «маска страха» и др. позволяют участникам арт-терапии «оживить» переживания и вместе с тем осознать условный характер получившихся изображений [6].

Результатом рисования на основе направленной визуализации является создание перцептивного образа, который подросток может нарисовать, вербализовать, показать. Часто в практике арт-терапии применяются упражнения на освоение разнообразных способов преобразования материала и формирование позитивного отношения к художественным формам познания. В этом случае подросток обращается к физическим свойствам и экспрессивным возможностям красок, карандашей, бумаги, пластилина и других материалов. Психолог в этой связи может предложить такие формы, как рисование пальцами, экспериментирование с цветом, создание простейших форм и уничтожение по типу игр «разрушение – строительство», диалог на бумаге с помощью линий, цветов и др. [7].

Упражнения, основанные на принципе проекции («Монотипия», «Волшебные пятна»), а также воспроизведения в изображении целостного объекта и его осмысления («Рисование по точкам»), помогают развивать образное мышление, воображение, формируя интерес к художественным формам познания. Комбинированные техники, сочетающие изобразительную деятельность с другими формами художественного творчества и самовыражения, отражают представление личности о синтезе искусств. Чаще всего арт-терапевты применяют упражнения на передачу в рисунке впечатлений от прослушивания музыки, создание образов, ассоциирующихся со звучанием собственного имени, отражение в рисунке ощущений от своей танцевальной импровизации, впечатлений от поэтических произведений, изображение в рисунке или скульптуре личностных качеств в виде отдельных персонажей и разыгрывание диалогов между ними [5].

Таким образом, возможности арт-терапии как средства профилактики и коррекции девиантного поведения подростков связаны с обращением к творчеству, способному помочь личности научиться переживать различные эмоции. На примере анализа изотерапии человек способен обрести свое истинное пред-

назначение, решить внутренние проблемы (эмоциональные переживания, страхи, проблемы в общении с родителями и ровесниками, личностная тревожность и др.), найти психологические ресурсы для их решения, стимулирующие подростков к самовыражению и рефлексии.

Библиографический список

1. Абрамова, Г. С. Возрастная психология / Г. С. Абрамова. – М.: Просвещение. – 2000. – 624 с.
2. Бруно, Марк Терапия творческим самовыражением. – М.: Академический проект, 2012. – 487 с.
3. Грабенко, Т. Н. Коррекционные, развивающие и адаптирующие игры: методическое пособие для педагогов, психологов и родителей / Т. Н. Грабенко, Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб.: Детство-пресс, 2004. – 64 с.
4. Казанцева, Е. В. Психоаналитический подход к пониманию природы аддиктивного поведения / Е. В. Казанцева, А. В. Макаров, А. Е. Москаленко // Психолог. – 2022. – № 2. – С. 51–65.
5. Киселева, М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе / М. В. Киселева. – Речь, 2007. – 336 с.
6. Копытин, А. И. Арт-терапия / метод. пособие / А. И. Копытин. – СПб.: образования, 2005.
7. Копытин, А. И. Теория и практика арт-терапии / А. И. Копытин. – СПб.: Питер, 2002.
8. Макаров, А. В. Профилактика никотиновой зависимости как одной из форм аддиктивного поведения подростков / А. В. Макаров, А. О. Доронина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2019. – № 1. – С. 82–89.
9. Макаров, А. В. Куклотерапия как психолого-педагогическая технология в работе с детьми младшего школьного возраста / А. В. Макаров, Е. А. Зибарева // Преемственность между дошкольным и начальным общим образованием в условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта: сб. мат. VII Международ. науч. конф., Таганрог, 29–30 сентября 2020 года. – Ростов-н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2020. – С. 203–205.
10. Макарова, Е. А. Использование арт-терапевтических методик в психологической профилактике виктимного поведения подростков / Е. А. Макарова, В. И. Мищенко, Е. Г. Петрова // Национальное здоровье. – 2021. – № 3. – С. 47–52.

Воронченко А.А.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
РГЭУ (РИНХ)
г. Таганрог;
Новикова Е.И.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
РГЭУ (РИНХ)
г. Таганрог

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: в статье изучается развитие творческих способностей подростков, выступающего как одно из важных условий профилактики девиантного поведения.

Ключевые слова: подростки, профилактика, девиантное поведение, арт-терапия, личностные ресурсы, творческие способности.

Voronchenko A.A.,
Undergraduates
A.P. Chekhov TI (branch)
RSEU (RINH)
Taganrog
Novikova E.I.,
Undergraduates
A.P. Chekhov TI (branch)
RSEU (RINH)
Taganrog

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF ADOLESCENTS AS A CONDITION FOR THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Annotation. The article studies the development of creative abilities of adolescents, acting as one of the important conditions for the prevention of deviant behavior.

Key words: adolescents, prevention, deviant behavior, art therapy, personal resources, creativity.

В современной социально-культурной ситуации большую роль играет идея создания креативной среды, в которой личность чувствует себя полноценно и стремится к творческому самовыражению [4]. В процессе своего развития каж-

дый подросток выступает как объект и активный субъект собственного развития, преобразующий окружающую среду и себя в этом мире. Психологи отмечают, что развитие творческих способностей относится к числу важных условий профилактики девиантного поведения подростков и молодежи в целом в связи с изучением причин девиантного и делинквентного поведения, описанием социально-психологического портрета дезадаптивного подростка, проведением ранней диагностики, профилактики и предупреждение школьной дезадаптации и др.

Как известно, девиантное поведение трактуется как совокупность поступков или действий, нарушающих принятые в обществе социальные, психологические, моральные нормы, правила и принципы. Среди типичных подростковых девиаций вызывают интерес дисморфомания, дромомания, пиромания, а также противоправные действия, в том числе наркомания, токсикомания, алкоголизм, угон автотранспорта, побег, домашние кражи, хулиганство, вандализм, агрессивное, аутоагрессивное поведение и др. Их возникновение связано не только со средовыми факторами, влиянием социального окружения, но и с уровнем напряженности, повышением экстравертированности, ригидностью, эмоциональной возбудимостью, акцентуированной готовностью к риску. За счет указанных характеристик у девианта блокируется возможность личностного роста.

Необходимость целенаправленной системной социально-психологической работы по профилактике девиантного поведения подростков определяет единство воспитательных воздействий родителей, наставников, представителей органов власти, СМИ и др., в результате которого несовершеннолетний может оценить собственные индивидуальные способности и творческий потенциал, осознать важность психологической трансформации. Анализ психологической литературы по теме позволил подчеркнуть, что творческие способности рассматриваются как индивидуальные особенности качеств личности (творческое мышление, творческое воображение и др.), проявляющиеся в их творческой активности. Активное участие подростка в различных видах созидательной деятельности за счет расширения культурно-образовательного пространства изменяет систему мотивов, а также формирует волевые и моральные качества.

Изучение творческих способностей как интегративного свойства личности, проявляющегося на интеллектуальном, мотивационном и личностном уровнях, характеризуется, как правило, на фоне протекания кризиса подросткового возраста [1, 37] с учетом физической зрелости, изменений в когнитивной, эмоциональной, волевой сферах, а также социометрического статуса в коллективе. От педагогов, наставников и родителей требуется создание атмосферы сотрудничества и сотворчества, обращение к индивидуальным особенностям личности (уровню творческих возможностей, творческой мотивации, индивидуальному темпу работы и др.).

Развитие творческих способностей подростков как условие профилактики девиантного поведения осуществляется в процессе психологического сопровождения в форме диалога ребенка и взрослого. Диалоговый характер их взаимодействия подчеркивается ситуацией выбора и последующим самостоятельным решением подростка, поощрением высказывания им оригинальных идей, предоставлением возможности активно задавать вопросы и др. Деятельность по воспитанию личностных качеств, потребностей, привычек связана с системой нравственных ценностей, развитием эмоционально-ценностного отношения личности. «Переход от мысли к действию» осуществляется через «гуманистические отношения, благоприятный психологический климат, активную творческую деятельность, обеспечивающие эффективность саморазвития и самовоспитания обучающихся через механизмы самопознания, рефлексии, целеполагания» [2, 655], отражает уровень их убеждений с учетом «локуса контроля, ценностных ориентаций, элементов подражания старшим, агрессивности, тревожности и самооценки» [3, 240]. На пути взросления личность подростка нуждается в модификации предлагаемых наставником упражнений, выражении ребенком собственного отношения. С методической точки зрения наставнику следует отслеживать спонтанную активность детей, применять арт-технологии, медиаобразовательные, игровые технологии, технологии развивающего обучения, приемы активного слушания и др.

Применение арт-технологий в профилактической работе с подростками связано с обращением к возможностям различных видов искусства и развитием творческих способностей. Психологи подчеркивают, что для подростка не всегда легко объяснить с помощью слов собственное эмоциональное состояние, передать настроение, рассказать о переживаниях. Невербальная экспрессия для них представляется более естественной, а творческий продукт прост для восприятия и анализа. Поэтому арт-терапевтический компонент коммуникации с личностью должен учитывать его естественную склонность к творческой деятельности, склонность к конкуренции и лидерству, опираться на детскую фантазию и необходимость коррекции негативной «Я-концепции». Включая элементы арт-терапии в развивающие занятия и тренинги, педагоги и наставники могут судить о динамике личностного развития, гармонизации психоэмоционального состояния, склонности к девиантному поведению, социометрическом статусе в группе.

Таким образом, развитие творческих способностей подростков связано с формированием мировоззрения, самостоятельности суждений, собственной самооценки, стремления к самовоспитанию, лидерским потенциалом. Он определяется уровнем творческой свободы личности, не готовой находиться в определенных рамках, следовать образцу, выполнять задания по шаблону и др. Все это актуализирует задачу развития творческих способностей и креативного мышления подростков, а также работу над такими их компонентами, как чувствительность к новому, способность видеть и ставить проблемы, способность генерировать идеи, выдвигать гипотезы, беглость, гибкость и оригинальность мышления, способность к фантазии, интуиции и воображению. Возможность создавать новое, развитие навыка смотреть на вещи и окружающий мир другими глазами определяется поиском и нахождением личностных ресурсов и творческого потенциала, формированием смысло-жизненных ориентаций и смысло-творчества. Рассматривая развитие творческих способностей подростков как условие профилактики девиантного поведения, важно создавать условия для разработки и реализации индивидуальных и коллективных творческих

инициатив, разрабатывать социокультурные проекты, что, безусловно, сказывается на развитии творческих способностей подростков в когнитивном, деятельностном и эмоционально-ценностном аспектах.

Библиографический список

1. Воронченко, А. А. Развитие творческих способностей подростков в условиях учреждений дополнительного образования / А.А. Воронченко // Опыт и эффективные инструменты развития современной системы дополнительного (внешкольного) образования детей: мат. V Всерос. ярмарки социально-педагогических инноваций – 2018, 29 марта 2018 г. / под ред. Л.А. Турик. – Ростов-на-Дону: Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018. – С. 36–38.
2. Макаров, А. В. Психолого-педагогические условия формирования здорового образа жизни студентов / А. В. Макаров // Информационные и инновационные технологии в науке и образовании: материалы V Всерос. научно-практич. конф. с международным участием, Таганрог, 28–29 октября 2020 г. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2021. – С. 655–657.
3. Калатошишвили, У. О. Организация работы по профилактике табакокурения подростков в условиях детского оздоровительного лагеря / У. О. Калатошишвили, А. В. Макаров // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: сб. мат. IV-й Всерос. научно-практич. конф. Таганрог. ин-та имени А.П. Чехова, Таганрог, 15 декабря 2020 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2021. – С. 238–244.
4. Семенов, И.Н. Обзор направлений российской психологии творчества и одаренности [Текст] / И.Н. Семенов // *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*. 2017, Vol. 6, Is. 6A. – С. 3–22.

Извекова И.В.,
магистрантка
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

МОТИВАЦИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ У ЖЕНЩИН В ПОСЛЕРОДОВОЙ ПЕРИОД

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме применения понятия «ограниченной вменяемости» в отношении ст. 106 УК РФ. Дискуссионным во-

просом является выявление причин психотравмирующих ситуаций на мотив совершения преступления, а также корректировки мер поддержки и контроля за беременными и родившими женщинами, находящимися в нестабильном психическом состоянии.

Ключевые слова: психические расстройства, не исключающие вменяемость, психические аномалии, убийство матерью новорожденного ребенка, уголовная ответственность, преступление.

Izvekova I.V.,
Master student
FSBEI "Taganrog Institute named after
A.P. Chekhov (branch) "RGEU (RINH)"
Taganrog

MENTAL DISORDER NOT EXCLUDING SANITY CAUSED BY THE MOTHER OF THE NEWBORN CHILD

Annotation. This article is devoted to the problem of applying the concept of "limited sanity" in relation to Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. The debatable issue is to identify the causes of psycho-traumatic situations on the motive of committing a crime, as well as adjusting support and control measures for pregnant women and women who have given birth in an unstable mental state.

Key words: mental disorders that do not exclude sanity, mental anomalies, murder of a newborn child by a mother, criminal liability, crime.

На протяжении многих лет актуальной остаётся проблема выявления психических расстройств, не исключающих вменяемости, при квалификации преступлений в соответствии со ст. 106 УК РФ. Убийство матерью новорожденного ребёнка является привилегированной статьёй, отличающей её от п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по нескольким признакам [1]. Однако, до сих пор затруднительным является факт выявления причин психического расстройства у матери при совершении преступления, а также наличие причин, повлекших подобное расстройство психики и значение их при квалификации преступления.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, необходимо также отличать от смежного понятия психического расстройства, исключающего вменяемость. Так, стоит отметить некоторые обстоятельства, вызвавшие состояние расстройства, не исключающего вменяемости – они могут быть не сопряжены с беременностью и родами, в отличие от обстоятельств, вызвавших

психотравмирующую ситуацию [2]. Главным отличием является то, что психические аномалии, не исключая вменяемость предполагают под собой медицинскую оценку, когда к психотравмирующим ситуациям принято относить их социальную природу происхождения. При назначении судом наказания учитывается юридическая оценка состояния лица в момент совершения преступления, на основании судебно-медицинской экспертизы, однако важным остаётся факт выявления причин, повлекших за собой то или иное психическое расстройство [3].

Несмотря на то, что беременная женщина чаще всего находится в позитивном состоянии, ее психика подвержена большой стрессовой нагрузке вследствие адаптации организма к данному явлению. Подобное состояние психики можно отнести к категории макрострессоров, что определяется следующими признаками. Во-первых, психика женщины в состоянии беременности сопровождается стойкими аффективными реакциями. Во-вторых, в отличие от хронических стрессов беременность имеет рамки во времени и пространстве. В-третьих, организм и психика во время беременности предполагает качественную перестройку в структуре «индивид-окружающий мир», в следствие чего от женщины требуется более продолжительное время и ресурсы для адаптации к новому состоянию организма. Так, к довольно продолжительным стрессорам могут добавляться повседневные, жизненные стрессоры, которые усиливают эмоциональную напряженность, внутренние и внешние конфликты, восприятие окружающей среды.

Почти каждая беременная женщина нуждается в постоянной заботе не только близких людей, но и помощи профессиональных психологов, поскольку близкие люди, в частности, становятся теми самыми повседневными стрессорами. Актуальной в свою очередь остается также выработка эффективных мероприятий, направленных на оптимизацию деятельности психологических служб в медицинских учреждениях, а также введения периодического и постоянного контроля за беременными женщинами, не состоящих на учете у психиатра и не страдающих психическими расстройствами. Это связано прежде всего

с анализом и оценкой психологических свойств личности, ведущих тенденций личности, особенностей проявлений в стрессовых ситуациях женщин с нормальным и осложненным протеканием беременности.

Опираясь на судебную практику, можно сделать вывод о том, что частыми причинами психических расстройств у рожениц-убийц является уход или смерть мужа, низкий социальный уровень семьи. Однако, стоит рассмотреть данные ситуации с психологической точки зрения и указать пути решения данных проблем. Важным фактором является временной промежуток произошедшего негативного события. Так, если женщина по какой-либо из причин осталась одна за несколько месяцев или недель до фактического рождения ребёнка и этот факт заметно повлиял на её психическое состояние, она в зависимости от критичности состояния должна быть помещена под постоянный стационарный или амбулаторный контроль врача-психиатра. В случае отсутствия критического психического состояния женщина за довольно продолжительный срок приняла факт произошедших событий и совершала убийство ребёнка в осознанных и заранее спланированных условиях, что должно лишать её права привилегированной статьи и квалифицировать её действия по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Стоит отметить, что подобного рода события могли произойти накануне, что могло спровоцировать преждевременное рождение ребёнка и усугубить состояние женщины. В любой из представленных ситуаций важным остаётся психологический контроль во время и после непосредственных родов, общения с ребёнком под присмотром врачей и оказание необходимой психиатрической помощи. Указанные аспекты должны быть в той или иной мере закреплены законодательно и при необходимой ситуации выполняться своевременно и в полном объёме. За несоблюдение данных мер специальным персоналом, а также близкими родственниками они должны будут нести уголовно-правовую ответственность наряду с субъектом преступления ст. 106 УК РФ как соучастники, а также по ст. 125 УК РФ, как умышленное оставление в опасности новорожденного ребёнка с психически нездоровым человеком. При выявлении психических аномалий, а также негативно влияющих на плод образа жизни и поведения

беременных женщин, они должны ставиться на определённый учёт в местный отдел полиции, отдел социальной опеки и на постоянное наблюдение врачей-психиатров в целях избежать мертворождения и фактического причинения смерти новорожденному ребёнку.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что убийство новорожденного ребёнка матерью остаётся одной из самых дискуссионных проблем уголовного законодательства, как с юридической, так и с психологической стороны. Каждая женщина в момент родов находится в сильном эмоциональном напряжении, но не каждая способна причинить вред своему ребёнку, тем более убить [7]. Мы считаем, что исполнительные органы должны более тщательно подходить к исследованию психического состояния женщины. Государством на данный момент создано достаточно большое количество мер для предупреждений подобного рода преступлений: материальная поддержка малоимущих граждан, бесплатная медицинская помощь на протяжении беременности и на время родов, бесплатные службы психологической помощи для людей, попавших в трудную ситуацию, а также детские дома, в которых смогут позаботиться о жизни и здоровье ребёнка.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)".
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 (ред. от 03.03.2015) "О практике применения судами принудительных мер медицинского характера".
4. Карасова А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2003. – 225 с.
5. Котов В. П., Мальцева М. М. Клинико-психологические аспекты категорий невменяемости и недееспособности в российском законодательстве // Российский психиатрический журнал. – 2014. – № 1. – С. 13.

6. Федеральный закон "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" от 19.05.1995 N 81-ФЗ.
7. Шостакович Б. В., Исаенко Н. В. Ограниченная вменяемость: информационное письмо. – М., 2000.

Исаев М.Ю.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СКЛОННОСТИ К ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ВЫГОРАНИЮ СОТРУДНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

Аннотация. В статье представлены анализ теоретических основ проблемы эмоционального выгорания, а также изучения специфики профессиональной деятельности военнослужащих, их личностных особенностей, влияющих на формирование эмоционального выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, истощение, личностные особенности, тревожность, ригидность мышления.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING THE TENDENCY TO EMOTIONAL BURNOUT OF EMPLOYEES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Isaev M.Y.,
Master's student
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog

Annotation. The article presents an analysis of the theoretical foundations of the problem of emotional burnout, as well as the study of the specifics of the professional activities of military personnel, their personal characteristics that affect the formation of emotional burnout.

Ke ywords: emotional burnout, exhaustion, personality traits, anxiety, rigidity of thinking.

Изучением проблемы эмоционального выгорания занимаются многие как отечественные, так и зарубежные ученые, начиная с 70-х годов прошлого столетия. Своей актуальности феномен эмоционального выгорания не только не утратил, но и приобрел. Существуют разные точки зрения на данное явление, но наиболее популярной является теория американских психологов К. Маслач и С.Дженкинса. Согласно их взглядам, синдром эмоционального выгорания является защитной реакцией психики и организма человека на продолжительное воздействие различных стрессовых ситуаций, связанных с его профессиональной деятельностью, с общением.

Невозможность постоянно работать на максимальных затратах персональных ресурсов, вызывает развитие усталости, постепенно переходящее в разочарование по отношению к выбранной деятельности.

В настоящее время отсутствует единый взгляд на структуру синдрома эмоционального выгорания, но очевидно, что он является деформацией личности, являющуюся следствием эмоционально трудных и напряженных отношений в системе «человек-человек» [4, 10].

В связи с этим, синдром эмоционального выгорания изучается психологами как «синдром профессионального выгорания». Содержательное определение профессиональной деформации личности принадлежит Е.А. Климову [8], который писал, что «...профессиональные стереотипы являются абсолютно естественными для профессионала, и что человек не способен и в других социальных ситуациях, выполняя совершенно другие социальные роли, выйти за рамки сформированного и ставшего привычным стереотипа. Человек оказывается неспособен каким-либо образом перестроить свое поведение в соответствии с условиями действительности, которая постоянно изменяется».

Разрабатывая проблему синдрома хронической усталости, Э.В. Боллз писал, что сотрудник мучается не только от нервного или физического истощения, а от «хронических стрессов нервной системы». Происходит это по причине непрерывного эмоционального контакта с большим количеством клиентов, пациентов. Сопровождается синдром такими признаками, как тошнота, боли в раз-

личных мышцах, скачки температуры, перепады настроения, или, в качестве крайнего варианта, депрессивными проявлениями. Параллельно с этим возникает и постепенно повышается общая невротизация личности сотрудника.

Как отмечает А.К. Маркова, если выполняемые обязанности работнику неприятны, то и производительность труда, как следствие, существенно снижается, и по прошествии непродолжительного временного отрезка работник окончательно теряет заинтересованность и в процессе, и в результате своей работы.

Другие авторы в качестве ведущего показателя выделяют эмоциональное истощение, а оставшиеся компоненты считают результатом непрофессионального поведения, то есть деперсонализации или мотивационно-потребностной деформации самого работника [7, 10].

Конкретизируя имеющиеся общие данные о синдроме эмоционального выгорания под конкретную профессиональную деятельность, в данном случае деятельность военнослужащих, нельзя не упомянуть о влиянии личностных характеристик, присущих военнослужащим в большей мере, чем представителям других профессий.

Каждому военнослужащему как личности присущи определенные особенности психической деятельности, которая формируется и развивается в различных социальных условиях, в том числе и в воинском подразделении, что накладывает определенный отпечаток на его психологию.

Развитию синдрома эмоционального выгорания способствуют следующие личностные особенности [5, 107–109]:

- повышенная эмоциональная лабильность;
- высокий самоконтроль, особенно при волевом подавлении отрицательных эмоций;
- идеализация мотивов своего поведения;
- повышенная тревога и депрессивные реакции, связанные с недостижимостью «внутреннего стандарта»;
- ригидность личностной структуры.

Большинство из представленных выше особенностей так или иначе проявляются у военнослужащих в более выраженной степени по сравнению с занятыми в других сферах сотрудниками.

Спецификой воинской деятельности является нахождение ее субъектов в постоянном взаимовлиянии не только с условиями службы, но и с другими военнослужащими, что обуславливает взаимную межличностную связь. Сам процесс взаимодействия при этом является неотъемлемым условием эффективной деятельности. Военнослужащий взаимодействует с другими людьми и окружающей реальностью в интересах поддержания равновесного состояния со средой обитания, гармонии с ней, тождества и непротиворечивости своего существования. Это неперемное условие его жизни в сложившихся условиях [5, 124–125].

Несомненно, большой отпечаток на личность военнослужащих накладывает высокая нормативность служебных отношений, которые регламентируются как законами, действующими в обществе, так и воинскими уставами, имеющими силу законов. В них сформулированы основные принципы взаимоотношений: единоначалие, субординация, войсковое товарищество и дружба, коллективизм, воинская вежливость, честь и достоинство, справедливость, гуманизм и др. [2, 44–46].

Наибольшее влияние данное поведение оказывает на три сферы жизнедеятельности личности: сфера интеллекта, для которой характерны отсутствие воображения, снижение концентрации внимания с отсутствием способностей к выполнению заданий повышенной сложности, ригидность мышления; мотивационная сфера, в которой проявляется отсутствие инициативы выполнение заданий строго по инструкциям, снижение эффективности деятельности; эмоционально-социальная сфера, в которой возможны проявления безразличия, избегания контактов вне профессиональной деятельности совместно с избеганием тем, связанных с работой, чрезмерной привязанности к конкретному лицу, отказа от хобби [3, 107–109].

Функционально-служебная деятельность военнослужащего предъявляет к его личности постоянно растущие требования, среди которых требования к ее

нравственной устойчивости и надежности. Помимо этого, его деятельность выполняется в экстремальных условиях, характеризующихся ненормированным объемом решаемых задач, эмоционально напряженным характером содержания, организации, критериев оценки и условий деятельности и общения, а также особенностями социальной ситуации, в которой эта деятельность реализуется [6].

Однако далеко не каждый военнослужащий может адаптироваться к постоянно растущим требованиям, эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность и социальную роль в сложных конфликтных ситуациях общения, а потому возрастает вероятность возникновения и развития неблагоприятных психических, в том числе эмоциональных, состояний.

Основная проблема здесь состоит в том, что профессиональная деформация личности военнослужащего объективно и социально обусловлена.

Однако далеко не каждый военнослужащий однозначно «ломается» в неблагоприятных условиях его жизненной и профессиональной ситуации. С чего начинается профессиональная деформация и как она происходит – это вопрос о её социально-психологических условиях, личностных факторах и механизмах.

Психолог Ю.М. Губачёв выделяет две важные особенности формирования выгорания у военнослужащих – первый случай: если человек совсем отказывается от собственных интересов и установок и полностью растворяется в другом, направлен на его убеждения и ценности, проникается его заботами и событиями, изменяет себе. Второй случай: человек настолько консервативен и непроницаем по своему складу, что просто не подпускает других к себе, общается с ними формально на уровне шаблонов, стереотипов, масок ролей [1, 314–318].

Профессиональная деформация военнослужащего представляет собой изменение профессиональных возможностей и его личности в асоциальную сторону, возникающее в экстремальных условиях его деятельности, характеризующихся эмоционально напряженным характером содержания, организации, критериев оценки и условий деятельности и общения, а также особенностями социальной ситуации, в которой эта деятельность реализуется.

Эмоциональное выгорание формируется как закономерное системное явление в своем социально-психологическом значении. Существует множество факторов, способствующих развитию или торможению выгорания, которые по своей природе могут быть индивидуальными и организационными.

Библиографический список

1. Вараева, Н. В. Программа профилактики эмоционального выгорания специалистов «Работа в радость» [Текст] / Н. В. Вараева. – Москва: Флинта, 2013. – 385 с.
2. Василюк, Ф. Психология переживаний [Текст] / Ф. Василюк. – М., 2004. – 753 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика [Текст] / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб.: Питер, 2014. – 513 с.
4. Водопьянова, Н. Е. Профессиональное выгорание и ресурсы его преодоления [Текст] / Н. Е. Водопьянова // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2013. – С. 27–34.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессий / Э. Ф. Зеер. – М., 2003. – 583 с.
6. Зимницкая, Е. А. Синдром эмоционального выгорания у военнослужащих [Текст] / Е. А. Зимницкая // Вестник Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. – 2015. – № 1. – С. 180–183.
7. Иваница, Ю. В., Холина, О. А. Профилактика эмоционального выгорания как одного из факторов предотвращения возникновения аддикций // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: мат. II-й Региональной научно-практич. конф. Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», 20 октября 2018 г. Ростов-на-Дону, 2019. – С. 98–103.
8. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: ИПП; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 400 с.
9. Холина, О. А., Петрова, Е. Г. Понятие синдрома эмоционального выгорания (история вопроса) // Актуальные проблемы специального и инклюзивного образования детей и молодежи: мат. IV-й Международ. научно-практич. конф. Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) «РГЭУ (РИНХ)» 28 февраля 2020 г. [Электронный ресурс] / О. А. Холина, Е. Г. Петрова. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. – С. 258–262.

10. Холина, О. А., Иваница, Ю. В. Анализ методов психопрофилактической работы с синдромом эмоционального выгорания // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: материалы II-й Региональной научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», 20 октября 2018 г. / О. А. Холина, Ю. В. Иваница. – Ростов-на-Дону: Издат. Полиграф. Комплекс РГЭУ (РИНХ), 2019. – С. 98–103.

Исаев М.Ю.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ИССЛЕДОВАНИЕ СКЛОННОСТИ К ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ВЫГОРАНИЮ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования склонности к эмоциональному выгоранию у военнослужащих ВС РФ.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, эмоциональное истощение, редукция личных достижений, деперсонализация.

Isaev M.Y.,
Master's student
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog

STUDY OF THE TENDENCY TO EMOTIONAL BURNOUT IN MILITARY PERSONNEL

Annotation. The article presents the results of a study of the tendency to emotional burnout in the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: emotional burnout, emotional exhaustion, reduction of personal achievements, depersonalization.

В нашей стране все большую актуальность приобретают исследования, посвященные негативным последствиям процессов эмоционального выгорания у

представителей различных профессий, прежде всего, работающих в системе «человек-человек». В настоящее время проблема профессионального стресса особенно остро стоит перед нашим обществом. В современном постиндустриальном мире меняется отношение людей к работе, работающие теряют уверенность в стабильности своего материального и социального положения, в гарантированности рабочего места, материального благополучия, обостряется конкуренция за престижную и высокооплачиваемую работу. Особенно актуальными они являются для военнослужащих Вооруженных сил РФ. Умение выработать конструктивное отношение к служебным ситуациям и сведение к минимуму негативного влияния последствий. Базироваться они должны на представлениях человека о своих ресурсах и на более общем умении управлять ими, проектируя основные направления своей профессиональной деятельности [5, 6, 7, 8].

В реальных условиях военнослужащие подвержены постоянному воздействию негативных факторов, причем часто повторяющиеся негативные эмоции с ростом стажа работы снижают психоэмоциональную устойчивость, приводящую к развитию тревожности, раздражительности, апатии, вспыльчивости. Подобные проявления личности получили название синдрома эмоционального выгорания.

В данной статье представлены результаты исследования эмоционального выгорания с помощью опросника «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (МВІ) К. Маслач и С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой. Выборку составили 50 военнослужащих из пограничных войск РФ, профессиональный стаж которых составил не менее 10 лет.

На рисунке 1 представлены результаты исследования опросника «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (МВІ) К. Маслач и С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой у военнослужащих ВС РФ.

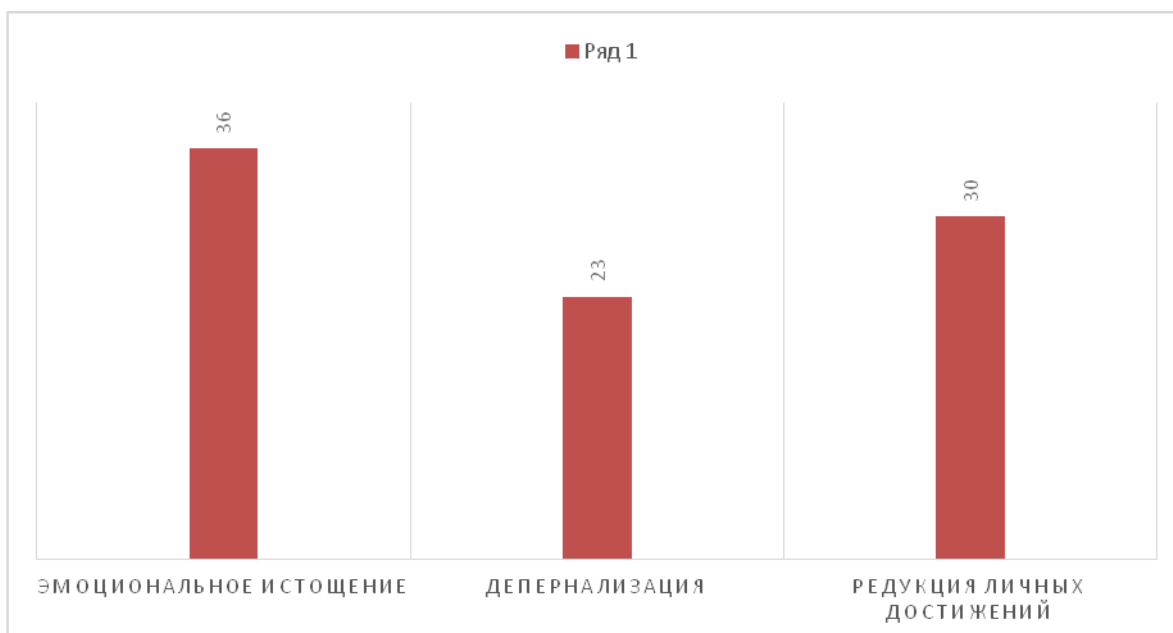
В группе испытуемых получены высокие показатели по шкалам «Эмоциональное истощение» (средний балл - 36), «Редукция личных достижений» (средний балл – 30) и «Деперсонализация» (средний балл – 23). Можно сделать вывод, что в группе военнослужащих явно выражены показатели склонности к эмоциональному выгоранию.

Высокий уровень по шкале «Эмоциональное истощение» свидетельствует о том, что у испытуемых снижен эмоциональный тонус, происходит утрата интереса, повышена психическая истощаемость и позитивных чувств к окружающим, неудовлетворенности жизнью в целом и наблюдается ощущение «пресыщенности» службой.

Средний уровень по шкале «Деперсонализация» проявляется в деформации отношений с окружающими, она бывает двух видов: повышенная зависимость от других либо повышение негативизма, циничности установок и чувств по отношению к окружающим. Высокий уровень по шкале «Редукция личных достижений» говорит нам о том, что проявляется либо в тенденции к негативно-му оцениванию себя, либо в редуцировании собственного достоинства, своих профессиональных достижений и успехов, ограничении своих возможностей, обязанностей.

С помощью кластерного анализа все испытуемые были разделены на две группы. Анализ выполнен на основании итоговой суммы баллов по 3 шкалам методики МВІ, так как о тяжести эмоционального выгорания можно судить по сумме баллов всех шкал.

Рисунок 1 – Выраженность склонности к эмоциональному выгоранию в выборке военнослужащих ВС РФ (средний балл)

Максимальный суммарный балл по трем шкалам составляет 101 балл. Первую группу составили респонденты, у которых не была выявлена склонность к эмоциональному выгоранию (испытуемые, у которых общий балл ниже 66 баллов), и вторую группу – респонденты с формирующимся или уже сформированным синдромом эмоционального выгорания (испытуемые, у которых общий балл выше 66 баллов). Испытуемые, набравшие высокие баллы, находятся в состоянии переживания пониженного эмоционального фона, равнодушия или эмоционального пресыщения. Для них может быть характерно повышение зависимости от других или повышение негативизма, циничности установок и чувств относительно подчиненных, сослуживцев и т. д.

Первую подгруппу составили 34 человека, т. е. 68 % военнослужащих ВС РФ, у которых не был обнаружен синдром эмоционального выгорания, вторую подгруппу составили 16 военнослужащих (32% от общей выборки) со склонностью к эмоциональному выгоранию; хотелось бы отметить, что их стаж работы превышает 15 лет службы.

Для дальнейшего исследования выборка была разделена на две группы – контрольную группу (военнослужащие с низким уровнем эмоционального выгорания) и экспериментальную группу (военнослужащие со средним и высоким уровнями эмоционального выгорания).

Полученные данные были использованы в разработке профилактической и коррекционной программ преодоления эмоционального выгорания и дальнейшей работе с двумя группами военнослужащих.

Как отмечает Н.В. Водопьянова, наиболее опасно выгорание в начале своего развития, связывая это с тем, что сотрудник, как правило, почти не осознает его симптомы, поэтому первыми замечают изменения в его поведении коллеги [2, 3].

Именно поэтому достаточно важно вовремя увидеть данные проявления и правильно организовать систему поддержки таких работников. Особое внимание следует обратить на идентификацию тех факторов, которые приводят к развитию данного синдрома, и учитывать их при разработке профилактических программ.

Библиографический список

1. Бойко, В. В. Энергия эмоций / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2004. – 695 с.
2. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб.: Питер, 2014. – 513 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Профессиональное выгорание и ресурсы его преодоления / Н.Е. Водопьянова // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2013. – С. 27–34.
4. Зимницкая, Е. А. Синдром эмоционального выгорания у военнослужащих / Е.А. Зимницкая // Вестник Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. – 2015. – № 1. – С. 180–183.
5. Иваница, Ю. В., Холина, О. А. Профилактика эмоционального выгорания как одного из факторов предотвращения возникновения аддикций // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: материалы II-й Региональной научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», 20 октября 2018 г. / Ю. В. Иваница, О. А. Холина. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 98–103.
6. Холина, О. А., Петрова, Е. Г. Понятие синдрома эмоционального выгорания (история вопроса) // Актуальные проблемы специального и инклюзивного образования детей и молодежи: материалы IV-й Международной научно-практической конференции Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) «РГЭУ (РИНХ)», 28 февраля 2020 г. / О. А. Холина, Е. Г. Петрова. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство ЮФУ, 2020. – С. 258–262.
7. Холина, О. А., Иваница, Ю. В. Анализ методов психопрофилактической работы с синдромом эмоционального выгорания // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения: материалы II-й Региональной научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)». 20 октября 2018 г / О. А. Холина, Ю. В. Иваница. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 98–103.
8. Холина, О. А. Проблемы эмоционального выгорания в профессионально-педагогической деятельности / О. А. Холина // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2014. – № 2. – С. 277–282.

Макаров А.В.,
канд. филол. наук, доц.
ТИ имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ);
Переверзева А.В.,
студентка
ТИ имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОМАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможности социальной рекламы, используемые как важное средство психологической профилактики наркомании.

Ключевые слова: социальная реклама, психологическое воздействие, молодежь, профилактика, наркомания, контент, виды социальной рекламы.

Makarov A.V.,
Candidate of Philology,
Assoc. A.P. Chekhov TI (branch)
RSEU (RINH);
Pereverzeva A.V.,
student A.P. Chekhov
TI (branch) RSEU (RINH)

THE ROLE OF SOCIAL ADVERTISING IN THE PREVENTION OF DRUG ADDICTION OF MODERN YOUTH

Annotation. This article discusses the possibilities of social advertising used as an important means of psychological prevention of drug addiction.

Key words: social advertising, psychological impact, youth, prevention, drug addiction, content, types of social advertising.

В современном обществе несомненна роль рекламы, выступающей «двигателем прогресса» в качестве эффективного инструмента, который позволяет донести до широких масс новость о событии, информацию о продаже идеи, товара или услуги с учетом «потребительских и коммуникативных практик» [1, 119]. Однако реклама выполняет не только коммерческую функцию, но и социально значимую роль, например, в профилактике наркомании, помогая людям осознать проблему и предлагая выход из сложившейся ситуации.

В данной статье мы рассмотрим роль социальной рекламы в профилактике наркомании, определим значимость психологического воздействия социальной рекламы, рассмотрим содержание тематического контента в социальной рекламе, разберем важные этапы разработки рекламного обращения и выделим типичные ошибки в реализации проектов, разрабатывающих образцы антинаркотической социальной рекламы.

Психология рекламной деятельности на сегодняшний день является малоизученной отраслью психологической науки, которая опирается на механизмы восприятия, ощущения и сознания и помогает создавать ту самую рекламу, при просмотре которой зритель / читатель может испытывать различные чувства: от умиления до отвращения. Показательно, что знание указанных механизмов соответствует одному из компонентов профессиональной компетентности психологов, разрабатывающих проекты, связанные с социальными масс-медиа [3].

Интерес к социальным медиа в целом обусловлен кризисными явлениями современного общества: сокращением продолжительности жизни, ослаблением здоровья, в том числе психологического, что является следствием стрессов, негативных эмоций и новостей, а также подверженностью различного рода «искушений» потребительского формата жизни, таких как азарт, алкоголизм, никотиновая и наркотическая зависимость, а также необходимостью «повышения правосознания, выступающего как симбиоз сфер эмоционального и рационального» [2, 211].

На уровень здоровья человека и общества влияет множество факторов, среди которых важное место занимают наследственный, социально-экономический, экологический, деятельность системы здравоохранения и др. Однако указанные факторы относятся к второстепенным факторам. Главная ответственность за личное здоровье лежит на самом человеке и является отражением его образа жизни, его ценностей, установок. К сожалению, немногие понимают и осознают данный факт, зачастую не относясь серьезно к собственному телу и здоровью, откладывая необходимость лечения, и стараются переложить ответственность за происходящее на других, например, врачей.

У современного человека, вне зависимости от уровня его образования, представление о здоровом образе жизни сводится к занятиям спортом, отказу от вредных, пагубных привычек, контролю рациона питания. Это во многом связано с отношением к социальной рекламе, которая транслирует ценности здоровья и последствия неправильного отношения к нему с помощью различных средств: печатной рекламы, видео- и радиорекламы, иллюстраций и фотографий, интернет-рекламы и др.

Рекламу здорового образа жизни, опирающуюся на психологические аспекты, можно разделить на два вида – шокирующая и идеализированная [4]. Главной целью шокирующей рекламы является то, чтобы после первого же просмотра у человека появились неприятные, негативные эмоции. Другими словами, задача такой рекламы – оказать сильное психологическое воздействие. Шокирующая реклама использует неприятные, порой даже жестокие и безобразные образы, чтобы как можно «лучше» донести свою идею до человека. Главная цель такой рекламы – зацепить и заставить запомнить себя. Однако у шокирующей рекламы есть один существенный нюанс – она не предлагает какого-либо выхода из ситуации, она лишь вызывает состояние шока, стресса и оставляет человека один на один со своей проблемой. Часто это может нанести только вред, включив бессознательные механизмы защиты психики индивида.

Сможет ли такая реклама замотивировать к действию, задуматься о вреде, например, наркомании и заставить бросить употребление вредных веществ? Вопрос спорный. Потенциально, шок может нанести вред нездоровой психике. Шок полезен лишь в микродозах и только для здорового общества и должен завершаться позитивным посылом, показывающим варианты решения проблемы [5].

Противоположность шокирующей рекламы – идеализированная, которая направлена на то, чтобы показать все в лучшем виде. Она направлена на то, чтобы с помощью идей и эмоций сформировать для аудитории идеальную картину мира, к которой человек придет, если будет следить за своим здоровьем. Например, подтянутая девушка, с идеальным рельефом мышц тела, рекламирующая тренажер, дает людям ответ на вопрос: «Что мне делать, чтобы быть

здоровым и подтянутым?». С одной стороны, такая реклама должна в большей степени подталкивать человека к осознанию важности ценностей здорового образа жизни, но, с другой, она может сформировать у человека понимание, что рекламный образ далек от него, что заставит дистанцироваться и отложить идею здорового тела «на потом», чтобы не разочароваться от несоответствия «рекламному идеалу».

Как мы видим, каждый вид рекламы имеет свои плюсы и минусы, которые необходимо учитывать, чтобы сформировать то рекламное сообщение, которое будет отвечать поставленным задачам. Цель и характер воздействия на человека, которому адресована реклама – одни из главных факторов, которые определяют содержание социальной рекламы. Ведь, по сути, ее воздействие направлено на то, чтобы создать у человека внутреннюю готовность к каким-либо действиям. Для этого изучают мотивацию поведения человека. Изучение мотивации помогает выявить основные установки индивида, на которого направлена реклама, и определить смысл его поступков. Как известно, личность характеризуют установки, которые связаны с подсознательным уровнем психической деятельности. Поэтому, чтобы определить их, психологи проводят различные диагностические исследования. На основе полученной информации о человеке создатели рекламы могут попробовать усилить интенсивность положительной мотивации и снизить действие выявленных установок.

Все мотивы, которые используются в социальной рекламе, условно, можно разделить на три вида: рациональные (мотив здоровья, прибыльности, надежности, гарантий, удобства и др.); эмоциональные (мотив свободы, страха, значимости, самореализации, гордости, привлекательности, радости и др.); социальные (стремление к справедливости, порядочности, защите, состраданию). Анализ специфики потребительской аудитории и установление ее мотивов позволяет сформулировать основную идею обращения социальной рекламы.

Чтобы разработать социальное рекламное обращение (не только в сфере профилактики наркомании), необходимо сформулировать его основную идею. Обращение должно быть направлено на сообщение конкретному потребителю

того, что ему важно и интересно услышать. При этом подаваемая информация должна быть правдоподобной, доказуемой, грамотно оформленной. Под грамотностью составления текста понимается его правильное логическое построение, отсутствие каких-либо противоречий и двусмысленных фраз. Иначе, даже имея благую цель – рассказать о вреде наркотиков, можно вызвать у потребителя желание попробовать их.

Важно грамотно использовать статистические данные, которые могут усилить объективность и придать тексту серьезность исследования, а также не вызовет искажения фактов. Например, мы может сказать, что «80% наркоманов – ВИЧ-инфицированы», хотя реальная картина такова, что 80% ВИЧ-инфицированных являются наркоманами. Поменяв местами показатели, можно завысить или занижить реальные факты в десятки раз. Статистика является лишь вспомогательной информацией, которая должна быть представлена в точном, ясном виде, опираться на неоспоримые аргументы и подкреплять отрицательную позицию по отношению к наркотикам. При работе в социальной рекламе со статистическими данными можно выделить ряд основных ошибок: использование большого количества статистических данных, противоречивых данных, недостоверных источников и др.

Следующим важным этапом разработки социальной рекламы в профилактике наркомании является выбор заголовка. Чтобы материал был прочитан с большей долей вероятности, необходимо составить наиболее интригующий и небанальный заголовок. Как показало исследование рейтинга статей сайта «Без наркотиков», наиболее удачными заголовками материала являются: «Наркотики и дети» (4498 просмотров статьи), «Наркотики и подростки (4471), «Химический секс» (3587), «Наркомама» (2752).

И, напротив, самыми неудачными заголовками являются: «Наркотическое отрезвление» (610 просмотров), «Изъятие героина в Красноярске» (142), «Изъято 5 килограммов героина» (175). Как можно заметить, наблюдается сильный контраст количественных показателей анализа просмотров материала. Именно поэтому важно ответственно подходить к выбору и составлению заголовка.

Разберем основные ошибки, которые часто встречаются при планировании и реализации продуктов социальной рекламы в сфере профилактики наркомании.

К ним относятся:

- непонимание сущности наркомании и сведение всей проблематики к двум простым вопросам – употреблять или нет;
- создание паники (шокирующая реклама) и отсутствие каких-либо предложений для решения обозначенной проблемы;
- описание наркозависимого человека как больного, что позволяет оправдать его поведение как допустимое для таких людей;
- разделение наркотических веществ на «легкие» и «тяжелые»;
- освещение вопросов наркомании, которые могут исказить суть и быть расценены как пропаганда наркотиков (например, вопрос легализации; прибыли от реализации наркотиков; освещение жизни звезд шоу-бизнеса, которые страдают наркоманией и др.);
- использование недостоверных источников;
- героизация личности наркозависимых;
- публикация и использование одного и того же материала как для наркозависимого человека, так и для здорового;
- использование непрофессионального мнения;
- дискредитация мнения профессиональных наркологов под предлогом «отсутствия опыта» употребления наркотиков;
- создание образа избранности наркомана;
- проникновение в культуру наркоманов, чтобы вызвать интерес у аудитории.

Все перечисленные выше ошибки приводят к тому, что происходит искажение публикуемого материала, который можно расценить как пропаганду наркотиков [6].

Чтобы этого избежать и создать качественную социальную рекламу, необходимо следовать следующим этапам работы: сформулировать проблему, миссию, цель, требования, предъявляемые к работе над социальным рекламным

проектом, и установить контрольные точки для оценки выполненной работы, определить детальные критерии конечного результата, провести декомпозицию работы и установить все этапы и задачи, которые должны быть выполнены, разработать календарь выполнения работы, определить необходимые ресурсы, ввести систему контроля, назначить ответственных лиц за выполнение конкретных задач, определить возможные риски и непредвиденные обстоятельства.

Важно, чтобы используемые средства и решаемые задачи соответствовали главной идее рекламы. Например, для того чтобы показать пагубное и разрушительное воздействие наркотиков, можно использовать рассыпающееся изображение. И наоборот, чтобы показать и подчеркнуть красочность жизни, можно использовать появление цветового спектра. Соблюдая вышеперечисленные этапы, можно добиться создания эффективной социальной рекламы.

В рамках данной работы мы рассмотрели некоторые психологические аспекты изучения процессов восприятия, ощущения и сознания человека, учитываемые в процессе проектирования социальной рекламы в сфере профилактики наркомании. Определены отличия шоковой рекламы от идеализированной, рассмотрены содержание рекламного обращения, главные этапы его разработки, частые ошибки при организации социальной рекламной кампании в профилактике наркомании.

Библиографический список

1. Макаров, А. В. Вейпинг как социально-психологическая проблема / А. В. Макаров, Е. Т. Мартынчук // Актуальные проблемы аддиктивного поведения: материалы V-й Всероссийской научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, 15 декабря 2021 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2022. – С. 117–121.
2. Муромцева, К. Р. Профилактика аддиктивного поведения курсантов образовательных учреждений МВД РФ посредством повышения уровня их правосознания / К. Р. Муромцева, А. В. Макаров // Актуальные проблемы аддиктивного поведения: материалы V-й Всероссийской научно-практической

конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, 15 декабря 2021 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2022. – С. 208–214.

3. Психология в рекламе // Психология и бизнес [Электронный ресурс] / Мартынов С. – Режим доступа: <http://www.psychology.ru/library/2466> [Дата обращения: 10.12.2022].
4. Максимова Я. Пропаганда здорового образа жизни в рекламе: шокировать или идеализировать? // «Эффективные коммуникации». Профессиональный журнал о рекламе и PR [Электронный ресурс] / Я. Максимова. – Режим доступа: <http://www.eff-com.ru/archive/issue5/advertising/socialnaya-reclamaglazami-professionalov/propoganda-zdorovogo-obraza-zhizni-vreklame.html> [Дата обращения: 10.12.2022].
5. Стенограмма информационно-аналитического совещания «Проблемы современной социальной рекламы антинаркотической направленности» // «Нет наркотикам». Информационно-публицистический ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/ecolumn_6454.html [Дата обращения: 10.12.2022].
6. Решение Межведомственной комиссии при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе «О роли средств массовой информации в формировании общественного мнения антинаркотической направленности, пропаганде здорового образа жизни, массового занятия физкультурой и спортом, и мерах по противодействию рекламе наркотиков в Северо-Западном федеральном округе» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/oinfo_5541.htm [Дата обращения: 10.12.2022].

Миняйло И.О.,

магистрант

г. Таганрог, ТИ имени А. П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

ФЕНОМЕН ЛЖИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. В данной статье раскрыто общее понятие феномена лжи и двойственное отношение ко лжи в современном обществе.

Ключевые слова: ложь, феномен лжи, вранье, обман, неправда, правда, истина.

Minyailo I.O.,
Undergraduate
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch)
"OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY (RINH)",
Taganrog

THE PHENOMENON OF LIES THE IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Annotation. This article is devoted to general concept of the lies phenomenon and dual attitude to lies in the modern society.

Key words: lie, the phenomenon of lies, lies, deception, untruth, truth, truth.

Нас с детства учат, что ложь – это плохо, но давайте задумаемся, а всегда ли ложь несет только отрицательный заряд, всегда ли мы хотим слышать правду или современное общество опосредованно предполагает наличие лжи?

Ложь – это феномен, который неотъемлемо присутствует в современном обществе. В настоящее время интерес со стороны исследователей к проблемам правды и лжи значительно вырос. Бурное развитие социальных сетей и огромное количество информации, публикуемой в них, приводит нас к пониманию того, что вся информация, опубликованная там, не может быть правдой.

В межличностном общении мы зачастую не обращаем внимания, как часто прибегаем к бытовой лжи. Такая ложь в большинстве случаев обусловлена не злым умыслом, а наоборот, благими намерениями, но по своей сути это все равно ложь.

Для определения лжи используются различные категории. В утвердившемся сознании общества ложь ассоциируется с негативным, отрицательным явлением – обманом, который определяют либо как синоним лжи, либо как процесс, порождающий ложь.

Определений лжи огромное количество, вот некоторые из них:

Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, ложь – это «вранье, обман, неправда, намеренное искажение истины» [7].

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона дает следующее определение лжи: «Ложь – в отличие от заблуждения и ошибки – обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине. Из прилагательных от этого слова, безусловно, дурное значение сохраняет лишь форма лживый, тогда как ложный употребляется также в смысле объективного несовпадения данного положения с истиною, хотя бы без намерения и вины субъекта; так, лживый вывод есть тот, который делается с намерением обмануть других, тогда как ложным выводом может быть и такой, который делается по ошибке, вводя в обман самого ошибающегося» [11].

Согласно Учебному словарю по возрастной и педагогической психологии: «Ложь – это феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей. Ложь представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющий целью ввести реципиента в заблуждение. Ложь вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях» [9].

Большая энциклопедия по психиатрии В.А. Жмурова трактует понятие лжи по-своему: «Ложь – это намеренное введение кого-либо в заблуждение путем сообщения не соответствующих действительности сведений. В тех случаях, когда ложь причиняет кому-то, включая самого индивида, вред, рассматривается как патология, особенно свойственная некоторым типам психопатической личности (антисоциальной, параноидной, истерической и др.)» [5].

Практически все выше представленные определения позиционируют ложь как исключительно отрицательное явление, не несущее ничего позитивного. Однако в среде философов и психологов имеет место и другое, отличное от выше приведенного значения мнение.

Например, Д.И. Дубровский, говорит о благонамеренной, приемлемой лжи: «Здесь возникает четкая теоретически значимая альтернатива: либо переделать общее понятие лжи (а тем самым и правды); это противоречило бы всей философской и социокультурной традиции; либо признать, что существуют разные виды лжи, в первом приближении – два вида: ложь злонамеренная, эк-

зистенциально вредоносная и ложь не злонамеренная, в том числе благонамеренная, экзистенциально приемлемая. Последнее позволяет гораздо более реалистично отобразить и осмыслить природу человека, многомерную панораму противоречий общественной жизни с учетом истории человечества, мирового опыта философии, религии, политической и правовой деятельности и особенно художественной литературы и поэзии, в которых моральные и экзистенциальные проблемы занимают центральное место. Этот опыт свидетельствует о существовании и неустранимости во все века, у всех народов не только злонамеренного, злодейственного обмана, но и «лжи из человеколюбия», добродетельного обмана, всегда игравшего незаменимую роль в человеческих отношениях» [4, 73–84].

Немецкий философ, культурный критик и филолог Ф. Ницше предлагает рассматривать ложь, вынося ее за пределы нравственности, указывая на то, что ложь необходима как механизм естественного отбора в эволюционном развитии человека [6].

Следовательно, понимая значимость социально выстроенных границ лжи, возможно выделить проблему социальной значимости лжи и ее роли в развитии самого общества.

Аналогичного мнения по поводу принятия и необходимости существования лжи придерживается Н.А. Бердяев, который пишет о том, что «ложь всегда есть в значительной степени явление социального порядка. Человек лжет, главным образом, другим. И даже когда человек лжет самому себе, то он это делает, имея сознательно и бессознательно ввиду других. Человек играет роль перед самим собой, чтобы потом играть эту роль перед другими. Социальные отношения людей наполнены не только злой ложью, порожденной волей к могуществу, но и невинной условной ложью. Невинная условная ложь может быть условием возможности человеческого общежития. Так, например, человек бывает вежлив с другим человеком, которого ненавидит в глубине души. Ложь делается злом, когда воля к преобладанию и могуществу, не личному только, но и коллективному, хочет себя во что бы то ни стало реализовать. Воля к могуще-

ству может быть свойственна индивидууму, но она всегда носит социальный характер» [2, 102–108]. В своих исследованиях Н.А. Бердяев рассматривает общественную значимость лжи, ее роль и влияние на политические процессы и массовое сознание, ее особую функцию формирования идеологии как средства контроля [3, 83–91].

Похожей точки зрения придерживается Ю.Н. Александров, исследуя концептуальную ложь, основанную на истинных фактах, как средство идеологической борьбы [1].

При понимании феномена лжи необходимо учитывать не только личность самого лжеца, но и личность жертвы обмана: «В одних случаях обман есть злонамеренное действие, где жертва обмана не желала, чтобы ее вводили в заблуждение. В других случаях обман, как указал еще Абд-ар-Рахман, автор трактата «Сорванные покровы», является смысловым и содержательным наполнением некоторых социальных действий, профессий и взаимосвязей» [12].

Вышесказанное характеризует ложь как особый социально-психологический феномен, обладающий особой функциональной значимостью в процессе формирования и становления отдельных личностей, в контексте межличностного взаимодействия.

А.Р. Ратинов в своей работе о судебной психологии указывает: «Следует помнить, что ложь не всегда обусловлена тем, что конкретный человек совершил тот или иной проступок. Ложь может быть и защитной реакцией невиновного. Опасение незаслуженного обвинения и наказания нередко толкает подозреваемого на отрицание действительных фактов и ложные утверждения, в которых он ищет средства защиты от ошибочных подозрений» [8].

Несмотря на моральное неодобрение лжи, она прочно заняла свое место в современном межличностном общении. Часто ложь рассматривают как средство защиты личности (эволюционно приобретенное средство выживания).

В целом, можно констатировать, что ложь является неизбежным спутником (социально-психологической компонентой) жизнедеятельности человека в обществе. Поэтому, как указывает Ю.И. Холодный, «любые попытки «исключо-

чить» из нашей жизни ложь являются утопичными, психологически неверными и, в силу этого, бесперспективными» [10].

Библиографический список

1. Александров, Ю. Н. Концептуальная ложь и объективная истина / Ю. Н. Александров // Диалог. – 2003. – № 4. – С. 15–19.
2. Бердяев, Н. А. Парадокс лжи / Н. А. Бердяев // Человек. – 1999. – № 2. – С. 102–108.
3. Бердяев, Н. А. Правда и ложь в общественной жизни: соч.: т. 4 / Н. А. Бердяев. – Париж, 1990. – С. 83–91.
4. Дубровский, Д. И. Проблема добродетельного обмана / Д. И. Дубровский // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 73–84.
5. Жмуров, В. А. Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров: 2-е изд. – М.: Джангар, 2012. – 864 с.
6. Ницше, Ф. Об истине и лжи во неморальном смысле / Ф. Ницше // Философские науки. – 1997. – № 1. – С. 52–63.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: АСТ, 2018. – 736 с.
8. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей. Научно-практическое руководство / А. Р. Ратинов. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
9. Учебный словарь и персоналии по возрастной и педагогической психологии / В. П. Иванова, Н. Н. Палагина / под общ. ред. Н. Н. Палагиной. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. – 198 с.
10. Холодный, Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность. Справочная информация и рекомендации / Ю. И. Холодный. – М.: Издательский дом «Мир безопасности», 1998. – 95 с.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии: в 12 т. / отв. ред. В. М. Карев, М. Н. Хитров; науч. консульт. М.М. Наринский. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 5. Дюма – Клейнъ. – 799 с.
12. Щербатых, Ю. В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия / Ю. В. Щербатых. – М.: Эксмо, 2005. – 720 с.

Потапова Я.С.,
студент
Таганрогского института имени А.П. Чехова,
г. Таганрог;
Мищенко В.И.,
зав. лабораторией
практической и экспериментальной психологии,
доцент кафедры психологии
Таганрогского института имени А.П. Чехова,
г. Таганрог

ГРУППОВАЯ ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С ВИКТИМНЫМИ СТУДЕНТАМИ

Аннотация. Статья посвящена описанию специфики проявления виктимного поведения, а также предложена возможная психокоррекционная работа с данной категорией клиентов. Рассматриваемый метод групповой коррекции с применением арт-терапии изложен в исторической перспективе, описаны его преимущества и выполняемые задачи.

Ключевые слова: виктимность, виктимное поведение, студенты, методы групповой психокоррекции.

Potapova Y.S.,
Student,
Taganrog Institute named
after A.P. Chekhov (branch
«of Rostov State
University (RINH)" ,
Taganrog;
Mishchenko V. I.,
Head. laboratory of practical
and experimental psychology, associate Professor
Taganrog Institute named after Chekhov
(Rostov State Economics University)

GROUP PSYCHOCORRECTION WORK WITH VICTIM STUDENTS

Annotation. The article is devoted to the description of the specifics of the manifestation of victim behavior, as well as a possible psychocorrective work with this category of clients is proposed. The considered method of group correction with the use of art therapy is presented in a historical perspective, its advantages and tasks are described.

Key words: victimization, victim behavior, students, methods of group psychocorrection.

Понятие «виктимность» появилось ещё в XX веке и получила своё начало в криминальной психологии – «учение жертвы», но через некоторое время представление об этом явлении изменилось вследствие чего «виктимность» стала более важной, на неё обратили внимание не только в криминальной психологии, но и в социологии, социальной психологии, психопатологии и психологии личности [6]. «Виктимность [от лат. *victima* – жертва] – склонность становиться жертвой преступления. Это устойчивое свойство личности быть жертвой обстоятельств, преступлений чаще, чем другие люди, или в тех условиях, которые для большинства являются нейтральными» [2, 67–68].

Как отмечал С.Л. Франк, «личностная виктимность проявляется как набор социальных и психологических особенностей личности, которые дают преимущество человеку стать жертвой определённого преступления» [9, 22]. Личностная виктимность есть компонент массовой групповой виктимности, она может как реализоваться, так и оставаться в виде нереализованных предрасположений и предпосылок.

На самых ранних этапах развития человеческого общества для обеспечения своего выживания и развития люди собирались в группы, для проведения культовых обрядов и важных событий. Многие древние мыслители использовали групповую форму философствования для проверки своих идей о человеческом роде и природе Вселенной (Сократ), средневековые монахи объединялись в ордена, для очищения Божественной сущности. Объединения данной формы содержали в себе зачатки для тенденций в групповой работе, которые наблюдаются в современной психологии [9, 10].

Опыт современной групповой терапии имеет много исторических предвестников. К примеру, этот опыт встречается у австрийского врача Антона Месмера, который лечил от различных соматических и психических болезней. Месмер выдвигал гипотезу, что «поведение людей в группах подчиняется психологическим закономерностям и что группа сама по себе может рассматри-

ваться как психотерапевтический фактор», но, к сожалению, в результате обвинений комиссией во главе с Б. Франклином о шарлатанстве истина данной гипотезы осталась без внимания [9, 10].

Только лишь в XIX–XX в. поведение людей в группах и влияние самих групп на относительно здоровых и больных людей стали предметом систематических исследований. Первые попытки использования групповых методов лечения появились в США и назывались «имперсивно-инспирационной» (подавляюще-вдохновляющей) терапией [9, 10]. Первым, кто стал ее практиковать, стал бостонский врач Джозеф Пратт, который занимался лечением бедных людей от туберкулёза не имеющих возможности лечиться в стационаре. В 1905 г. с целью экономии своего времени он стал собирать группы по 20 человек, благодаря чему малоимущие пациенты объединялись, они вели дневники, которые свидетельствовали о формировании общности и стремлении к взаимопомощи, но Пратт не придавал особого значения их самостоятельному лечебному потенциалу и считал, что это имеет только экономичную форму. И только лишь через несколько лет, когда его метод фактически исчерпал себя, он пришёл к убеждению, что основой психотерапии как раз является благотворное воздействие одного человека на другого. Несмотря на то, что работы Пратта не теряют своей актуальности и по сей день, наибольшее влияние на развитие групповой терапии оказали теория и практика психоанализа, берущая своё начало в работах Зигмунда Фрейда. Ему групповая терапия была не интересна, он интересовался психологией масс и склонности идентифицирования себя членов группы с сильной личностью лидера. Позже многие последователи Фрейда пытались адаптировать методы индивидуальной терапии для возможности работы с группами (например, Альфред Адлер) [9, 11].

К числу ранних попыток работать с группами в рамках психоаналитической традиции можно отнести деятельность психиатров Луиса Вендера в 1929 году и Пауля Шилдера в 1934 году. Сам термин «групповой анализ» предложил Трайджент Барроу в 1925 году, он стал сомневаться в правомерности ориентации на отдельную личность при психоанализе и пришёл к убеждению, что от-

дельную личность нужно изучать через социальную группу, в которой эта личность находится.

У групповой формы работы есть множество преимуществ. Человек социален, во время игры или работы, человек испытывает потребность в контакте с другими людьми и делится с ними своими впечатлениями, опыт пребывания в группах помогает решить много проблем, возникающих при межличностных отношениях. Обычно опыт, полученный в специально организованных группах, переносится на внешний мир. Ещё одним преимуществом является то, что в группе можно быть не только участником, но и наблюдающим за ходом групповых взаимодействий со стороны зрителем. Можно идентифицировать себя с активными участниками группы, а полученный опыт использовать при оценке собственных эмоций и поступков. Помимо этого, группа может способствовать личностному росту, ведь в группе неизбежно вынуждается самоисследование и интроспекция. Следующим преимуществом является возможность в получении поддержки и обратной связи от других членов группы, имеющих похожие проблемы или полученный до этого опыт способный оказать существенную помощь. В процессе взаимодействий в группе осознаётся ценность и потребность в других людях, человек в группе чувствует себя принимающим других и принимаемым другими, он чувствует доверие, заботу и помощь, а именно это и требуется людям с личностной виктимностью [9, 15–16].

Человек с виктимностью имеет специфический характерологический портрет, он имеет особое мировоззрение и восприятие своей личности, что провоцирует деструктивное мышление и провокационные действия личности человека, вследствие чего он неосознанно «притягивает» как магнит к себе недоброжелателей, манипуляторов и преступников. Такой человек приносит себя в жертву ради блага окружающих людей, терпит любые несправедливости и обиды, а также поступает наперекор личным интересам и жертвует своими благами. В любом коллективе человек с личностной виктимностью станет объектом колкостей, издёвок и необоснованной критики, руководство будет нагружать его непосильным количеством работы и обязанностей. У таких людей также

присутствуют проблемы в личных отношениях, их спутники быстро теряют к ним интерес, для домочадцев человек с личностной виктимностью будет в роли добровольного раба который будет всех ублажать, его будут оскорблять, унижать, поднимать на него руку и не считаться с его мнением и потребностями. Такого человека будут выталкивать из очереди в магазине, прогонять с места в общественном транспорте. Он будет постоянно попадать в неприятные и опасные ситуации. Окружающие такого человека люди будут им манипулировать, дерзко злоупотреблять безотказностью и его мягкосердечием. Люди с виктимностью зачастую страдают от мошенников и различного рода аферистов, их ради мишени часто выбирают грабители и маньяки.

Несмотря на всё вышесказанное жертва не понимает, почему именно с ней это происходит, ведь она вовсе не хочет испытывать страдания. Такой человек, как и все хочет внимания, уважения и заботы от окружающих, но не способен сам разобраться в причине пренебрежительного к нему отношения. Моделью поведения человека с личностной виктимностью будут бездумные, необдуманные и провокационные действия, вызывающие у других желание его унижить и причинить какой-либо вред. Такие поведенческие паттерны формируются в подростковом возрасте и закрепляются в период юности и молодости.

Данные черты требуют коррекции у разных возрастных категорий: обучающихся общеобразовательных школ, студентов, взрослых людей. Эти черты определяются практической, а также социокультурной значимостью, потребностью формирования и решения задач социально адаптированной личности, а также высокой необходимостью виктимологической коррекции.

С точки зрения отечественных авторов арт-терапия является одним из эффективных методов профилактики и коррекции личностной виктимности [4]. А.И. Копытин считает, что при помощи арт-терапии можно повлиять на творческую деятельность человека в рамках психотерапевтических отношений. С её помощью можно лечить различные эмоциональные расстройства, психические нарушения у людей, находящихся в «группе риска», психологической коррекции, профилактики и реабилитации [3].

Арт-терапию можно использовать как основной метод коррекции, так и в качестве одного из вспомогательных. Специалисты выделяют два основных механизма для психологического коррекционного воздействия. Первый механизм заключается в том, что «благодаря искусству в его особой символической форме можно реконструировать практически любую конфликтную ситуацию и с помощью переструктурирования этой ситуации найти её решения на базе креативных способностей субъекта. Второй механизм заключается в связи с природой эстетической реакции человека, которая позволяет изменить действие аффекта от мучительного к приносящему наслаждение» [1, 127].

При помощи арт-терапии появляется возможность корректировать проявления личностной виктимности. Коррекция заключается в нейтрализации внешних воздействий и социальных предпосылок; нейтрализацию негативных проявлений и определение социально-психологического типа, к которому относится человек [5, 71].

При работе с личностной виктимностью человека необходимо направить на осознание того факта, что в результате возникающих чувств, обусловленных не событиями, а тем, как человек их интерпретирует и что при этом говорит сам себе. В случае если клиент продолжает считать, что это именно окружающие его люди и ситуации делают его беспокойным, печальным, виноватым или злым, а консультант будет на его стороне, то работа будет направлена только на решение сиюминутной проблемы, решив которую человек создаст себе новые трудности и неприятности для оправдания себя.

Люди с личностной виктимностью, обращаясь за помощью, на первый взгляд хотят изменений в своей жизни, хотят «по-новому» себя ощущать, думать и вести себя иначе, в итоге борются против этих изменений.

Проявляя сочувствие и поддержку на начальном этапе, можно успокоить и разоружить клиента, а вследствие внимательного слушания, сопоставления, профессиональной постановке вопросов, грамотного использования позитивных «поглаживаний» и подходящих методов психологической коррекции по-

зволяет добиться положительных результатов в работе с личностной виктимностью.

Итак, арт-терапия является одним из эффективных способов коррекции личностной виктимности. С её помощью можно при помощи ряда методов психологического воздействия повлиять на творческую деятельность человека в рамках психотерапевтических отношений. С помощью арт-терапии можно лечить различные эмоциональные расстройства, психические нарушения у людей находящихся в «группе риска», психологической коррекции, профилактики и реабилитации. При использовании арт-терапии появляется возможность работать с различными негативными состояниями человека.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М., 1968. – 345 с.
2. Кондратьев, М. Ю., Ильин, В. А. Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание / М.Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – Москва: PerSe, 2007.
3. Копытин, А. И. Практическая арт-терапия: лечение, реабилитация, тренинг / А. И. Копытин // Арттерапия – новые горизонты / под ред. А. И. Копытина. – Москва: Когито-Центр, 2008.
4. Макарова, Е. А., Мищенко, В. И., Петрова, Е. Г. Использование арт-терапевтических методик в психологической профилактике виктимного поведения подростков / Е. А. Макарова, В. И. Мищенко, Е. Г. Петрова // Национальное здоровье. – 2021. – № 3. – С. 47–52.
5. Основы виктимологии: учебно-методическое пособие / сост. Л.Е. Тарасова – Саратов: 2014.
6. Особенности личности, склонной к виктимному поведению: теоретический анализ личности, склонной к виктимному поведению [Электронный ресурс]: PSIHOLGN.ORG – Психолог. Нагайбакский район. – Режим доступа: <https://psihologn.org/index.php/psihologam-main3/560-lichnostnyecherty-podrostkov-s-razlichnym-urovнем-sklonnosti-k-viktimnomu-povedeniю>.

7. Петрушин, В. И. Музыкальная психотерапия / В. И. Петрушин – М., 1999.
8. Рудестам, К. Групповая психотерапия / К. Рудестам. – СПб.: Питер Ком, 1999.
9. Франк, С. Л. Виктимология и виктимность. – М., 1975.

Рытикова А. В.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РПП И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЕДАНИЯ У ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики формирования РПП и причин возникновения эмоционального переедания у женщин. Обозначены основные подходы к описанию феномена «расстройство пищевого поведения» у женщин. Делается вывод, что определяющими детерминантами для данного вида нарушения выступают психосоциальные факторы.

Ключевые слова: РПП (расстройство пищевого поведения), заедание проблемы, эмоциональное переедание, булимия, анорексия, психические заболевания, компульсивное переедание, психогенное переедание.

PSYCHOLOGICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF RPP AND EMOTIONAL OVEREATING IN WOMEN

Annotation. The article is devoted to the consideration of the specifics of the formation of RPP and the causes of emotional overeating in women. The main approaches to the description of the phenomenon of eating disorder in women are outlined. It is concluded that the determining determinants for this type of violation are psychosocial factors.

Key words: RPP (eating disorder), problem eating, emotional overeating, bulimia, anorexia, mental illness, compulsive overeating, psychogenic overeating.

Все чаще на улицах, в СМИ и социальных сетях мы видим полных людей, причем ни столько полных, сколько имеющих лишний вес и ожирение. Способствует этому множество факторов, в том числе доступность недорогой и готовой еды с высокой калорийностью и повышенный ритм нашей жизни. Мы всё чаще едим, когда нам плохо и когда нам хорошо, когда встречаемся с друзьями

и когда нам просто скучно. Очень часто мы на бессознательном уровне едим и даже не замечаем, сколько и чего съели, разнообразие и красоту вкусов. Насыщение приходит реже, и мы все больше и больше едим [6].

Избыточный вес является серьезной проблемой во всем мире. А ожирение относится к числу факторов, способствующих развитию сердечно-сосудистых заболеваний и диабета. Обе болезни демонстрируют самые высокие показатели смертности на планете. Россия не является исключением. В 2018 году к избыточному весу имело предрасположенность больше половины населения страны. На долю ожирения приходится от 20% до 25% [1]. Специалисты по проблемам пищевого поведения Л.И. Вассерман, Л.В. Святенко, Е.А. Трифонова указывают, что на современном этапе исследования проблемы алиментарного ожирения и для последующей успешной терапии опора только социально-психологические (анкетные) методики для выявления мотивации пищевого поведения, даже в сочетании с оценкой личностной типологии [2], сегодня не может считаться достаточной, если говорить о фундаментальной реконструкции личностных установок пациентов и механизмов их психологической защиты [8].

Среди различных видов нарушенного пищевого поведения особое место занимает эмоциональное переедание. В исследованиях А.В. Бобровского и Г.Э. Мазо «эмоциональное переедание» (компульсивное переедание, психогенное переедание) рассматривается как переедание из-за стресса, утраты, несчастного случая, рождения ребенка и других важных психогенных процессов. Человек в моменты психогенных или триггерных ситуаций восполняет едой «пустоту» в своем психическом здоровье в этот сложный момент [9; 10].

В научной литературе особое внимание уделяется взаимосвязям эмоционального состояния человека и его потребности в пище, прежде всего, мы можем обозначить позицию психодинамического подхода. Л.И. Вассерман, Л.В. Святенко, Е.А. Трифонова указывают, что психодинамический подход к нарушению пищевого поведения основывается на постулате о том, что в основе этого феномена лежит фрустрация ребенка на так называемой оральной стадии

развития, а бессознательной основой патологически повышенного аппетита является страстное желание любви и агрессивные тенденции «поглощать» или «обладать», что разделяется далеко не всеми даже психодинамически ориентированными врачами и психологами [2]. Кроме того, учитывая важность метафоричности телесных реакций, отмечаемую во всех психодинамических моделях, можно говорить об особой показательности ожирения с точки зрения внешнего символического отражения внутриличностного конфликта. Исследуя варианты отражения психических процессов в функционировании организма, З. Фрейд [12] разделял конверсионные расстройства (сейчас по МКБ-10 в рамках диссоциативных расстройств F 44) и соматические эквиваленты тревоги [3].

Почему же одни могут обойтись без замещающей терапии едой, а другие только этим и спасаются? Если изучить в ретроспективном аспекте личностный анамнез человека в системе употребления пищи, можно отметить, что многие родительские установки играют определяющую роль в развитии РПП [10].

Широко известно, что еще глубоко в детстве нас награждали родители едой, а у некоторых и порицали ею. Еда плотно засела в детской голове как стимул. Слышали подобные фразы: «Молодец! Держи конфетку» или «Приберишься в комнате, я куплю тебе шоколадку. Именно такие установки дают нам устойчивое понимание на всю жизнь «Еда=Награда». И во взрослой жизни мы знаем, чем себя наградить или наказать. А возможно в семье были «Блокадники». В этом случае еда на первом месте и можно услышать такие фразы, как: «Еду выбрасывать нельзя», «Не доешь – не встанешь из-за стола» и др. Такие установки четко остаются с нами на всю жизнь и мысль о том, что еда – это чуть ли не самое важное и её всегда должно быть в избытке [6].

Естественно, что человек, имеющий установки, знает, что будет делать в психогенном состоянии, он будет есть. Чаще всего эмоциональным перееданием страдают женщины так же, как и другими РПП. К тому же в фильмах мы часто видим, как героиня в момент сложностей съедает ведро мороженого, смотря грустный фильм. Неосознанно многое влияет на переедание.

Эмоциональное переедание чаще всего производится сладкой или более чем обычно калорийной пищей. Действие еды в моменты стресса можно сравнить с действием алкоголя или психотропных препаратов. Повышается уровень сахара в крови и гормона серотонина (гормона счастья). Женщины чувствуют этот прилив сил, и это входит в привычку. Не удивительно, что последствия подобных действий для фигуры часто плачевны.

Лиджи-Горяева А.А. и Attia E., Walsh B. T. отмечают, что эмоциональное переедание является предвестником более серьезных РПП, а точнее булимии или анорексии, что не удивительно [7; 13;14].

Булимия – это психическое заболевание, представляющее собой расстройство пищевого поведения, при котором больной употребляет большое количество пищи, а потом избавляется от него, вызывая рвоту, применяя слабительные или мочегонные средства, клизмы, чрезмерные физические нагрузки, а также жесткие диеты [5].

Булимия, как отмечает ряд исследователей, может быть связана с нарушением образа тела и «Я-концепцией» человека. Так, Е.Т. Соколова [11], ссылаясь на работы ряда зарубежных авторов 60–70 гг., считает, что существует тесная связь между переменными Я-концепции и формами телесного опыта, в данном случае – особенностями границ образа тела, а также высокая положительная корреляция между удовлетворенностью телом и удовлетворенностью собой, ощущением личностной защищенности и успешностью самореализации. В научной литературе можно найти утверждение, что уровень личностной депрессии напрямую связан со степенью неудовлетворенности своим телом [10; 14].

В ряде работ, проанализированных Е.Т. Соколовой, показано, что при различных видах психической патологии, особенно при нервной анорексии и шизофрении, наблюдаются выраженные нарушения восприятия собственного тела. Подобные нарушения отмечаются и у лиц, страдающих ожирением. Далее автор [11] пишет, что нарушения пищевого поведения тесно связаны с расщеплением телесного опыта и целостной структуры Я, несут в себе мощнейший мотивационный заряд, нуждающийся в «дешифровке».

Булимия меняет личность и ее восприятие себя, персональный образ. Данное заболевание, как и многие другие, имеет свои особенности. Д. Барлоу указывает, что поведение при булимии у человека меняется следующим образом: наличие у человека навязчивой идеи касаясь собственного веса и питания; постоянный контроль массы тела, боязнь съесть лишнее или имеющее высокие калории. Человек заиклен на диетах, похудении, правильном питании и спорте; больной не любит рассматривать себя в зеркале или же, наоборот, всегда замечает в своём теле изъяны, носит мешковатую одежду; имеет частые расстройства, наблюдаются слёзы, недовольства; после приема пищи сразу идёт в туалет или ванную комнату.

Ключевыми в определении болезни становятся симптомы булимии: неконтролируемое поедание пищи; потребление пищи, пока никто не видит; чрезмерные тренировки, которые не отменяются даже при травмах и простудных заболеваниях; вызывание рвоты; приём мочегонных и слабительных препаратов; скачки роста и падения массы тела в короткий срок [4].

Можно сказать, что психогенное переедание рано или поздно может привести не только к ожирению, но и к булимии. Ведь в какой-то момент придет чувство вины за количество съеденного, и человек может начать «безобидно» вызывать рвоту после переедания. Незнание другого решения проблемы, кроме как заедание и психологическое восполнение «душевной пустоты» едой, есть огромный риск развития булимии.

До сих пор в России нет официальной статистики по булимии, но мировой процент смертности от заболевания заставляет задуматься о том, что она необходима. Так, от булимии умирает один человек каждый час. Не менее важен и возраст заболевших. 95% опрошенных отметили, что первые симптомы появились у них в возрасте 12–25 лет [14].

Развитие анорексии также вероятно при эмоциональном переедании. Так как булимия может исходить из анорексии, а анорексия из булимии, началом РПП может быть переедание (которое тоже является РПП). Например, кто-то может сказать безобидную, по его мнению, привычную нам фразу: «Ты так по-

правились». Одна женщина отшутится и уйдет по своим делам, а вот для кого-то это может послужить серьезным триггером и явным призывом к действию.

В переводе с греческого «анорексия» — это «отсутствие позывов к еде». Это реально опасное для здоровья расстройство пищевого поведения (РПП). Анорексию (нервную анорексию или НА) называют также синдромом Твигги (по имени модели Лесли Лоусон, которая умерла из-за своего увлечения диетами), позже синдромом Барби (куклы, ставшей эталоном для многих девочек) [14].

Самый яркий симптом – отказ от еды при сохранении физиологической потребности в питании, характеризующейся стремлением к похудению и преднамеренными действиями для этого, страхом перед ожирением, даже если его в действительности нет, и искаженным восприятием своего тела.

Летальность в некоторых странах достигает 18–20 %. РПП встречается у 2–3% населения независимо от культуры, этноса и расы. 80-90 % из них – женщины. Пик заболеваемости приходится на 15–20 лет (40 % от общего числа больных). Среди мужчин анорексия является редкостью. Более, чем у половины людей, болезнь становится хронической даже после полного выздоровления [14].

Анорексия – не всегда нарушение психики. Болезнь может носить и временный характер, например, в период восстановления после отравления, поэтому существует еще несколько разновидностей [3]:

- Первичная – развивается при патологиях ЖКТ. Характеризуется простым отсутствием аппетита.
- Нервно-психическая – отказ от еды происходит на фоне паранойи или депрессии.
- Психическая болезненная – отсутствие аппетита при нормальном самочувствии.
- Лекарственная – побочный эффект приема некоторых препаратов, например, антидепрессантов, стимуляторов.
- Нервная – сознательный отказ от приема пищи, вызванный всеобъемлющей идеей похудения.

Эмоциональное переедание – это заболевание, которое характеризуется набором лишнего веса. Основное проявление – эпизоды обжорства, во время которых человек может часами поглощать пищу, не испытывая при этом голода. Завершаются такие срывы, как правило, чувством вины или стыда, так же, как и булимия. Поэтому, можно сказать, что эмоциональное переедание тесно связано с РПП и является предвестником начала больших проблем.

Спустя некоторое время после начала недуга под патологическое пищевое поведение перестраиваются и физиологические процессы. Меняется скорость синтеза пищеварительных ферментов и инсулина, нарушается метаболизм, растягиваются стенки желудка. Спустя пару минут после принятия пищи возникает неадекватная стимуляция чувства голода из-за снижения концентрации глюкозы в крови [14].

Переедание в МКБ-10 имеет код F50.8. Расстройство пищевого поведения ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Со временем при отсутствии грамотной терапии патология начинает оказывать отрицательное воздействие на физическое и психологическое здоровье человека.

Главной психологической причиной обжорства считается неспособность человека справляться с негативными чувствами, которые спровоцированы внутренним конфликтом и обстоятельствами извне. Стимулом к бесконтрольному поеданию пищи служит страх, тревожность, обида. Люди, склонные к эмоциональному перееданию, часто имеют низкую самооценку [4].

Таким образом, следует особо отметить, что процесс нарушения пищевого поведения связан не только с биологическими предпосылками и психосоциальными факторами, но и обусловлен личностными установками, ценностями, предпочтениями и механизмами психологической защиты.

Библиографический список

1. Бронникова, С. Интуитивное питание / С. Бронникова. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.

2. Вассерман, Л. И. Избыточный вес тела как психосоматическая проблема в контексте психодинамической концепции личности / Л. И. Вассерман, Л. В. Святенко, Е. А. Трифонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 3–2. – С. 186–195.
3. Зиновьева, Е. В. Телесный образ Я и факторы его формирования / Е. В. Зиновьева // Петербургский психологический журнал. – 2019. – № 29. – С. 21–37.
4. Иванов, Д. В. Образ тела у подростков с нарушением пищевого поведения / Д. В. Иванов // Вестник университета. – 2019. – № 6. – С. 198–204.
5. Камнева, К. Ю. Компульсивное переедание: симптомы и лечение URL: <https://probolezny.ru/kompulsivnoe-pereedanie/>.
6. Ключев, А. Как появляется булимия, анорексия и компульсивное переедание URL: https://www.b17.ru/article/how_begin_anorexia_bulimia_overeat/
7. Коркина, М. В., Зейгарник, Б. В., Карева, М. А., Марилов, В. В. Роль возрастного фактора в формировании клиники нервной анорексии / М. В. Коркина, Б. В. Зейгарник, М. А. Карева, В. В. Марилов // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1976. – Вып. 3. – С. 1871–1875.
8. Кузьменко, Ф. Г. Мозговодство. Путь к счастью и удовлетворению / Ф. Г. Кузьменко. – М.: Эксмо, 2020. – 288 с.
9. Лиджи-Горяева, А. А. Классификация психосоматических расстройств / А. А. Лиджи-Горяева // Инновационная наука. – 2020. – № 1. – С. 116–119.
10. Маслевских, М. А. Особенности психологического времени у женщин с расстройствами пищевого поведения / М. А. Маслевских // Вестник магистратуры. – 2022. – № 2–2. – С. 91–99.
11. Сычева, Т. Ю., Султанова, А. Н., Слугин, А. В., Кустова, Е. А. Клинико-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения / Т. Ю. Сычева, А. Н. Султанова, А. В. Слугин, Е. А. Кустова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум», 2020. – С. 159–165.

12. Фрейд, З. Собрание сочинений/ З. Фрейд // Фрагмент анализа случая истерии, 1987.
13. Arcelus, Jon et al. "Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders. A meta-analysis of 36 studies." Archives of general psychiatry 68,7 (2011): 724-31. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2011.74>
14. Deloitte Access Economics. The Social and Economic Cost of Eating Disorders in the United States of America: A Report for the Strategic Training Initiative for the Prevention of Eating Disorders and the Academy for Eating Disorders. June 2020. Available at: <https://www.hsph.harvard.edu/striped/report-economic-costs-of-eating-disorders/>

Холина О.А.,
канд. психологических наук, доцент
зав. кафедрой психологии;
Огурцова А.Н.,
студентка 2 курса ФПИСП
ТИ имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)
г. Таганрог, Россия

САДИЗМ КАК НОРМА ИЛИ ПСИХИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ

Аннотация. В статье раскрывается понятие садизма, также приведены статистические данные о критерии нарушений садистического характера. Описан психологический портрет садиста. Выделяются причины возникновения садистических наклонностей человека, а также дается описание исследований этого термина в зарубежной и отечественной литературе.

Ключевые слова: садизм, жертва, игра на эмоциях, механизм проекции, психопатия, личность, феномен обыденного садизма, Темная триада личностных особенностей.

Kholina O.A.,
phd. of Psychological Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Psychology;
Ogurtsova A.N.,
2nd year student of the Faculty of Psychology and Social Pedagogy
Taganrog Institute named
A.P. Chekhov (branch)
"RSEU (RINH)",

SADISM – AS A NORM OR A MENTAL DISORDER

Annotation. The article reveals the concept of sadism, also provides statistical data on the criteria of sadistic violations. The psychological portrait of a sadist is described. The reasons for the emergence of sadistic tendencies of a person are highlighted, and a description of the studies of this term in foreign and domestic literature is also given.

Key words: sadism, victim, emotional play, projection mechanism, psychopathy, personality, phenomenon of everyday sadism, Dark triad of personality traits.

С этой проблемой каждый день сталкивается множество людей по всему миру. Популярность этой темы такова, что сегодня может рассматриваться не только в качестве общепризнанного понятия, связанного с деструктивным поведением, а как моральное представление о реальной жизни. Люди с наклонностями к садизму встречаются довольно часто. Нередко в обществе они считаются самыми образцовыми мужьями и жёнами, родителями и учителями. Они умело скрываются под маской порядочных граждан, но только в окружении близких людей показывают себя «настоящих». И если результаты реального рукоприкладства будут очевидны глазам окружающих, то «душевные синяки» иногда не в силах опознать даже сама жертва морального насилия.

Специалисты психического здоровья выделяют критерии нарушений садистического характера: среди пациентов амбулаторного типа 3-4%, среди пациентов взрослого стационарного типа – 18% (подростков – 14%), среди осужденных за сексуальные преступления – около 30%, а среди серийных убийц 90%. В среднем женщины-садисты на выборках по криминологии или психиатрии встречаются в 3 раза реже мужчин. Среди боевых участников садизм обычно встречается на 8 уровне и чаще всего связан с алкоголизмом и депрессией [3].

В 1886 году психиатр, невропатолог и сексопатолог Р. Фон Крафт-Эбинг первым употребил понятие «садизм» в работе «Половая психопатия». Он использовал в качестве примера личность известного французского политика и писателя маркиза де Сада, который получал сексуальное удовольствие, доминируя и причиняя боль другим. Психиатр определил термин как «переживание

чувств сексуального, приятного ощущения, вызванного актами насилия, телесным наказанием, нанесенным самому себе или наблюдаемым в других людях или животных». Со временем понятие распространилось и теперь описывает и несексуальное наслаждение, полученное в результате садистских действий [5].

Главная задача эксплуататора — подчинение другого, в большинстве случаев партнёра, которому необходимо отказаться полностью от собственных желаний, чувств и намерений. Это подтвердится, если выразить небольшую попытку самостоятельности и независимости. Могущество над жертвой очень важно для садиста. В жизни эксплуататора высшую ступень занимает именно оно, а не собственная жизнь. Чтобы сохранить могущество, садист способен безгранично заверить партнера в его личной непригодности, убедить в том, что больше никто не сделает для него «лучше», и уверить, что в скором времени все наладится. Ощувив, что избранник уже пристрастился, садист может угрожать разрывом отношений за малейшее неповиновение его указам. Для садиста любимой игрой является игра на эмоциях жертвы. Он точно знает, когда нужно проявить интерес, а когда холод и равнодушие. В то же время садист не думает о чувствах партнера. Садист чувствует внутреннюю победу из-за угнетения подчиняющейся стороны. Избраннику следует выполнять любые указания эксплуататора. Если по какой-то причине он не способен их выполнить, то садист, безусловно, заставит его ощутить гнетущее чувство вины. Сфера эмоций пуста. Внутренние ресурсы жертвы применяются для насыщения пустого садиста, со временем истощая ее. Счастье окружающих вызывает у мучителя желание уничтожить его бесследно. По наитию он точно определяет слабые места других и направляет все свои силы на них. Садист часто применяет психологический механизм проекции. Он переносит все свои отрицательные эмоции на окружающих, упрекая их без малейшего сожаления. Эксплуататор портит настроение другим и тут же обвиняет их в эмоциональной нестабильности. Ответная агрессия способна побудить у мучителя неконтролируемую ярость [6].

Садизм создается на основе собственной вспыльчивости, неуверенности в себе, низких коммуникативных навыков и травмирующего опыта, связанного с

переживанием насилия и унижения. Чаще всего изучаются биологические факторы, выявлено, что органические поражения височной области головного мозга наблюдается у 40 % садистов.

На сегодняшний день к доказанным причинам данной парафилии относят:

Психические расстройства, где садизм присущ людям с эмоционально-поведенческими отклонениями, особенно с несколькими видами психопатий (неустойчивой, эпилептоидной, возбудимой). К группе риска по данному типу расстройств относят лица, обладающие наследственной недоразвитостью.

Жестокость в воспитании, которое проявляется в поведении ребенка в причинение боли, наказания, унижения родителей и воспитателей, что в дальнейшем фиксируется в виде образца. Таким образом, в детстве и подростковом возрасте начинают проявляться наклонности к садизму.

Подавление агрессии, вследствие психологических травм, неудач в сексуальной жизни, неуверенности, комплексов, которые оказываются причиной внутреннего неудовлетворения и напряжения. Все перечисленное проявляется в желании причинить боль и подавить других [4].

В современной литературе на сегодняшний день часто в центре внимания находится феномен обыденного садизма – термин, который характеризует спектр проявлений насилия в повседневной жизни в виде переживания наслаждения от физического, сексуального или психологического страдания другого человека. Предметом изучения оказываются его внешние проявления и формы (прямой и опосредованный, вербальный и невербальный), его связи с существенными объектами (антисоциального поведения, агрессии, разных типов аффекта и др.) и психологические механизмы его формирования. Также в области исследования обыденного садизма популярен и другой вопрос – его потенциальный ввод в Темную триаду личностных особенностей. В настоящее время в литературе есть доказательства обеих альтернатив, но вопрос требует дальнейшего изучения.

Садизм в отечественной психологии изучается в сфере судебной и правовой медицины, а также в сфере социальной, философской и даже филологиче-

ской науки. «Темные» черты личности также динамично разбираются отечественными авторами: в форме целостного мегаобъекта Темной триады и как отдельные объекты. Однако нельзя не отметить, что в русской психологии феномен обыденного садизма в значительной степени не выделяется. Окончание проверки методики измерения психопатических черт К. Патрика и факт одобренных инструментов измерения нарциссических, макиавеллистических черт объекта Темной триады нуждается в порядковом введении арсенала инструментов и методик изучения садистических черт. Такой комплект откроет новейшие пути исследования этих объектов – как внешнего проявления и хронологического взаимодействия, так и основных механизмов развития того или иного эмоционального, личностного и поведенческого характера [1].

Библиографический список

1. Атаджыкова, Ю. А., Ениколопов, С. Н. Апробация методики диагностики психопатии К. Патрика на российской выборке / Ю. А. Атаджыкова, С. Н. Ениколопов // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 75–85.
2. Атаджыкова, Ю. А., Ениколопов, С. Н. Феномен обыденного садизма / Ю. А. Атаджыкова, С. Н. Ениколопов / Вестник Московского университета. *Серия 14. Психология.* – 2021. – № 1. – С. 38–56.
3. Демкин, А. Психология садистического поведения/ А. Демкин // Статьи о психологии и психодиагностике. Психологический блок Андрея Демкина. – URL: <https://onkto.ru/blog/psychology/psikhologiyasadistskogopovedeniya?ysclid=laz7qt4h2l112009837>).
4. Комер, Р. Основы патопсихологии / Р. Комер. – СПб.: Нева, 2001.
5. Крафт-Эббинг, Р. Половая психопатия / Р. Крафт-Эббинг. – М.: Книжный клуб Книговек, 2013.
6. Никнютьева, И. В. Психологический портрет садиста / И. В. Никнютьева. – М.: Самопознание. – URL: https://samopoznanie.ru/articles/psihologicheskiiy_portret_sadista/.

Холина О.А.,
канд. психологических наук, доцент
зав. кафедрой психологии
ТИ имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)
г. Таганрог, Россия;
Огурцова А.Н.,
студентка
ТИ имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)
г. Таганрог, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье объясняется понятие психологического барьера в общении. Раскрываются различные взгляды авторов на природу понятия, причины и факторы его возникновения.

Ключевые слова: психологический барьер, барьеры в общении, коммуникативные барьеры, трудности в общении, причины затруднённого общения.

Kholina O.A.,
psychologist,
phd of Psychological Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Psychology;
Ogurtsova A.N.,
student
Taganrog Institute named A.P. Chekhov (branch)
"RSEU (RINH)",
Taganrog, Russia

PSYCHOLOGICAL BARRIERS TO COMMUNICATION

Annotation. The article explains the concept of a psychological barrier in communication. Different views of the authors on the nature of the concept, the causes and factors of its occurrence are revealed.

Key words: psychological barrier, communication barriers, communication barriers, communication difficulties, reasons for difficult communication

В социальном плане психологические барьеры, возникающие в процессе коммуникации, представлены барьерами общения или коммуникативными барьерами, которые мешают человеку устанавливать нормальные контакты в межличностном взаимодействии. Многие авторы имеют различные взгляды на природу психологических барьеров общения, выделяют разные причины и факторы возникновения нарушений и трудностей общения.

Б.Д. Парыгин рассматривал психологические барьеры общения как осознаваемые или неосознаваемые «трудности и препятствия, которые возникают между индивидами, вступающими друг с другом в психологический контакт». Автор выделяет два вида социально-психологических барьеров. Первый вид — это внутренние барьеры личности, они выражаются в нормах, установках, ценностях, в личностных особенностях – в ригидности, конформности, слабоволии и т.д. Второй вид – это барьеры, причины которых находятся вне личности: непонимание со стороны другого человека, дефицит информации и т.д. Также Б.Д. Парыгин говорит о том, что существует две функции, которые выполняют психологические барьеры, и по своему характеру они альтернативны: первая функция – это повышение уровня психологической защищенности личности по отношению к всевозрастающей психической напряженности; вторая – это нейтрализация сферы непосредственного общения индивида, она является мощным резервуаром тонизации и стимуляции его эмоциональной активности. Характерной чертой определений, которые предлагает Б.Д. Парыгин, является то, что они сформулированы, исходя из наиболее существенных параметров психологических барьеров, какими являются их природа и функция. Борис Дмитриевич отмечает, что по своей природе психологический барьер является устойчивой установкой или психическим настроением личности, который фиксирован на достигнутом результате и который тормозит дальнейшую мобилизацию и использование духовного потенциала человека».

А.А. Бодалев, Т.А. Аржакаева и Г.А. Ковалёв в своих исследованиях феномена затруднённого общения опирались на идеи и взгляды Бориса Дмитриевича Парыгина. Ученые говорят о том, что к понятию затруднённого общения стоит относиться как к глобальному интегральному феномену. Они утверждают, что следствием субъективной стороны психологических трудностей общения будут являться объективные вещи – неполучение желаемого результата, неудовлетворение мотивов. Также авторы считают, что социально-перцептивные особенности субъектов являются основополагающей причиной

возникновения трудностей взаимодействия и выделяют ряд причин, которые могут приводить к барьерам общения [2]:

- а) искаженное восприятие ситуации как таковой;
- б) неадекватное восприятие собственной роли субъекта в данной ситуации;
- в) неадекватное восприятие роли его оппонентов;
- г) искаженные рефлексивные представления о ситуации и роли участников общения и т. д.

Современные авторы Менджерицкая Ю.А., Лабунская В.А. и Бреус Е.Д. говорят о том, что можно рассматривать понятие «затрудненное общение» в нескольких плоскостях:

- как социально-психологический феномен, проявляющийся в ситуациях социального общения и взаимодействия;

- в качестве объективного явления, которое выражается в несоответствии цели и результата, выбранной модели общения и реально протекающего процесса;

- как субъективное явление, что выражается в неудовлетворённых потребностях, мотивационных, когнитивных, эмоциональных диссонансах, а также внутриличностных конфликтах, которые представлены в переживаниях человека.

Эти авторы также дают определение затруднённому общению в узком и широком смыслах слова. В узком смысле под затруднённым общением понимается «незначительные трения и сбои в сфере межличностного общения», где главными его характеристиками выступают непрерывные сохранные контакты между субъектами общения; осознание испытываемых трудностей; поиск первопричин, которые приводят к сложностям в общении; самостоятельные попытки разрешения социально-перцептивных, интеграционных, коммуникативных трудностей. В широком смысле затрудненное общение – это любые виды и формы общения, которые приводят к разрушительным видоизменениям поведения партнёров общения, к прерывающимся контактам между ними, которые даже могут приводить к отказу от общения, к снижению уровня осознания при-

чин затруднения общения, к уменьшению, а в некоторых случаях к исчезновению попыток самостоятельного выхода из возникших затруднений, к появлению тревожного отношения к любым ситуациям общения [3].

В.А. Лабунская отмечает, что причины затруднённого общения могут быть «объективными» и «субъективными»; при этом следует учитывать, что, если «субъективные трудности» приводят к реальным изменениям, как в самом процессе общения, так и к изменениям личностных характеристик субъектов общения, то эти трудности не менее «объективны». Также автор выделяет пять факторов затруднённого общения: экспрессивно-речевой, социально-перцептивный, отношение-обращение, навыки взаимодействия и условия общения. Каждый фактор представляет собой группу характеристик личности как субъекта общения. По мнению Веры Александровны, экспрессивные и речевые компоненты поведения партнеров, выступая в качестве совокупности действий, рассматриваются партнерами как показатели их отношений друг к другу, состояний, переживаемых в момент общения, статусных позиций, качеств личности, и именно они могут являться внешними, объективными факторами возникновения трудностей в общении. Кроме этого, В.А. Лабунская говорит о том, что при одних и тех же сочетаниях свойств, процессов, качеств человек в одних ситуациях будет выступать субъектом затруднённого общения, а в других может не быть им. Таким образом, по мнению В.А. Лабунской, трудности, возникающие в общении, могут быть вызваны следующими причинами:

- субъективные, которые имеют отношение к различным аспектам функционирования личности или группы, и объективные, порожденные реальными взаимодействиями;

- первичные, которые образовались из-за природных условий жизни группы или личности, истории формирования отношений с другими группами, людьми, и вторичные, которые возникли из-за различных психогенных и социогенных воздействий;

- осознаваемые, реально присутствующие в ситуации общения и неосознаваемые, субъективно не переживаемые личностью и группой; представленные в сознании личности, но реально несуществующие;

- ситуативные или устойчивые;

- межкультурные и культурно-специфические;

- общевозрастные и гендерные (маскулинность – феминность), половые;

- индивидуально-психологические, личностные, социально-психологические;

- когнитивно-эмоциональные (представления, мнения, стереотипы, установки, настроения, превалирующие эмоциональные состояния, ценностные ориентации и т. д.), мотивационные и инструментальные (навыки общения, правила этикета, принятые в группе способы обращения и т. д.);

- компоненты структуры общения (социально-перцептивные, коммуникативные, интерактивные);

- вербальные и невербальные [5].

Особо важным положением для нашей работы является исследование Ю.А. Менджеричкой, которая изучала поведение и саморегуляцию людей в условиях, когда они испытывают особые сложности и трудности во время взаимодействия в силу своих особенностей личности и порой неосознанных намерений партнера. Юлия Александровна в современную психологическую науку ввела понятие «затрудненное общение», которое понимала как общение, в котором трудности возникают по вине партнера, создающего стрессовые обстоятельства, дискомфорт в самом акте взаимодействия. Более того, субъект затруднённого общения нередко фрустрирует своего партнера в такой степени, что не только провоцирует сбой в общении, нарастание нервно-психического напряжения, но и может блокировать развитие его личности, ее нормальное функционирование. В условиях инклюзивного образования эти мысли становятся весьма актуальными. Автор отмечает, что в трудах по социальной психологии отечественных и зарубежных авторов существует информация, факты, подтвержденные экспериментами, которые утверждают существование свойств

и характеристик личности, которые являются внутренними, субъективными условиями, выступающими психологическими барьерами общения.

Подводя итоги, опираясь на исследования и мнения авторов, мы можем сказать, что под затрудненным общением понимается широкий спектр явлений, который можно свести к расстроенному, нарушенному, не налаженному, неблагоприятному, дискомфортному и неэффективному общению. Затрудненное общение чаще всего объясняют наличием психологических барьеров, которые понимаются как преграды, препятствия на пути к общению между субъектами, основным носителем которых является личность, а функцией – сокрытие эмоционально-интеллектуального потенциала активности.

Библиографический список

1. Акатов, Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы / Л. И. Акатов: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений». – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
2. Бодалев, А. А. Психологические трудности общения и их преодоление / А. А. Бодалев // Педагогика. – 1992. – № 5. – С. 65–70.
3. Демьянов, Ю. Г. Особенности психологических барьеров общения здоровых детей с ограниченными возможностями здоровья / Ю. Г. Демьянов // Санкт-Петербургский государственный университет. – 2017. – С. 50–58.
4. Ермакова, Э. З. Особенности детей с ограниченными возможностями здоровья / Э. З. Ермакова // Международный образовательный портал. Свидетельство СМИ: ЭЛ № ФС 77-57008.
5. Лабунская, В. А. От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы «Субъект затрудненного общения» / В. А. Лабунская // Психологический вестник. Ростовский университет. – 1996. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 2440.
6. Цветова, С. Е. Барьеры общения у детей с ограниченными возможностями здоровья и их преодоление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ds-umka11.ru/index.php/konsultatsii-dlya-roditelej>.

Холодник О. А.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ подходов изучения феномена удовлетворенности жизнью в зарубежной и отечественной литературе.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, счастье, психологическое здоровье личности.

Kholodnyak O. A.,
Master's student
Chekhov Institute of Technical Sciences (branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution "RSEU (RINH)"
Taganrog

THEORETICAL ANALYSIS OF APPROACHES TO THE STUDY OF SATISFACTION WITH LIFE

Annotation. The article presents a theoretical analysis of approaches to studying the phenomenon of life satisfaction in foreign and domestic literature.

Key words: life satisfaction, subjective well-being, happiness, psychological health of the individual.

Понятие «удовлетворенность жизнью» в науке трактуется неоднозначно, до сих пор не сформированы единые подходы к использованию этого понятия и связанных с ним терминов, к пониманию его структуры, свойств и детерминант.

В психологии проблема удовлетворённости жизнью изначально рассматривалась с позиций негативных аспектов человеческой жизни, таким образом, отчасти повторяя воззрения философов. Данная тенденция сохранялась в течение нескольких десятилетий в трудах многих учёных, начиная с психоаналитического направления, основанного З. Фрейдом. Долгое время эмпирические поиски основывались на специфическом материале невротиков, человеческих не-

счастий, внутренних конфликтов; активно разрабатывались методы и способы «выхода» из различных негативных состояний.

Как справедливо заметил М. Селигман: «Занимаясь исцелением больных, врачи-психотерапевты совсем забыли, что их помощь нужна и здоровым. Ведь люди хотят не только избавиться от недугов, им необходимо найти цель и смысл своей жизни» [7].

В свою очередь, проблема позитивных проявлений психики человека, положительных переживаний, счастья и радости не выделялась психологами как отдельный предмет исследования в течение многих лет. Такой односторонний подход в исследовании человеческих форм жизни начал исправляться под влиянием работ психологов гуманистического направления во второй половине XX века (А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, В. Франкла и др.). Развитие гуманистической психологии повлекло за собой появление исследований такого феномена, как «субъективное благополучие личности», который, в свою очередь, включал в себя понятия счастья, удовлетворённости жизнью, психологического здоровья, положительной аффективности и позитивно окрашенного самочувствия [1].

Таким образом, понятие «удовлетворённость жизнью» оказывается тесно связанным с понятиями субъективного благополучия, счастья, оптимизма, психологического здоровья личности.

Удовлетворенность жизнью рассматривается в контексте качества жизни (И.А. Джидарьян, Л.В. Куликов). Также удовлетворенность жизнью объясняется как обобщенное переживание своего бытия и выступает у некоторых исследователей синонимом счастья. Удовлетворенность выступает субъективным переживанием личности и является характеристикой внутреннего мира субъекта (М. Селигман, М. Аргайл).

Анализ литературы показал, что понятие «удовлетворенность жизнью», находясь в тесной взаимосвязи с понятиями «счастье», «благополучие» и «субъективное благополучие», не тождественно ни одному из них. По мнению Н.В. Андреевской, Л.И. Галиахметовой, Л.В. Куликова удовлетворенность

жизнью – это когнитивная сторона субъективного благополучия, которую дополняет аффективная сторона – положительные и отрицательные эмоции, которые человек испытывает в какой-то отрезок времени [3].

Специфика психологического изучения удовлетворенности жизнью заключается, прежде всего, в том, что акцент делается на ее субъективный характер. В процессе формирования чувства удовлетворенности или неудовлетворенности объективные жизненные успехи и достижения, представления о качестве жизни личности преломляются не через внешние социальные нормы и критерии, а пропускаются сквозь внутренние стандарты и эталоны «идеальной жизни», заданные индивидуальным смыслом и системой ценностей.

Р.М. Шамионов связывает удовлетворенность жизнью с понятием субъективного благополучия и определяет последнее как «эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, своей личности, взаимоотношениям с другими и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных и смысловых представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде, выражающееся в удовлетворённости ею, ощущении счастья» [8, 9].

По мнению М. Аргайла, удовлетворённость жизнью, как одна из составляющих счастья, представляет собой рефлексивную оценку индивидом его прошлого и настоящего положения дел. Автор также добавляет, что удовлетворённость принято разделять на удовлетворённость жизнью в целом и удовлетворённость различными её аспектами – работой, семейной жизнью, проведением досуга и т.д. [1].

Удовлетворённость жизнью как субъективную оценку индивида также предлагает рассматривать и «Большой психологический словарь», согласно которому удовлетворённость жизнью понимается как субъективная оценка качества различных объектов, условий жизни и деятельности, а также жизни в целом, отношений с другими людьми и других людей, в том числе и оценку самого себя [2].

Само явление удовлетворённости жизнью рассматривается как субъективно переживаемое состояние, являющееся реакцией на качество взаимодействия индивида с жизненными обстоятельствами. В рамках субъективного восприятия человека, признаками удовлетворённости жизнью принято считать:

Общее эмоциональное состояние, связанное с текущей жизненной ситуацией.

Динамический компонент жизнедеятельности, такой, как активность – пассивность, амбициозность, наличие стремлений и желаний.

Субъективное ощущение насыщенности или пустоты жизни.

Удовлетворённость, связанная с реализацией планов и удовлетворением потребностей.

Ощущение стабильности окружающего мира, а также ожидания от будущего.

Таким образом, все приведенные определения удовлетворённости жизнью сводятся к рассмотрению данного феномена как когнитивного компонента, то есть, собственной, субъективной оценки индивидом тех или иных аспектов своей жизни. Более того, понятия «качество жизни», «субъективное благополучие личности», «счастье» и «удовлетворённость жизнью» рассматриваются множеством авторов как синонимичные, связанные друг с другом и являющиеся компонентами друг друга.

Библиографический список

1. Бенко, Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия / Е. В. Бенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 5–13.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Наука, 2014. – 672 с.
3. Куликов, Л. В. Психические состояния / Л. В. Куликов. – СПб.: Питер, 2014. – 512 с.
4. Петрова, Е. Г. Проблема суицидального поведения в молодежной среде / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2012. – № 6. – С. 155–159.

5. Петрова, Е. Г. Сравнительное исследование психологических особенностей подростков, употребляющих и не употребляющих наркотические вещества / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Европейский журнал социальных наук. – 2017. – № 3. – С. 499–508.
6. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в «группу риска» по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149.
7. Селигман, М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман. – М.: София, 2006. – 368 с.
8. Шамионов, Р. М. Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация / Р. М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 213–219.
9. Шамионов, Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности / Р. М. Шамионов // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – №4. – С. 68–81.

Холодник О.А.,
магистрант
ТИ имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ САООТНОШЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация. В статье представлен анализ самоотношения в концепции В.В. Столина и С.Р. Панталева. Описаны результаты исследования особенностей самоотношения у студентов педагогического вуза.

Ключевые слова: самоотношение, самопознание, самооценка, личность, принятие себя.

Kholodnyak O.A.,
undergraduate
TI named after A.P. Chekhov (branch)
FGBOU VO "RGEU (RINH)"
Taganrog

STUDY OF THE PECULIARITIES OF SELF-ATTITUDE AMONG PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS

Annotation. The article presents an analysis of self-relationship in the concept of V.V. Stolin and S.R. Pantileev. The results of a study of the characteristics of self-attitude among students of a pedagogical university are described.

Key words: self-attitude, self-knowledge, self-esteem, personality, self-acceptance.

Анализ зарубежных и отечественных литературных источников свидетельствует об отсутствии универсального представления о данном феномене. Разрозненные, часто противоречивые концепции самоотношения, по мнению ряда ученых, затрудняют интерпретацию эмпирических данных и ведут к кризису современной психологии самоотношения [1].

Вместе с тем, существует мнение, что разные подходы к раскрытию сущности самоотношения не противоречат друг другу, а раскрывают всю сложность, многогранность данного феномена и его ведущую роль в жизнедеятельности человека [2].

Рядом авторов, была предложена следующая модель иерархической организации самоотношения – частные самооценки, интегрированные по различным сферам личностных проявлений и в свою очередь, целостно в комплексе составляющие обобщенное «Я», которое и расположено наверху в данной иерархии.

Концепция В.В. Столина, основанная обобщёнными представлениями о самопознании и самоотношении на идее А.Н. Леонтьева, может служить связующим звеном между самостоятельными категориями «самосознание» и «самоотношение» [4].

Отношение к себе представляет собой специфическую активность субъекта по отношению к своему «Я», включающую в свой состав как определенные внутренние действия, так и установки на эти действия, характеризующиеся как эмоциональной спецификой и так предметным содержанием.

В нашем исследовании под понятием «самоотношение» мы придерживаемся концепции С.Р. Панталева. В ней самоотношение определяется через со-

отнесение с иерархической системой мотивов, предложенной А.Н. Леонтьевым. Самоотношение выступает в качестве иерархически-динамической системы, которая связывает когнитивные механизмы самооценивания и переживания эмоционально-ценностного отношения к собственной личности, формируемой социальной ситуацией развития личности [3].

При этом в качестве основного принципа построения системы самоотношения выступает не принцип аддитивности, как полагал В.В. Столин, а принцип динамической иерархии. Согласно данному принципу, каждый элемент самоотношения имеет возможность в тот или иной момент принять на себя функции ядерной структуры, определяя тем самым эмоциональный вектор и придавая устойчивость всему комплексу.

Самоотношение в качестве выражение смысла «Я» включает в себя следующие подсистемы: подсистему самооценок и подсистему эмоционально-ценностных отношений. При этом, подсистема самооценок по своей природе более подвержена защитным психическим процессам. На основе данного подхода можно найти объяснение причин, по которым человек, обладающий устойчивой низкой самооценкой, в тоже время может хорошо к себе относиться, вопреки этой самооценке, и, в свою очередь, – наоборот [4].

По мнению С.Р. Пантилеева, строение и содержание самоотношения раскрывается только посредством реальных жизненных отношений субъекта, «социальных ситуаций его развития» и деятельностей, за которыми в свою очередь стоят мотивы, связанные с самореализацией субъекта в качестве личности.

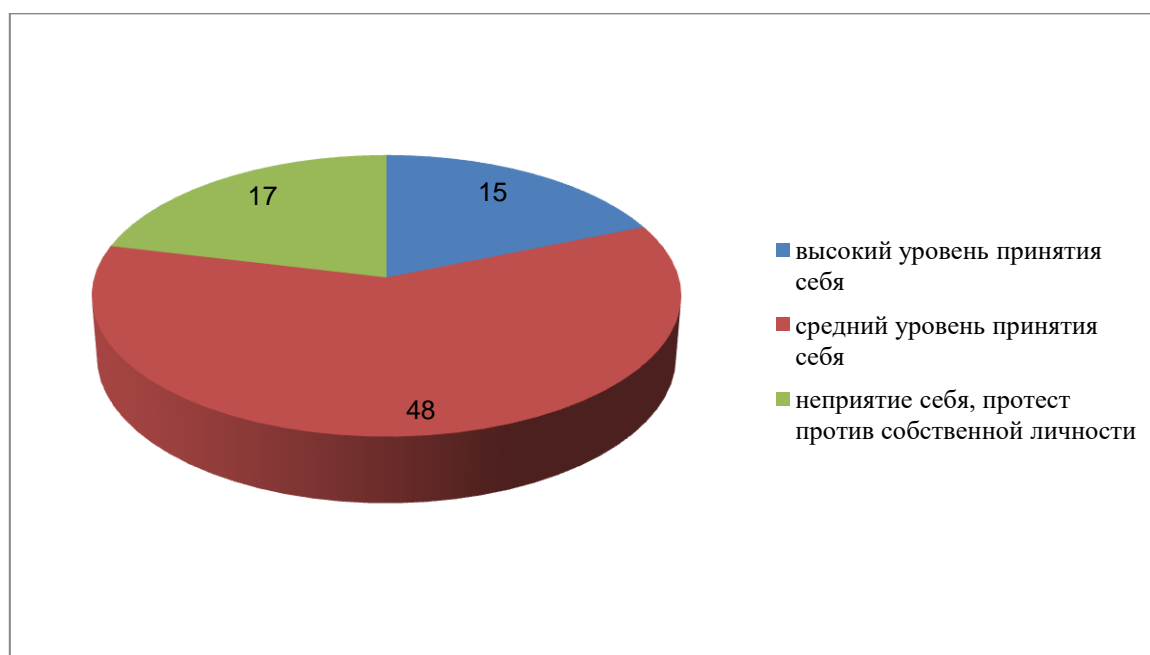
Таким образом, рассмотрев подходы к понятию «самоотношение личности» в зарубежной и отечественной психологии, необходимо отметить следующее. Общим в подходах является отношение к самоотношению как сложной системе. В то же время, возможно выделить различия, состоящие в том, что в западной психологии больше внимания уделяется самоотношению как системе самооценок, в отечественной – как компоненту самосознания, включающему наряду с самооценкой и эмоциональный компонент. Наиболее разработанным, с на-

шей точки зрения, является понятие «самоотношение» в концептуальном подходе С.Р. Пантилеева, на которое мы и будем опираться в нашем исследовании.

По результатам проведения теста «Опросник самоотношения (ОСО)» (В.С. Столин, С.Р. Пантилеев) мы разделили респондентов на три группы по уровню глобального самоотношения.

Таблица 1 – Распределение испытуемых по шкале «Глобальное самоотношение» (тест «Опросник самоотношения (ОСО)» (В.С. Столин, С.Р. Пантилеев))

Уровень глобального самоотношения	высокий уровень принятия себя (n =15)	средний уровень принятия себя (n =48)	неприятие себя, протест против собственной личности (n =17)
Средний балл	75,5	63,9	44,7

Рисунок 1 – Распределение испытуемых по шкале «Глобальное самоотношение» (тест «Опросник самоотношения (ОСО)» (В.С. Столин, С.Р. Пантилеев))

Как мы можем увидеть, 19% респондентов имеют высокий уровень принятия себя, 21% – не принимают себя, испытывают протест против собственной личности. 60% испытуемых проявляют средний уровень принятия собственного «Я».

Посмотрим, какие различия существуют в выделенных нами группах участников эксперимента по остальным шкалам используемой методики.

Мы можем обобщить все рассматриваемые шкалы в два уровня самоотношения: самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе, и уровень конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я».

Таблица 2 – Уровень развития компонентов самоотношения (тест «Опросник самоотношения (ОСО)» (В.С. Столин, С.Р. Пантилеев))

Шкалы	высокий уровень принятия себя (n =15)	средний уровень принятия себя (n =48)	неприятие себя, протест против собственной личности (n =17)
самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе			
самоуважение	78,4	59,6	41,5
аутосимпатия	80,2	61,7	46,4
ожидаемое отношение от других	79,8	68,3	46,2
самоинтерес	61,2	53,4	48,9
уровень конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему "Я"			
самоуверенность	58,9	55,2	49,7
отношение других	76,9	63,6	49,1
самопринятие	77,2	55,9	42,8
саморуководство, самопоследовательность	78,1	63,2	49,2
самообвинение	51,2	53,4	56,1
самоинтерес	58,5	52,1	46,7
самопонимание	62,9	60,4	54,8

Из таблицы видно, что значительные количественные различия существуют между группами испытуемых с разным уровнем глобального самоотношения по следующим шкалам: «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Ожидаемое отношение от других», «Самопринятие» и «Саморуководство».

Испытуемые с высоким уровнем принятия собственной личности демонстрируют высокие показатели по шкалам «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Ожидаемое отношение от других», «Самопринятие» и «Саморуководство». Это означает, что для респондентов этой группы свойственны уважительное от-

ношение к себе, собственным планам, стремлениям; эмоциональное принятие себя таким, каков человек есть; об ожидании положительного отношения к себе, одобрения своих планов; о стабильности собственного поведения и самоотношения; о развитой силе воли, внутреннем контроле поведения и жизни в целом.

Испытуемые с неприятием собственной личности демонстрируют низкие показатели по шкалам «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Ожидаемое отношение от других», «Самопринятие» и «Саморуководство». Это означает, что для респондентов этой группы свойственны сомнения в собственной значимости, безразличие к образу «Я», негативные ожидания по отношению к себе от других людей, неуверенность, колебания в самоотношении, неверие в свои силы и способности.

Библиографический список

1. Абасова, Б. А. Самоотношение личности: теоретический аспект / Б. А. Абасова // Актуальные вопросы развития территорий: теоретические и прикладные аспекты: сб. мат. Международ. научно-практич. конф. / ред. А.А. Коротких. – 2017. – С. 87–90.
2. Кольшко, А. М. Психология самоотношения: учебное пособие / А. М. Кольшко. – Гродно: Изд-во ГрГУ. – 2014. – 102 с.
3. Пантилеев, С. Р. Самоотношение / С. Р. Пантилеев // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: БАХРАХ-М, 2014. – С. 208–242.
4. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин // Психология самосознания: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2013. – С. 123–156.
5. Петрова, Е. Г. Проблема суицидального поведения в молодежной среде / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2012. – № 8. – С. 155–159.
6. Петрова, Е. Г. Сравнительное исследование психологических особенностей подростков, употребляющих и не употребляющих наркотические вещества / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Европейский журнал социальных наук. – 2017. – № 3. – С. 499–508. – EDN XSMFKX.
7. Петрова, Е. Г. Психологический портрет подростков, входящих в «группу риска» по возникновению наркотической зависимости / Е. Г. Петрова, О. А. Холина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 139–149.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Материалы

VI-й Всероссийской научно-практической конференции
Таганрогского института имени А.П. Чехова
(филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

г. Таганрог, 09 декабря 2022 г.

Ответственный редактор
зав. кафедрой психологии
Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала)
ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ),
канд. психол. наук, доцент Оксана Александровна Холина

Все статьи публикуются в авторской редакции.

Компьютерная верстка О.А. Холина

Корректурa, макетирование Н.. Фоменко

Изд. № 74/4198. Подписано к использованию 02.06.2023.

344002, Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 69, РГЭУ (РИНХ), а. 152.
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)